

Л.А.Глезер

ЗАПИСКИ БУКИНИСТА

«Книга»

Л.А.Глезер ЗАПИСКИ БУКИНИСТА

Л. А. Глезер

ЗАПИСКИ БУКИНИСТА

Москва «Книга» 1989

ББК 76.18
Г 53

Рецензент: В.Г.Утков, член Союза писателей СССР

Лев Абрамович Глезер – старейший советский букинист. Его работа в мире книг началась еще в 1924 году – он был книгоношей на рынке у Китайгородской стены. Более 27 лет проработал Лев Абрамович в "Пушкинской лавке". Верно служа книге в течение 60 лет, он приобрел в книжном мире много добрых друзей, среди них – известные деятели науки и культуры. Рассказам о книгах и своих книжных друзьях посвящает "Записки букиниста" Лев Абрамович Глезер.

$Г \frac{4502050000-071}{002(01)-89} 16-89$

ISBN 5-212-00110-2

Л.А.Глезер

ЗАПИСКИ БУКИНИСТА

... Когда собираешь книги, то во многом приходится себе отказывать, но и это составляет прелесть собирательства. Существуют просто купленные за большие деньги библиотеки: у человека было много денег, и он купил сразу много книг. Это не собирательство, это покупка; кстати, истинные книжники не уважают таких покупателей. Собирают книги по зернышку, много лет, выискивая и радуясь находкам, принося книгу домой как обретенное сокровище, при этом без малейшего чувства собственничества или стяжательства. Напротив, с чувством удовлетворения, что делаешь общее дело, что твое собрание попадет когда-нибудь в общественное хранилище, что капля твоего меда будет в этом улье, а за пыльцой приходилось далеко летать, иногда не легко летать, иногда зря летать, потому что она так и не досталась.

В.Г. Лидин

У Китайгородской стены

Уходит в прошлое старая Москва. Теперь уже мало кто помнит, как в двадцатые годы в самом центре возник книжный базар. Все началось с книжных развалов на обыкновенных рогожах и мешках, а затем постепенно и как-то незаметно стали появляться складные прилавки на деревянных козлах и наклонные щиты, а впоследствии и киоски-палатки. Образовался постоянно действующий книжный базар.

Расположен он был с внешней стороны Китайгородской стены, от Никольских до Ильинских ворот. Построенная в первой половине XVI века, она охватывала древний посад и отделяла Китай-город от остальной части Москвы. Это место оказалось чудесным убежищем для любителей книги. И выбрано оно было ими не случайно. Здесь, в Китай-городе, в это время находилось множество различных учреждений, начиная с наркоматов и кончая мелкими конторами, складами, трестами, синдикатами, принадлежавшими частным лицам и акционерным обществам.

Ежедневно огромный поток людей выходил из трамваев на остановке "Лубянская площадь" (ныне площадь Дзержинского) и направлялся в Китай-город.

Лубянская площадь была одной из самых оживленных в Москве. Здесь проходила бесконечная вереница трамваев и автобусов. Достаточно сказать, что из 37 действовавших в Москве трамвайных маршрутов 18 приходилось на Лубянскую площадь.

В нижней части стены, с внутренней стороны, между Ильинскими и Варварскими воротами, находился (да и сейчас находится) Центральный Комитет нашей партии. Наискосок от здания ЦК партии на Варварской площади (ныне площадь имени Ногина) размещался Высший Совет Народного Хозяйства, куда приезжали командированные со всех концов нашей страны. Таким образом, вся эта часть города была деловым центром Москвы.

Против участка Лубянская площадь – Ильинские ворота величаво стоит здание Политехнического музея, построенного во второй половине XIX века.

В двадцатые годы все выглядело по-иному, чем сегодня. Площадь была значительно меньше нынешней. Посреди Лубянской площади стоял знаменитый фонтан со скульптурной группой работы русского скульптора-классика Витали (ныне он находится на площади Свердлова). Между Политехническим музеем и площадью размещались еще два здания. В одном из них находилась Московская городская еврейская библиотека. В другом, прямо на площади, трактир, который пользовался большой популярностью у извозчиков. У входа в трактир всегда можно было видеть не менее десятка запряженных лошадьми колясок, ожидавших, пока их кучера "заправятся" и обогреются. Этим "убежищем" охотно пользовались и книжники. Ведь торговля начиналась утром, чуть свет, и продолжалась до темноты. Здесь можно было обогреться чашкой чая и закусить яичницей с колбасой.

Работать было нелегко. Но дождь, снег – всякая непогода – разве это помеха для букинистов. Когда рынок сильно разросся, новенькие с трудом находили себе пристанище, располагаясь на любом клочке земли.

Чтобы облегчить работу, объединялись парами, в основном по родственному признаку, например: брат и сестра Ильины, братья Наперсток, братья Зверевы, братья Глезер, отец и сын Эзрубильские, отец и дочь Эльяшевы, муж и жена Троцкие.

Рано утром на тележках, из сараев, где хранились книги, завязанные пачками, их вывозили к постоянному месту, раскладывая на рогожах или мешковинах – начиналась торговля. Напарник же по торговле шел в свою книготорговую организацию, сдавал выручку прошлого дня и, подбирая новую партию книг, завозил ее к месту торговли к Китайгородской стене. Надо сказать, что мы по должности назывались книгоношами. Книгоноша – торговец книгами вразнос. Так объясняет это слово энциклопедия. Владимир Даль в своем "Толковом словаре" дает такое объяснение: "Книгоноша – разносчик книг.

Букинист". У меня до сих пор хранятся справки с места работы, в которых указывается, где и когда я работал в качестве книгоноши.

В те времена никто из книгонош книг не разносил. Книгоноши в штатах книготорговых организаций не состояли. И заработок их был существенно меньше заработка штатных работников. В члены профсоюза книгонош не принимали. Только в тридцатые годы им были даны некоторые дополнительные права. От частных торговцев книгами они отличались только тем, что не платили государственного налога с доходов, которые они получали, и им предоставлялось право иметь постоянное место торговли книгами, также не облагаемое налогом.

План реализации литературы устанавливало руководство книготорговых организаций. Этот план назывался выработкой. Платили нам определенный процент от выработки. Деньги, которые мы получали, были значительно меньше заработка среднего служащего. Чтобы дать нам возможность заработать побольше, разрешили совместительство.

Так, основным местом моей работы было издательство "Новая Москва". Место же работы по совместительству – Ленгиз. В Москве были контора и магазины Ленинградского отделения Госиздата (Тверская, дом 51 – ныне улица Горького). Брат мой, Давид Абрамович, числился при складе Госиздата (Лялин переулок), который когда-то принадлежал издательству Панафидиных, и работал еще где-то по совместительству.

В те далекие годы, а точнее в 1922 году, в Москве создается Торговый сектор Госиздата – центральная оптовая книготорговая организация. Торговому сектору было передано около 25 книжных складов национализированной литературы. В кратчайшие сроки следовало не только разобрать всю эту махину книг, но и классифицировать их. Главное же, нужно было определить, полезна ли та или иная книга, и придать этим книгам товарный вид, поскольку не всегда они находились на складах связанными в пачки и установленными в штабеля. Эту гигантскую работу проделала небольшая группа

энтузиастов-книжников во главе с Николаем Никандровичем Накоряковым.

Мне вспоминается книжный склад в Денежном переулке (ныне улица Веснина). Склад этот принадлежал издателю А.А.Карцеву, а по "наследству" достался издательству "Новая Москва". Большая часть книг там была сложена в штабеля, но много книг хранилось в двух сараях, где они лежали навалом, до потолка, россыпью. Приходилось ходить по книгам, а ведь среди них – книги выдающихся деятелей мировой культуры.

Склады с национализированной литературой были переданы не только Торговому сектору ГИЗа, но и другим книготорговым организациям Москвы – "Новой Москве", Центросоюзу, Ленгизу (имевшему в Москве магазины). Эту огромную массу книг необходимо было как можно скорее довести до потребителя, освободив склады от старой, дореволюционной литературы и подготовив их к приему тиражей книг, издаваемых советскими издательствами.

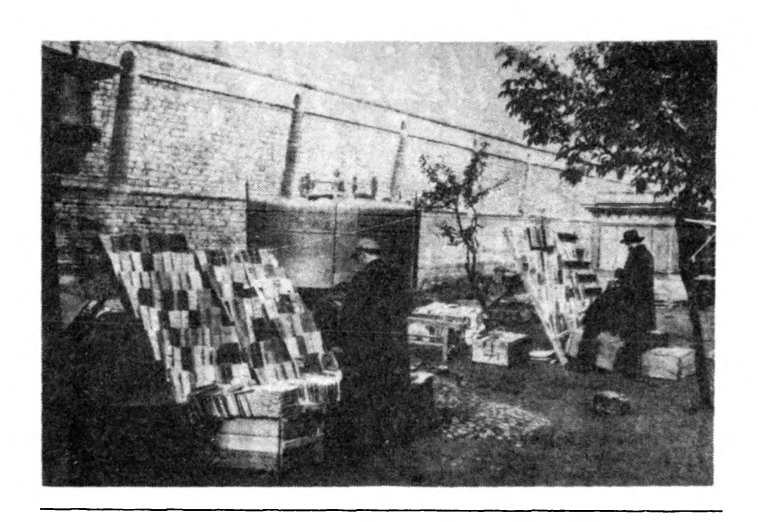
После окончания гражданской войны жизнь в стране стала налаживаться. Народные массы потянулись к культуре. Появился огромный спрос на печатное слово.

Советская книга выходила тогда еще небольшими тиражами. Но в продажу поступали и старые, дореволюционные издания. Следовательно, ассортимент книг был достаточно широким, и работы у нас все прибавлялось.

По настоянию Моссовета руководство книготорговой организации "подняло" нас с земли, выделив разборные прилавки на козлах. Приспосабливали ящики, а также сделанные из фанеры щиты, наклонив их и поставив подпорки. Книги на щитах закрепляли веревочками на гвоздиках. В книги вкладывали ярлычки с ценами.

Проходило время, и некоторые частные торговцы (ведь был нэп) поставили киоски. Книги уже никуда увозить не нужно, три стены использовались для показа книг. На ночь все закрывалось ставнями. И что самое важное – появилась крыша над головой, уменьшилась порча книг.

Естественно, что и наше начальство последовало

Книжный базар у Китайгородской стены

примеру частников, однако не без нажима со стороны Моссовета, который все больше стал заботиться о благоустройстве города. Так улучшалась организация нашего дела, мы набирались опыта, расширяли свои знания, осваивали профессию.

Книжный развал! В нем больше всего в поисках библиографических редкостей любили копаться книголюбы. Книги были на все вкусы. Вот книги в издании П.П. Сойкина – разрозненные тома из собраний сочинений Киплинга, Стивенсона, Диккенса, Марриета, Конан Дойла, Буссенара и некоторых других авторов. Книги новенькие, неразрезанные, и каждая по 30 коп. Рядом издания В.М.Саблина. Стоимость в издательском красивом зеленом переплете – 20 коп. за том, без переплета – 15 коп. Книг в издании Саблина было особенно много. Это отдельные тома сочинений Г. д' Аннунцио, Г.Ибсена, С.Лагерлеф, П.Лоти, Г.Манна, О.Уайльда, А.Шницлера, М.Метерлинка, К.Гамсуна.

В течение дня стопки книг каждого издания таяли и таяли, и к концу дня зачастую не оставалось ни одного экземпляра. На следующий день ассортимент пополнялся книгами тех же издателей, но других авторов и других названий.

Более активные книголюбы за неделю легко, по томику, собирали полные собрания сочинений. Но для этого нужно было посещать и другие "злачные" книжные места, разбросанные по городу. Книгами торговали и на Сухаревской площади, и на Трубном рынке, и у Третьяковских ворот, и на Никитской улице, и в других местах.

Естественно, кроме перечисленных выше авторов и названий, были сотни других. В том числе издания по истории, естествознанию, философии, медицине и т.д. Постепенно открывались новые склады, заполненные книгами, и книжный ассортимент, естественно, расширялся.

Как я уже сказал, нашей "Новой Москве" был придан склад издателя А.А.Карцева. Наиболее интересными здесь были книги Л.П. Сабанеева "Рыбы России", изданные в 1911 году, Г.Масперо "Древняя история народов Востока" и, главное, сочинения Е.А.Салиаса, начиная с 21-го по 33-й том. Сочинения Сабанеева, Масперо и Салиаса мы продавали по 50 коп. за том. Надо сказать, что книги эти объемистые, по 500 и более страниц. Страницы не были разрезаны, и при расшивании книги получались большие листы бумаги. Этим пользовались некоторые книгоноши-хитрецы и, чтобы выполнить план-выработку, свозили тома Салиаса на рынки, продавая мелким торговцам ягодами на кулечки и обертку. Такого рода дельцов было немного. Они оказались случайными людьми в книжной торговле и постепенно отошли от нашего дела. Именно эти тома Салиаса в издании А.А.Карцева стали все реже и реже встречаться у букинистов. Потому и стоимость их всегда была высокой. Сейчас они стоят и совсем дорого. Хорошо расходились альбомы разборных моделей машин, которые были обнаружены на одном из складов. Появились у нас в продаже прекрасно изданные выпуски — "Жизнь животных

в фотографиях с натуры" — общедоступная зоология. Это издание И.Кнебеля (1910) — вышло 10 выпусков. Спрос на них был огромный. Автор этого труда Ч.Д.Корниш.

Уже трудно вспомнить все замечательные книги, которые в больших количествах хранились на складах и предназначались для продажи.

Однажды обнаружили склады Центросоюза, находившиеся в Переведеновском переулке в Бауманском районе города. Там в двух- или трехэтажном здании на полках лежали остатки тиражей разных книг. В частности, мы с братом в числе других вывезли сочинения Куно Фишера "История новой философии" в издании Д.Е.Жуковского в 7 томах (9 книгах). Было примерно 40 полных комплектов и очень много разрозненных. Литература по философии и экономике в то время пользовалась очень большим спросом. Насколько мне помнится, комплект "Истории новой философии" (9 книг) стоил 5—6 руб., а отдельные тома — по 40 коп. Раскупались эти книги хорошо. Букинисты из магазинов на Моховой (ныне проспект Маркса) и Большой Никитской (ныне улица Герцена) примчались к нам, чтобы закупить все тома Куно Фишера, но им достались только остатки. Частные торговцы продавали эти книги по значительно более высокой цене. Следует заметить, что вся литература, хранившаяся на старых складах, была оценена очень низко, во-первых, потому, что нужно было освободить помещение складов для хранения вновь печатавшихся книг, во-вторых, потому, что бытовало мнение, будто книги со старой орфографией должны отмереть. Так, вероятно, думало руководство, занимавшееся издательскими и книготорговыми делами. Но в то же время за несколько лет до этого издательство Наркомпроса издало большими тиражами классиков русской литературы с матриц изданий А.Ф.Маркса и, естественно, в старой орфографии.

Запасы книг, поступавших к нам со складов, пополнялись также из библиотек, покупаемых на дому. Первое время этим занимались наши конкуренты — частные торговцы.

На прилавках книжных магазинов появились собрания сочинений В.А.Жуковского, А.П.Чехова, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова, Н.В.Гоголя и многих других русских классиков в издании Наркомпроса. Эти книги были отпечатаны на плохой бумаге и стоили 10–15 коп. том.

Для сравнения следует привести несколько примеров стоимости книг, изданных в последующие годы. Так, Г.Гауптман "Остров великой матери", 1925 год, стоил 1 руб. 50 коп., Г.Честертон "Охотничьи рассказы", 1927 год, – 1.50, Р.Тагор "Гора", 1927 год, – 2 руб., И.Бабель "История моей голубятни", 1926 год, – 70 коп., М.Пруст "Утехи и дни", 1927 год, – 1.25. Если этот краткий перечень цен на новые книги сравнить с нашими, китайгородскими, то становится понятным, почему покупатели предпочитали наш базар – книги у нас были значительно дешевле.

В это время сильно возросла потребность в чтении книг и образовании личных библиотек. С появлением у Китайгородской стены частных торговцев книгами, имевших патенты и плативших соответственно подоходные налоги, появились в продаже и дорогостоящие книги в любительских и издательских переплетах. В витринах этих киосков стояли связанные веревками комплекты "Истории русского искусства" И.Грабаря, энциклопедические словари Брокгауза и Ефрона и издательства "Просвещение", "Вселенная и Человечество" Г.Кремера, "Жизнь животных" А.Брема, "Земля и люди" Э.Реклю и другие интереснейшие издания.

В большом выборе были научные книги. Постоянным спросом пользовались сборники "Россия. Полное географическое описание нашего отечества" под редакцией П.П.Семенова-Тян-Шанского (издание А.Ф.Девриена, Спб.). К сожалению, это издание не закончено. Вышли всего 11 объемистых томов с многочисленными иллюстрациями и картами. В томах "Россия" нам рекомендовали убрать с переплета или обложки царскую эмблему – двуглавого орла, вырезав его. В ассортименте были и другие издания: Р.Боммели (перевод с немецкого) "История Земли" (Спб., 1912), Д.Н.Кайгородов "Из царства пер-

натых" (издание А.С.Суворина), его же "Наши летние цветы" – популярные очерки в трех сериях с цветными иллюстрациями (издание также А.С.Суворина, 1913–1916), 5-е издание "Флоры Средней России" П.Ф. Маевского (издание М. и С.Сабашниковых, 1917), 3-е издание "Птиц России" М.А.Мензбира (издание М. и С.Сабашниковых, 1918), А.М.Никольский "Гады и рыбы" (Спб.: издание Брокгауза и Ефрона, 1912) и др.

Очень много было книг-одиночек, книг новых, неразрезанных. Ну а развал состоял из разных книг, брошюр, разрозненных журналов. Эти издания особенно любили охотники порыться в поисках редкостей. Книги были на любой вкус. Этот товар в течение дня почти весь раскупался.

Так называемые "холодные книжники" продавали книги с рук "на крик" – громкими голосами старались привлечь к себе внимание покупателей. Рекламировали "Что делает жена, когда мужа дома нет", "Загадочное убийство в Марьиной роще". Эти книжки покупали охотно. В течение получаса продавали по 100 экземпляров, хотя книги были малоинтересны и содержание их ничего общего не имело с крикливым названием.

За период 1923–1928 годов многие издательства взяли курс на издание художественной литературы, переведенной с иностранных языков. Этим стали заниматься не только государственные издательства, но и ряд частных, кооперативных, таких, как "Время", "Мысль", "Сеятель", "Пучина", "Книжные новинки", "Петроград", "Прибой", издательство А.Ф.Маркса, "Атеней", "Круг", "Пролетарий" и др. Книги выходили в ярких, броских обложках и сравнительно небольшими тиражами – от 1000 до 3000 экземпляров. Переводы – современные, высокого качества. Книги стоили примерно от 75 коп. до 2 руб.

Бóльшая часть тиражей этих изданий распространялась через "Союзпечать". Во всех киосках нашей страны рядом с газетами и журналами мелькали обложки этих книг. Среди авторов много известных писателей. Это Джек Лондон, Эдгар Уоллес, Пьер Бенуа, Эдгар Берроуз,

Оливия Уэдсли, Морис Леблан, Джемс Оливер Кервуд, Риджуэй Келлем, Вильям Джекобс, Гильберт Честертон, Франк Хеллер, Пьер Милль, Поль и Виктор Маргерит, Гастон Леру и многие другие.

Произведения этих авторов – в основном детективного и приключенческого характера. В те, двадцатые, годы была своеобразная мода на чтение книг подобной тематики. Вообще этот жанр всегда имел и теперь имеет большую читательскую аудиторию.

Однажды по рынку у Китайгородской стены прошел слух, что на центральном складе "Союзпечати" (Петровский бульвар) – тогда им заведовал Семен Яковлевич Савельев (в тридцатых–пятидесятых годах – старший товаровед в магазинах "Москультторга" и "Москниги") – скопилось значительное количество этих книг. Со всей страны сюда поступал возврат непроданных книг с частично поврежденными обложками – выгоревшими на солнце. Склад необходимо было освобождать, и администрация вынуждена продавать этот возврат по очень низкой цене, со скидкой 90% от номинальной стоимости, то есть 10 коп. вместо 1 руб. К каждой книге был прикреплен ярлык, в котором указывалось, из какого города этот возврат, дата и цена. В течение двух-трех дней склад "очистили". Частные торговцы закупили все "на корню". И продавали почти по номинальной стоимости. То, что не было реализовано на периферии, в Москве продавалось отлично.

Находчивее и дальновиднее всех оказался один из наших книгонош. Он первым появился на складе "Союзпечати" и закупил там книги только одного автора – Эдгара Берроуза. В тридцатых годах на книги Берроуза появился большой спрос, и читатели готовы были платить за них втридорога. Наш коллега продержал дома все закупленные книги Берроуза год или полтора, а затем пустил их в продажу в своей торговой точке. Каждый день он приносил один или два экземпляра. Не больше. Продаст и сворачивает торговлю, уходит домой. Продавал он каждую книжку по 4–5 руб. Как известно, сочинения Эдгара Берроуза вышли отдельными изданиями

в сериях ”Тарзан”, ”Марсиане” и ”Закоренелый преступник”. Всего выпущено 12 или 13 наименований. Причем некоторые произведения были переизданы по 2–3 раза разными издательствами.

Книги Берроуза пользовались очень большим спросом и в последующие годы и ценились высоко. Это было легкое, увлекательное ”чтиво”, однако лишенное какой бы то ни было художественной ценности.

Жизнь у Китайгородской стены начиналась чуть свет. Побывать на книжном базаре у знаменитой стены было и необходимо, и интересно.

Книголюбы же, и опытные и начинающие, толпились здесь целый день, подбирая одним им ведомые шедевры. А какой шум и грохот на этом стихийно созданном рынке! Гул усиливали постоянно снующие трамваи. Воспользовавшись большим стечением людей, облюбовали себе ”беспатентное” место мелкие торгаши. Чем только здесь не торговали, причем с обязательной рекламой.

Один продавал аккуратные брусочки, завернутые в алюминиевую фольгу, выдавая это за новое изобретение в химии, снимавшее пятна с любой ткани. Этот ”деятель”, оставив химическим карандашом на мокрой ткани чернильное пятно, тут же натирал его брусочком и смывал водой – пятно исчезало. Обычно он хватал за рукав пиджака какого-нибудь провинциального зеваку и проводил с ним этот эксперимент. Стоил его химический брусочек дешево, под крикливую рекламу раскупали его охотно. Букинисты знали, что он торгует обыкновенным хозяйственным мылом, ровно нарезанным на небольшие брусочки, завернутые в фольгу.

Здесь же, в двух шагах от ”химика”, торговали еще одними загадочными брусочками длиной в 25 см. Из чего они были сделаны, до сих пор для меня загадка. Взяв напильник и обыкновенную косу, торговец затуплял ее напильником. Можно себе представить, какой скрежет стоял вокруг! Затем он в течение минуты натачивал косу с двух сторон продолговатым брусочком и коса чисто резала лист бумаги. Ну, прямо как бритва! Эти же брусочки могли резать стекло. Наподобие алмаза. Торговля сопро-

В поисках книжных редкостей

вождалась непрерывными громкими рекламными возгласами, и шла она отлично.

Рядом слышно было: "Из-за пуговицы не надо жениться, из-за пуговицы не надо разводиться". Этот доморощенный поэт рекламировал пуговицы без дырочек, состоящие из двух половинок, которые, будучи приложенными с обеих сторон ткани, скреплялись при нажиме на них.

И, как на всех базарах, здесь процветали жулики разных "специальностей" и, конечно, карманники. Однако работающих книжников они щадили.

А на Ильинском скверике, у памятника героям Плевны, существовала черная биржа. Здесь толпы дельцов покупали и продавали золотые монеты царской чеканки, золотые изделия, бриллианты. А главное — шла торговля червонцами. Деньги первых годов Советской власти (миллионы, миллиарды) менялись на новую твердую валюту — червонцы. В этой толпе только и слышалось:

"Даю! Беру!". С каждым днем червонец приобретал все большую стоимость.

У Китайгородской стены я проработал с 1924 по 1931 год. Видел тысячи людей. Знакомство с некоторыми сохранилось до сего времени. Кто только не посещал наш культурный центр (а что центр наш культурный, сомнений у нас не было). Это известные писатели, художники, профессура московских вузов, артисты, просто любители книг!

В поисках книжных редкостей часто наведывались к нам уже искушенные книголюбы, такие, как Демьян Бедный, В.Лидин, Н.Смирнов-Сокольский, Н.Машковцев, А.Сидоров, И.Розанов, и многие другие известные деятели культуры и науки. Общение с ними было для начинающих букинистов первыми "университетами".

Демьяну Бедному купленные книги, как правило, доставляли на дом.

Начинал собирать свою библиотеку Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Как эстрадный актер он уже тогда был знаменит. Первое его увлечение – это томики издательства "Academia". В дальнейшем собирательство стало частью его жизни.

Постоянно посещал нас известный писатель Владимир Германович Лидин, также пополнявший свою библиотеку. Однажды, когда я был в гостях у Лидина, уже десятки лет спустя (а он любил букинистов и любил показывать свои раритеты), Владимир Германович показал мне несколько книг, купленных на базаре у Китайгородской стены. И при этом он заметил: "Лев Абрамович, а не у Вас ли я приобрел эти книжные редкости?" Лидин был истинным другом букинистов и всячески помогал нашему делу.

Одним из друзей букинистов был известный в Москве зубной врач. К сожалению, фамилию его я запамятовал. В своей квартире в Мерзляковском переулке близ Поварской (ныне улица Воровского) он содержал зубоврачебный кабинет, где принимал больных, причем букинистов принимал вне очереди и никаких гонораров с нас не брал. Он был высокого роста, и поэтому его появление

у Китайгородской стены становилось сразу же заметным. Всегда при нем были саквояж и большая алфавитная книжка.

Он собирал книги для библиотеки, организованной им где-то в маленьком уездном городишке в память о своей покойной жене, бывшей учительнице-общественнице. Все расходы по приобретению книг он принял на себя. Покупал собрания сочинений русских и иностранных писателей. Собирал по томику и только определенные издания. Все приобретенное отмечалось в алфавитной книжке. Когда скапливалось много книг, он отправлял их в учрежденную им библиотеку.

Постоянно появлялись на нашем базаре два профессора математики Московского университета. Оба пользовались уважением, но были со странностями. Один из них покупал книги, расплачивался, но всегда прихватывал и незаметно клал в портфель одну-две книги. Он страдал болезнью – клептоманией. Продававший, даже если замечал кражу, делал вид, что ничего не случилось. Через день-два приходила жена профессора, обходила весь ряд книжников, выясняя, у кого из нас муж "одолжил" книги, и расплачивалась. У другого уважаемого нами профессора болезнь была иного рода – у него часто случались запои, причем затяжные. В трудные для себя минуты он приносил книги для продажи. Купленные у него книги мы обычно откладывали и сохраняли до выздоровления профессора. Проходило время, и они ему возвращались по той же цене, по которой были у него куплены.

Многие из тех, кто собрал хорошие библиотеки, начинали комплектовать их на развалах у Китайгородской стены. Их имена сейчас мало кому известны, но это были люди, самозабвенно влюбленные в книгу, отдавшие много времени и энергии, чтобы собрать свои библиотеки. Хотя имена и отчества их мною забыты, но сохранилась память об их одержимости, увлеченности той или иной тематикой.

Вот учитель Шайкин – тщедушный, маленького роста, тихий человек. Незаметно подходил он, как бы под-

крадываясь, к книготорговой точке. Вначале покупал только приключенческую литературу, а затем стал приобретать и русскую классическую. Весь свой заработок он тратил на книги. Его знали все книжники. В последние годы он стал "всеядным" и покупал, как он говорил, "все интересное". Даже перед своей кончиной он заходил к нам, но уже в "Пушкинскую лавку", и спрашивал, нет ли чего занимательного. Удивить его какой-нибудь диковинкой с годами становилось все труднее. И библиотеку он собрал действительно грандиозную.

Когда Шайкин умер, вдова потихоньку стала продавать книги. Сначала сдавала их в магазины, но затем попала под влияние дельцов, выдававших себя за научных работников, и самые редкие издания, всегда высоко ценимые, как, например, сочинения Э.Габорио, К.Монтепена, Эжена Сю, Г.Борна, Н.Э.Гейнце, Г.Самарова, В.С.Соловьева, Луи Буссенара, К.Ф.Валишевского, Г.Хаггарда, Г.Эмара и многие другие того же достоинства, были по незнанию, неопытности, без консультации с букинистами проданы за бесценок. Эти авторы издавались во второй половине XIX – начале XX века. Фабула детективного, приключенческого, иногда занимательно-исторического характера привлекала к себе внимание многочисленных читателей. Такие романы, как Э.Сю "Парижские тайны", Ф.Буагобея "Предсмертные годы деятельности известного французского сыщика Лекока", Г.Борна "Невеста каторжника, или Тайны Бастилии", уже своими названиями интриговали читателя. Книги эти выходили небольшими тиражами и зачитывались до дыр. В общественных библиотеках они совсем не сохранились. И потому стали редки и дорого оцениваются. Хотя интерес к этим произведениям в основном пропал, есть еще книголюбы, для которых наивные по изложению романы представляют интерес.

Библиотека Шайкина была настолько обширна и разнопланова, что в моей памяти нет ей аналогов. Вдова приносила в магазин продавать книги вплоть до 1984 года.

Очень популярный в двадцатые годы эстрадный

актер Григорий Иванович Афонин, выступавший в амплуа фельетониста-старика, пытался конкурировать на эстраде с самим Н.П.Смирновым-Сокольским. Лавры последнего и как собирателя книг не давали ему покоя. Стал Григорий Иванович комплектовать библиотеку в стиле своего коллеги. Были у него и альманахи пушкинской поры, и собрания сочинений русских и иностранных писателей в шикарных фирменных переплетах. Он покупал иностранные книги в кожаных и других изящных переплетах и переставлял переплеты на русские издания. Для этого у него был постоянный мастер переплетного дела. Афонин собрал неплохую библиотеку книг по юмористике.

Он любил красивые книги. У него была трехтомная Библия с гравюрами Гюстава Доре в издании М.О.Вольфа, "История нравов" и "Иллюстрированная история эротического искусства" Эд.Фукса в роскошных старых переплетах, "История русского искусства" И.Грабаря в пяти томах и один выпуск четвертого тома (единственный сохранившийся из сгоревшего тиража), причем экземпляр с золотым обрезом, в переплете. На полках его библиотеки можно было увидеть всю брокгаузскую двадцатку: Пушкин – 6 томов, Шекспир – 5 томов, Байрон – 3 тома, Мольер – 2 тома и Шиллер – 4 тома; Н.Кутепова "Царская охота на Руси" в 4 томах. Русская классика была представлена собраниями сочинений Л.Толстого, И.Тургенева, И.Гончарова и многих других писателей в переплетах знаменитых мастеров – Шнеля, Тарасова, Петцмана, Гагена. Особенно гордился Г.И.Афонин подборкой редких книг по театру, в том числе изданием в 9 томах Иоганна Галле "Открытыя тайны древних магиков и чародеев, или Волшебныя силы натуры...", выпущенным в 1798–1804 годах. Были в библиотеке и все 5 томов Попова "Энциклопедия весельчака. Собрание 500 анекдотов" в издании Вольфа, что является большой редкостью.

Библиотека хотя и большая, но не могла конкурировать с библиотекой Смирнова-Сокольского.

Уже после Великой Отечественной войны недоста-

ток места заставил Григория Ивановича продать нам, в "Пушкинскую лавку", многотомные собрания сочинений последних лет издания. После его смерти бо́льшая часть книг была куплена нашим магазином у вдовы Афонина. Значительная часть купленного предназначалась для ВТО (Всероссийского театрального общества), с которым наш магазин имел давние связи. Но об этом скажу особо. Книжные связи с вдовой Г.И.Афонина продолжались до ее кончины. Много раз мне приходилось бывать в их доме и зачастую давать советы в оценке литературы.

Интересная фигура мелькнула на книжном горизонте Москвы в конце двадцатых – начале тридцатых годов. Этого человека можно было встретить в любом книжном магазине и на развалах. Собирал он, и знал толк в своих притязаниях, первые издания Пушкина и его современников, альманахи пушкинской поры, а также иллюстрированные издания с гравюрами Н.Уткина, С.Галактионова, И.Набгольца, Дж.Сандерса и вообще все редкие издания первой половины XIX века.

Журналист Гинзбург (имя и отчество ушли из памяти) средствами большими не владел, но все же ухитрялся покупать дорогие для того времени редкости. Поговаривали, что Гинзбург владел письмами Пушкина.

Ходил он в стоптанной обуви, в дырявых на задниках носках. Бахрома свисала с нижней части брюк. Был он весь какой-то неопрятный, неряшливый. Все, что он как журналист зарабатывал, все уходило на книги.

Его нюх на книги был удивительным. Чутьем узнавал он о появлении редкости. Но приобретал только книги в отличной сохранности. Для многих книголюбов был авторитетом. Его конкуренты по собирательству всегда спрашивали: "А Гинзбург видел? Почему не взял?"

С ним мы неожиданно встретились в Рыбинске в 1930 году. Оказался он там в поисках заработка – его пригласили работать в местной газете. Я же был командирован туда для организации букинистического магазина в системе Госиздата. Многое я узнал от Гинзбурга об антикварной книге. Но в Рыбинске ему ничего ку-

пить не удалось, поскольку вкус его был слишком утонченным.

В тридцатых годах, уже в Москве, я его как-то потерял. Впоследствии узнал, что он рано ушел из жизни и библиотека его распылилась.

Вспоминаю Веру Дмитриевну Богданову – жену известного советского писателя Николая Владимировича Богданова, автора нашумевшей в двадцатых годах комсомольской повести "Первая девушка", вышедшей в 1928 году (вновь вышла значительно переработанной в 1958 году). Мне неизвестно, когда Вера Дмитриевна начала увлекаться библиофильством. Но добилась она в собирательстве больших результатов. О составе ее библиотеки я узнал только много лет спустя.

Вера Дмитриевна – очень красивая женщина, круглолицая, с прической на пробор, как у Авдотьи Панаевой. Да и всем обликом она была похожа на нее. У книжников Вера Дмитриевна пользовалась большой симпатией. Как и многие книголюбы, она начала коллекционирование с изданий "Academia". Углубляя свои знания, она добралась до альманахов и сборников XYIII и XIX веков, иллюстрированных изданий и многих других редкостей. Богданова была главным конкурентом Гинзбурга, Смирнова-Сокольского. Товароведы букинистических магазинов охотно оставляли ей книги, а Алексей Григорьевич Миронов, один из лучших знатоков антикварной книги, был ее главным консультантом. Мне также довелось продать ей несколько редких книг. В 1950 году Вера Дмитриевна принесла в магазин № 35 на Арбате, где я тогда работал, ряд изданий для продажи. Это были книги издательства "Academia". Книги совсем новые, как будто их и не открывали. Это был единственный случай продажи.

После ухода Веры Дмитриевны из жизни часть библиотеки была реализована в магазине № 45. Покупку и оценку осуществлял опытный товаровед Дина Абрамовна Демиховская. Оценены были книги довольно высоко. Любители редкостей каким-то образом узнали о таком поступлении в магазин, и от покупателей не было отбоя.

Я тоже не удержался и приобрел несколько раритетов. Только тогда я и узнал содержание библиотеки Веры Дмитриевны. Вот, к примеру, какие издания там были: "Забавный разскащик, сочинение одного Россиянина" 1791 года, Г.Мабли "Размышления о греческой истории..." в переводе А.Н.Радищева 1773 года, "Уединенный пошехонец" 1780 года, журнал "Европеец" 1832 года, "Полезное с приятным" 1769 года, "Возражение со стороны графини де Валуа-ла Мотт, на Оправдание графа де Каллиостро" 1786 года, "Аглая" 1796 года (книги 1–2), Матвей Комаров "История Ваньки Каина и Картуша" 1794 года. Все перечисленные книги очень редки. Но в библиотеке были сотни других книг, таких же редких и того же достоинства. Насколько мне известно, бóльшая часть альманахов продана, помимо магазина, частным лицам.

Да, Вера Дмитриевна понимала, что собирает. Были у нее знания и вкус. Мне, к сожалению, не довелось самому видеть эту библиотеку, но, со слов очевидцев, это было красочное зрелище. Все собрания сочинений русских классиков – в заказных переплетах знаменитых мастеров Шнеля, Петцмана, Тарасова, Гагена и др. Альманахи, сборники, иллюстрированные издания XVIII и XIX веков пребывали в отличном состоянии. Создавалось впечатление фундаментального собрания.

Вот еще один интересный книгособиратель, которому я в свое время продавал книги, а через десятилетия покупал их у него. Это некий В.И.Глинский. Где и кем он работал, я не знал. Только недавно удалось выяснить, что Глинский был музыкантом. Играл на флейте в знаменитом "Персимфансе" – в то время очень популярном оркестре без дирижера. Покупать книги начал в 1926–1927 годах. Собирал в основном иллюстрированные издания. Сначала – монографии о художниках-графиках. У него были В.Воинов "Кустодиев" 1925 года, Н.Романов "Фалилеев" 1923 года, М.Кузмин и В.Воинов "Митрохин" 1922 года. Затем стал приобретать издания "Аквилона" с гравированными рисунками М.Добужинского, В.Конашевича, Б.Кустодиева и др. Потом

уже собирал все книги, где были рисунки (не обязательно гравюры) советских художников. Интересы расширялись и углублялись: приобретались и книги XIX века с гравюрами, офортами, литографией.

Глинского букинисты недолюбливали. Уж очень он строго выбирал литературу. Малейшее пятно, надрыв, надпись или любой другой незначительный изъян – и книгу он браковал. На все книги наклеивал свой экслибрис. В общем, библиотека была в удивительной сохранности. Но прошло время, и какие-то причины заставили его продавать свою библиотеку. Это случилось уже после Великой Отечественной войны. Букинисты его еще больше невзлюбили. Продавал он одну-две книги за один раз, не больше. Правда, каждая книжка была обернута в специальную бумагу. Но купить у него было трудно. Он запрашивал очень дорого, вопреки настоящей стоимости книги. Кроме того, пока не обойдет 3–4 магазина – не продаст: выяснял, кто больше заплатит. В пятидесятые годы он исчез, и больше его не видели. А книги со сложным экслибрисом и текстом "Из книг В.И.Глинского-Софронова" разбрелись по свету и попали в руки новых владельцев.

Глинский был человеком, самозабвенно влюбленным в книгу. Вспоминаю, как он брал ее в руки, переворачивал страницы – это был настоящий гурман книги.

Бухгалтера Макарова букинисты знали хорошо. Тихий и ненавязчивый, он входил в магазин, ничего не спрашивая. Но все знали, что его страсть – журналы. Подбирал он их в течение многих лет, любил покупать годовые комплекты, но приобретал и разрозненные. Макаров покупал журналы с приложениями, журналы, в которых печатались интересные литературные произведения и статьи, впоследствии не издававшиеся, журналы, содержащие большой материал, интересный для писателей, историков, например "Исторический вестник", "Русская старина", "Киевская старина", "Современник", "Каторга и ссылка", "Печать и революция", "Былое", "Вестник иностранной литературы", "Красный архив", "Русский архив" и многие другие.

Собирать журналы — тяжелое и трудоемкое дело. Собирать их сложно хотя бы потому, что владельцы, прочитав журналы, выбрасывали их. Букинисты не очень чтили этот вид "товара". Да и спрос на них был невелик. Сейчас все изменилось, многие разыскивают старые (толстые) журналы, коллекционируя их. Макаров всегда имел при себе записную книжку, в которой и вел записи дезидерат. В последние годы Макаров исчез с книжного горизонта.

Алексей Иванович Георгиевский — профессор Духовной академии в Загорске. Начал свое собирательство также у развалов Китайгородской стены. Книги для него — "вся жизнь", как он любил говорить. А.И.Георгиевский — большой знаток русской философии. Но в его библиотеке были книги разнообразной тематики. Он обожал классику. Очень ценил красивые переплеты знаменитых мастеров, но в них, как он считал, должны быть одеты книги только отличного содержания. Позже мы часто вспоминали, как он покупал книги у меня в те двадцатые годы. Книги сближают людей. Вот и у нас дружба продолжалась около 60 лет. В последнее время мы общались только по телефону. Недавно Алексей Иванович скончался.

В те же годы постоянными посетителями книжных развалов у Китайгородской стены и букинистических магазинов были известные в Москве книголюбы, которые составили довольно значительные библиотеки. Это популярный эстрадный актер В.Я.Хенкин, действительный член Академии медицинских наук, историк медицины В.Н.Терновский, композитор и музыковед, народный артист СССР, академик Б.В.Асафьев, отец и сын Авербахи (Михаил Иосифович — академик и Иосиф Михайлович — профессор) — оба известные медики, офтальмологи, автор книг и поэтических сборников, журналист В.А.Гиляровский, известные писатели Н.С.Ашукин, Л.М.Леонов, Вс.Иванов, А.К.Виноградов, профессора русской литературы И.Н.Розанов, А.В.Кокорев, академик Н.К.Гудзий, народные артисты СССР В.И.Качалов, братья Пироговы (певцы), композитор, организатор и руководитель Ансамбля РККА А.В.Александров.

Работа у Китайгородской стены дала мне многое. Она приучила меня к труду. Ну а главное – дала мне профессию книжника, пополнила мое образование, углубила и расширила знание книги. Мое книжное образование пополнялось каждодневно, ежечасно, в общении с разными людьми, нужно было только уметь слушать, запоминать и сохранять эти знания в своей памяти. Постепенно обогатившись знаниями, мы и сами стали давать консультации по книжному делу.

В этот период моей жизни я находил время и для других занятий и увлечений. Состоя в активе клуба имени Догадова, находившегося во Дворце труда (Солянка, 12), я был старостой шахматно-шашечного кружка, занимался легкой атлетикой (бег на средние дистанции), играл в футбол, участвовал в других спортивных соревнованиях. С комсомольско-молодежной группой мы проводили антирелигиозную пропаганду среди молодежи. Посещали места сборищ религиозных сект, а таковые законно существовали, беседовали с молодыми людьми нашего возраста, спорили с ними, доказывали, что "религия – опиум для народа", вовлекали их в наши, советские клубы. У Китайгородской стены началось мое увлечение шашечной игрой. Именно здесь обосновалась своеобразная шашечная "Мекка", куда почитателей этой древней игры тянуло как магнитом.

В 1926 году сюда пришел работать старый букинист Михаил Иванович Логинов. Он был тогда не только большим знатоком и ценителем старой русской книги, но и страстным любителем шашек.

Однажды за палаткой Логинова я увидел группу незнакомых людей, что-то горячо обсуждавших и оживленно жестикулировавших. Неожиданно появилась табуретка. На нее положили клетчатую доску, расставили шашки и от споров перешли к практическим доказательствам своей правоты.

Надо сказать, что в то время я больше интересовался шахматами, имел второй разряд. Корифеев шашечной игры знал лишь по фамилиям, мелькавшим на страницах шахматно-шашечного журнала "64".

И вот Логинов познакомил меня с сильнейшими шашистами России – С.А.Воронцовым, В.В.Медковым, Н.А.Кукуевым и др.

Шашечный "клуб" под открытым небом постепенно расширялся. Столов, правда, по-прежнему не было, и их заменяли табуретки. Битые шашки клали прямо на землю. Но так поступали не все. Многие любили перекладывать их из руки в руку, словно четки. Зрители (а их собиралось немало) всегда стояли, причем стоять приходилось иногда очень долго, ведь "клуб" функционировал дотемна. А если волнующие баталии не завершались (такое случалось нередко), матчи продолжались на квартире Логинова в Большом Сухаревском переулке.

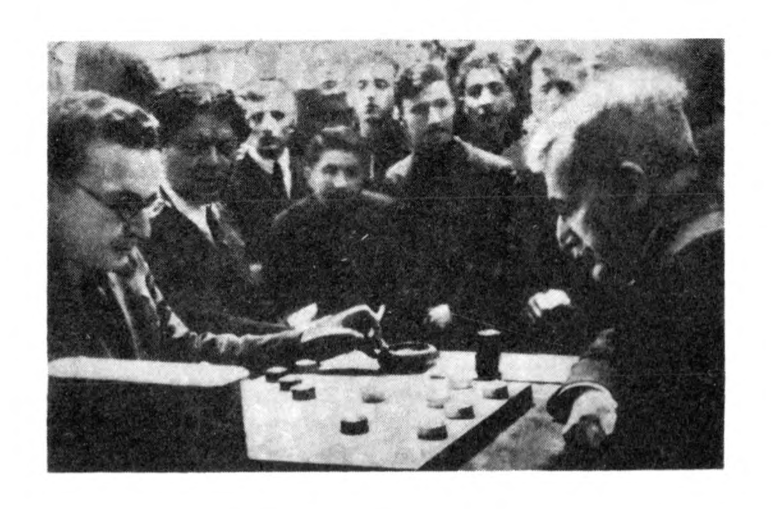
Михаил Иванович был настоящим энтузиастом шашек. Чтобы без помех отдаться им, он специально вызвал из деревни своего родича, который занял его место в палатке, освободив от части торговых забот.

Кроме ветеранов постоянными посетителями "клуба" были уже получившие известность московские шашисты среднего поколения – Я.Вертман, С.Соколов, А.Берак и др. Посетить это милое сердцу каждого шашиста место считали своим долгом и приезжие. Так, здесь можно было встретить минчанина Б.Круталевича, киевлянина Вс.Лысенко, ленинградца А.Пеля – известных и популярных в то время шашистов.

Наблюдая за игрой больших мастеров, я мало-помалу пристрастился к шашкам. Мне повезло: моим первым партнером, а следовательно, и учителем стал легендарный С.А.Воронцов, один из сильнейших в то время игроков.

Как это было принято, поначалу Сергей Андреевич давал мне фору – шашку, затем фора уменьшилась (ничья за выигрыш) и постепенно сошла на нет. Стали играть на равных. Но для того, чтобы это свершилось, пришлось изрядно потрудиться.

Начиная с 1927 года я регулярно играл в различных турнирах. В том же 1927 году стал чемпионом Центрального летнего клуба совторгслужащих в Самарском переулке. А в 1930 году, участвуя в 4-м шашечном чемпионате СССР, завоевал звание мастера спорта. В дальнейшем мне дове-

Шашечный матч с чемпионом мира по шахматам Э.Ласкером (справа – Э.Ласкер), 1936 г.

лось участвовать во многих шашечных соревнованиях, в том числе в 5-м и 6-м шашечных первенствах СССР. Звание мастера спорта СССР ко многому обязывало – у меня появилось немало общественных поручений. Участвуя в различных турнирах, проводя лекции, а также сеансы одновременной игры в шашки, я получил возможность бывать во многих городах нашей страны.

В 1936 году я целиком перешел на работу в спортивных обществах. Но свою профессию товароведа-книжника я никогда не оставлял.

В тридцатые годы некоторые магазины практиковали закупку книг на периферии, имея для этого в штате разъездных товароведов. Поскольку я часто ездил в другие города страны для участия в различных соревнованиях, я старался использовать эти поездки для закупки книг по просьбе книготорговых организаций.

При отъезде в тот или иной город мне вручали день-

ги (иногда перечисляли их по почте), оформляли удостоверение и иные необходимые документы. На местах вывешивали объявление о днях и часах покупки книг. Оформляли покупку всегда в книжных магазинах. Они же помогали мне в отправлении посылок в Москву.

Таким образом, даже в других городах работу с книгой я не прекращал.

Когда-то шахматный и шашечный спорт был в одной организации. Много лет руководил ею Николай Васильевич Крыленко, старый большевик, прокурор РСФСР, нарком юстиции. Страстный шахматист, он и возглавил шахматно-шашечное движение в стране. Впрочем, он также увлекался альпинизмом и охотой и в масштабах всей страны возглавил руководство этими видами спорта.

Соревнования проходили часто одновременно по шахматам и шашкам в едином зачете. И конечно, у меня возникла дружба со многими мастерами и гроссмейстерами по шахматам и шашкам, которая продолжается всю мою жизнь. Друзья появились во всех уголках нашей страны, где мне пришлось побывать.

У меня в шкафу стоят книги по шахматам и шашкам – подарочные подношения моих друзей, их авторов – А.А.Котова, М.М.Ботвинника, В.В.Рагозина, А.С.Суэтина, А.М.Константинопольского, И.М.Линдера, Б.А.Миротина, А.М.Сидлина, В.В.Медкова, Н.А.Кукуева, Д.И.Бронштейна и др.

Вспоминается мне один из эпизодов моей жизни тридцатых годов. В 1935 году редакция газеты "Вечерняя Москва" устроила прием в честь прославленного немецкого шахматиста и известного ученого Эмануила Ласкера и его супруги Марты. В числе приглашенных был и гроссмейстер Р.Шпильман. В те годы я заведовал в этой газете отделом "Шашки", отделом же "Шахматы" руководил популярный в Москве шахматист А.Рабинович. Меня представили Ласкеру, сказав, что я мастер игры в шашки. Ласкер в связи с этим вспомнил историю тридцатилетней давности, когда он в Петербурге играл в шашки с сильнейшими мастерами России. Я сказал

Ласкеру, что одна из этих партий была напечатана в наших книгах и носит название "Вариант Ласкера". Оказывается, шахматист об этом не знал. Конечно, мы договорились при следующей нашей встрече непременно сыграть пару партий. Но реализовать замысел не удалось.

Прошло какое-то время. Прогрессивно настроенный ученый и шахматист, в течение 27 лет носивший звание сильнейшего шахматиста мира, Ласкер вынужден был покинуть свою страну, которую захлестнула волна фашистской чумы. Местом нового жительства он избрал Москву.

В середине 1936 года в Москве, в помещении Дворца труда проводились престижные шахматные и шашечные чемпионаты ВЦСПС. В этих соревнованиях довелось участвовать и мне. В один из вечеров я закончил свою партию ранее обычного. Именно в этот вечер нас посетил Э.Ласкер. И наша встреча за доской наконец состоялась. Мы сыграли две легкие партии в шашки. Более удачливым оказался я. Да это и понятно – я в те годы был в зените спортивной формы, Ласкер же уже давно регулярно не играл в шашки. Сохранившаяся фотография запечатлела момент этой встречи.

Увлекался я также и театром. Драма, опера, оперетта – все мне нравилось. На всю жизнь остались в памяти некоторые театральные постановки, исполнительское мастерство актеров.

Театр был для меня как бы учебным факультетом университета жизни. Он заметно повысил мое общее образование и привил вкус к прекрасному. До сих пор я бесконечно влюблен в русскую и советскую классику. А постановки "Ревизора", "Горя от ума", "Маскарада", "Леса" и полные героики революции и гражданской войны "Любовь Яровая", "Бронепоезд 14-69", "Дни Турбиных", "Оптимистическая трагедия" остались в памяти на всю жизнь.

Мне посчастливилось видеть на сцене и слышать Михаила Чехова, Василия Качалова, Ивана Москвина, Степана Кузнецова, Алису Коонен, Леонида Собинова, Антонину Нежданову и еще многих других корифеев русской сцены.

Насколько мне помнится, первый спектакль, который я увидел, – это "На дне" в Московском Художественном театре в исполнении лучших актеров того времени. Впечатление было настолько огромным, что его трудно передать. Позже я стал собирать грампластинки с записями отдельных эпизодов этой пьесы в исполнении тех же замечательных артистов.

Сохранились в памяти постановки Малого театра, 2-го МХАТа, Камерного театра, театра имени Вахтангова.

Особенно полюбился мне и моим друзьям-сверстникам экспериментальный оперный театр, ставший впоследствии филиалом Большого театра. Сейчас это помещение уже много лет занимает Театр оперетты. Здесь мы по нескольку раз слушали оперы "Русалка", "Гугеноты", "Фауст". Дело в том, что в этом театре нас, целую стайку молодежи, за небольшую плату впускали на галерку после третьего звонка, когда уже гасили свет. Во время спектакля мы поглядывали в партер и на балконы и, заметив свободные места, во время антракта занимали их.

Мне редко приходилось покупать билеты в театр в те годы. Друзья книги, а их было много среди актеров и других работников театра, давали мне разовые пропуска или писали записки администраторам театра с просьбой посадить на свободное место.

Чтобы не опоздать в театр к началу спектакля, я часто удирал с работы раньше положенного времени, за что мне и доставалось от старшего брата, с которым я вместе работал.

После спектакля я со своими дружками шел ужинать. Особенно полюбилась нам столовая-пивная Моссельпрома на Тверской (ул. Горького), угол Глинищевского переулка (ул. Немировича-Данченко). В этом помещении было заведение известного булочника Филиппова, а рядом не менее известная его булочная-кондитерская, кстати, булочная в этом помещении сохранилась до сих пор. В этой столовой сейчас находится ресторан, вход в который с улицы Немировича-Данченко. В те же годы глав-

ный вход был с Тверской улицы. В эту столовую нас привлекало не только единственное горячее блюдо, которое там подавали, – сосиски с тушеной капустой. Стоили они дешево и были очень хорошо приготовлены. Мы их съедали по 2–3 порции. Но главное – каждый вечер там выступал знаменитый в то время цыганский хор под управлением Егора Полякова и солисткой в нем была любимица всей Москвы Ляля Черная.

В этом большом зале стояло 50–60 столиков на металлических ножках с мраморным покрытием. Без скатертей. За каждым столиком по четыре сидячих места. Пиво подавали только в кружках. Приносить с собой крепкие напитки и распивать их категорически запрещалось.

В зале всегда было шумно. Но когда начинала исполнять свою цыганскую пляску Ляля Черная, наступала тишина, весь зал замирал. А затем следовал гром аплодисментов. Это было танцующее чудо. Молодая, улыбающаяся, с изумительной фигурой, прекрасно танцующая, она была обворожительна.

Хватало времени и на чтение книг. Больше всего меня занимала в то время приключенческая литература. Интерес к этой литературе возник у меня еще до революции. Мои старшие братья (их было трое) не оставляли без внимания ни одного выпуска приключений Ната Пинкертона, Ника Картера, Шерлока Холмса. Прочитывая, они эти книги бросали. Я же их подбирал и перечитывал.

В последующие годы я собрал неплохую библиотеку приключенческой литературы – собрания сочинений А.Конан Дойла, А.Дюма, Р.Стивенсона, Майн Рида, Г.Эмара, Э.Сю и др. Были в моей библиотеке и журналы в комплектах: "Мир приключений", "На суше и на море", "Всемирный следопыт".

Позже я стал подбирать современную переводную и советскую литературу этой же тематики: Де Вер Стэкпул "Коралловый корабль", Рекс Бич "Хищники Аляски", Келлем Риджуэй "Чертово болото", его же "Ночные всадники" и "Нарушители закона", Д.Гудвин "Расплата", Г.Леру "Человек о ста лицах", Д.Фримен "Око

Озириса", а также сочинения П.Бенуа, Г.Честертона, Клода Фаррера, Д.Кервуда, Фр.Хеллера, М.Леблана, Г.Эверса, Э.Берроуза и многое, многое другое. Однако с годами увлечение прошло. Вкусы меняются. Но об этом позже.

После трудового дня любил посещать букинистический магазин "Озарь", владельцем которого был опытный букинист Матвей Иванович Шишков. Магазин помещался в полуподвале на улице Герцена, в доме № 22. Вечером он превращался в своеобразный клуб. Сюда приходили писатели В.Г.Лидин, Вс.Иванов, чемпион Москвы по шахматам Н.Д.Григорьев, чемпион СССР по шашкам В.В.Медков, профессор Е.В.Михальцев, знаменитый В.А.Гиляровский, заходили "на огонек" и старые букинисты. Темы разговоров были различные. Особенно интересно мне было слушать беседы о книгах. Здесь я находил для себя много поучительного.

С Матвеем Ивановичем работал старый букинист Дмитрий Семенович Климов. Наши дружеские отношения сохранялись не одно десятилетие.

Книг в магазине было много. Они не только заполняли шкафы, но и лежали стопками от пола до потолка, корешками наружу. Мне казалось, что никакой системы в хранении книг нет. Вечером, когда собирались друзья Матвея Ивановича, магазин был уже закрыт. Но запоздалые покупатели все же заходили. Отказа они не получали. Память у Матвея Ивановича была отличная. Это качество присуще многим букинистам. Оно, я бы сказал, должно быть главным в нашей профессии. Однажды запоздалый покупатель попросил какой-то том Куно Фишера. Матвей Иванович, не задумываясь, подошел к одной из стопок прислоненных к стене книг и сказал, обращаясь ко мне: "Лева, приподними немного". Я это сделал, и он из-под моих рук вытащил нужную книгу.

Матвей Иванович Шишков был небольшого роста, немного горбатый, с лицом простого русского человека. Его знала вся книжная Москва. Не имея большого образования, Матвей Иванович обладал каким-то особым чутьем и книгу знал, что называется, "на ощупь". Многие

москвичи с его помощью создали свои библиотеки, и он всегда по-детски радовался, когда отложенная кому-либо книга оказывалась очень нужной.

Я с благодарностью вспоминаю Матвея Ивановича, доброго, хорошего человека, и думаю, что именно он заложил фундамент моего уважения к книге и к моей профессии.

После окончания нэпа, в начале тридцатых годов, Матвея Ивановича пригласила работать "Лавка писателей". Магазин находился на улице Горького, дом 4. Директором был один из самых известных букинистов-антикваров Москвы Давид Самойлович Айзенштадт, кстати, один из руководителей РОДКа (Русского общества друзей книги).

"Лавка писателей" имела два этажа. На первом этаже управлялся за прилавком А.М.Мотыльков – мой бывший сосед по книжному базару у Китайгородской стены. А второй этаж был предоставлен писателям. Здесь спокойно, за столиком, они знакомились с книгами, здесь же велась продажа книг. Наиболее почитаемыми книгами были антикварные и иллюстрированные издания XVIII и XIX веков. В "Лавке писателей" составили свои замечательные библиотеки писатели Вс.Иванов, Л.М.Леонов, В.Г.Лидин, Демьян Бедный, Н.П.Смирнов-Сокольский, академик В.В.Виноградов, член-корреспондент АН, искусствовед Н.Машковцев, народный артист республики И.Кудрявцев из МХАТа и многие другие известные книголюбы.

Следует сказать, что все букинисты, владельцы книжных магазинов или киосков, по окончании нэпа были приняты на работу в государственные или кооперативные букинистические магазины.

Книжных магазинов в это время становилось все больше и больше. Если в 1924 году магазинов Госиздата было 10, Гостехиздата – 3, "Новой Москвы" – 2, то в 1926 году соответственно 14, 6 и 9.

Моим начальником в издательстве "Новая Москва" в 1924 году был Яков Ефремович Евдокимов, занимавший должность заведующего складами старых дорево-

люционных изданий. Первый коммунист среди букинистов, он был хорошим начальником и добросовестным человеком. В дальнейшем стал директором книжных магазинов. А закончил свою деятельность в Библиотеке имени Ленина, в отделе комплектования.

Государственная торговля антикварной книгой велась только в магазине акционерного общества "Международная книга" (Кузнецкий мост, 12). Антикварный отдел возглавил старый, опытный букинист Павел Петрович Шибанов.

В районе улиц Моховой и Герцена сосредоточилась частная букинистическая торговля. Наиболее известными из магазинов частников были магазины "Наука". Владелец их – Бухаркин Николай Степанович, сравнительно молодой букинист, быстро освоивший дело. Впоследствии он работал товароведом в магазинах "Могиза".

На улице Герцена, в доме № 22, принимал посетителей магазин "Симфония". Его владельцами были сразу три букиниста.

Два букинистических магазина, торговавших книгами на иностранных языках, также находились в этом районе. Один из них был на Моховой, против Московского университета. Владелец его – Александр Абрамович Васильев. Позже он работал в различных магазинах, специализируясь на медицинской литературе. Помогала ему родная сестра. С Васильевым мне довелось работать в 1948–1951 годах в магазине № 35 (Арбат, 10), а затем, в шестидесятые – семидесятые годы, в магазине № 14 (проезд МХАТа, 5) – "Пушкинской лавке". Другой букинистический магазин иностранной книги находился на Моховой, дом 20, позже он переехал на улицу Герцена. Владел этим магазином Владимир Антонович Рябов. Это был очень культурный и образованный букинист. Магазин его пользовался большой популярностью. Покупателя там встречали приветствием на английском или французском языке. В магазине царила атмосфера деловитости, доброжелательности, покоя. После ликвидации магазина Владимир Антонович заведовал кафедрой английского языка в одном из вузов Москвы. Рябову помо-

гал племянник – Александр Иванович, который свободно владел французским.

Был еще ряд частных букинистических магазинов, но я знал их мало. Посещали эти магазины научные работники в поисках специальной литературы. Цены на книги были значительно выше, чем на книжных базарах. Основную часть своего дохода они получали от пересылки книг почтой.

В еженедельных журналах того времени на обороте обложек появлялись объявления, зачастую на целую страницу, где рекламировались десятки собраний сочинений и отдельные названия с указанием цен. Вот цены на книги, которые высылались почтой в 1925 году: в издании А.Ф.Маркса, без переплета: Л.Н.Андреев, 17 кн., – 5 руб., И.А.Бунин, 12 кн., – 3 руб., Г.П.Данилевский, 24 кн., – 7 руб., А.И.Куприн, 21 кн., – 4 руб., Оскар Уайльд, 8 кн., – 3 руб., А.П.Чехов, 23 кн., – 8 руб.; в переплете: А.С.Пушкин издательства "Просвещение", 8 т., – 10 руб., К.Верман "История искусств" издательства "Просвещение", 3 т., – 25 руб., П.П.Гнедич "История искусства" в издании Маркса, 3 т., – 25 руб.

Заказы шли со всей страны и приносили владельцам значительный доход.

Большой популярностью у москвичей пользовался книжный магазин "Маяк", принадлежавший Издательству политкаторжан. Магазин занимался распространением изданий бывших политкаторжан и журнала "Каторга и ссылка", которые продавались не только в розницу, но и оптом другим торгующим организациям. Он был также комиссионером по продаже почти всех изданий, которые выходили за пределами Москвы, главным образом в Ленинграде (тогда еще Петрограде), и основным распространителем изданий ряда частных и кооперативных издательств, которые не имели своего торгового аппарата ("Атеней", "Время", "Брокгауз и Ефрон", "Сеятель", "Петроград" и др.), а также авторских изданий, которые издавались за пределами Москвы. Оба этажа огромного по тому времени здания магазина и складское помещение во дворе этого дома были забиты книга-

ми. Специальный экспедитор занимался получением и отправкой грузов. Был даже свой транспорт – одна ломовая лошадь с возчиком.

Издательство политкаторжан помещалось в Лубянском пассаже, на месте которого построен нынешний "Детский мир". А сам магазин находился на Петровке, дом 7, в самом центре Москвы. В магазине часто можно было встретить старых политкаторжан: Емельяна Ярославского, Феликса Кона, Веру Фигнер. Приходили сюда и московские артисты.

Магазин работал без выходных дней и без перерыва на обед. В воскресные дни здесь назначались встречи, обменивались мнениями о книгах. В этом магазине начинал свою книготорговую деятельность Рувим Моисеевич Вайнтрауб, в последующие годы директор ряда букинистических магазинов Москвы.

В 1934 году постановлением правительства были ликвидированы все частные и кооперативные издательства. Магазин "Маяк" был передан "Могизу". После Великой Отечественной войны дом, где находился магазин, против Петровского пассажа, снесли. Сейчас там разбит сквер.

Одним из самых популярных книжных магазинов в Москве был магазин Центросоюза (кооперация). Популярен он был не только потому, что находился в самом центре Москвы, на Кузнецком мосту, угол улицы Петровки, в ста метрах от многолюдного ЦУМа – крупнейшего в то время универмага (на месте магазина Центросоюза теперь разбит сквер). Но и потому, что имел широкий ассортимент книг по всем разделам литературы и новинки поступали в магазин зачастую раньше, чем в другие торговые точки города. В магазине был отдел старых изданий национализированной литературы. Дело в том, что Центросоюзу досталась бóльшая часть этой литературы, хранившейся в громадном складе в Переведеновском переулке. В магазине велась рознично-оптовая торговля старыми изданиями. Он располагал гужевым транспортом. Возы-платформы в запряжке пары лошадей оперативно доставляли в магазин книги, пополнявшие ассортимент.

Я часто бывал в этом магазине, закупая старые издания. Отделом старой книги заведовал Эммануил Филиппович Ципельзон-Россиенов, уже тогда известный букинист, активный член РОДКа, впоследствии старший товаровед в солидном книжном магазине Академии наук. Он пользовался большим уважением и благосклонностью президента Академии наук С.И.Вавилова.

Магазин был излюбленным местом встречи московской интеллигенции. Мне часто приходилось там видеть прославленного актера МХАТа, члена РОДКа Л.Леонидова, солиста Большого театра А.Пирогова, профессоров Д.Благого, А.Сидорова, И.Розанова, эстрадного артиста Г.Афонина и многих других видных деятелей науки и культуры.

Эммануил Филиппович уже в те времена увлекался собиранием автографов. Да и сам он, покупая книгу, расписывался на последнем форзаце под ценой и датой. Но автограф он оставлял только на дорогих и редких изданиях. До сих пор встречаются книги с его автографом "Э.Ф.".

Многое сделал Э.Ф.Ципельзон-Россиенов для популяризации старых русских книг, публикуя соответствующие статьи в газетах и журналах. Наши добрые отношения сохранялись до последних дней его жизни.

Несмотря на постоянно увеличивающееся число книжных магазинов, базары по-прежнему привлекали к себе внимание. Чтобы купить книгу в магазине, нужно войти в него. А в больших городах люди всегда торопятся. На базаре же товар приближен к покупателю, и вероятность покупки книг здесь очень большая. Это объясняется и особенностями психологии покупателя – именно на уличных базарах он не пройдет мимо книги (или любого другого товара) и, соблазнившись, купит ее. Уличные базары особенно необходимы тогда, когда нужно быстро продать книги, в том числе и залежалые.

В двадцатые годы книжные базары ежегодно устраивались 5 мая, в День печати. Я сам в них неоднократно участвовал. Обычно они проводились на Тверском бульваре, занимая большую площадь – от места, где прежде

стоял памятник А.Пушкину, до памятника К.Тимирязеву у Никитских ворот. Длились они 7–10 дней, и в них участвовали все книгоиздательские фирмы и магазины. Играл военный духовой оркестр. Повсюду на красных полотнищах лозунги. В киосках помогали продавать книги, плакаты, журналы писатели, поэты и другие деятели культуры. Часто они продавали свои собственные произведения и тут же давали автографы. Это всегда был праздник, причем не только для работников книготорговли, но и для любителей книги. Я вспоминаю, какая толпа собиралась в местах, где торговали В.Маяковский, А.Жаров, И.Уткин, А.Безыменский и другие известные поэты, а также писатели. Почему-то сейчас это мероприятие широко не практикуется. Книжные ярмарки-базары если и проводятся, то где-нибудь вдали от центра и не в таких масштабах, а главное, без былого энтузиазма.

Китайгородская стена! Сколько людей проходило мимо наших книжных рядов. Не сосчитать! Возможно, десятки тысяч в течение дня.

Завсегдатаем нашего базара был старый букинист Василий Петрович Волнухин, по кличке Куб. Приходил с утра и просил "на поднятие" – любил выпить, а денег не было. Из чувства жалости к старому коллеге его выручали. Давали ему, к примеру, собрание сочинений А.П.Чехова в издании Наркомпроса, 23 тома стоимостью в один рубль. К вечеру Куб, будучи под хмельком, приносил долг, благодарил и направлялся к Михаилу Ивановичу Логинову, с которым у него была одна страсть – шашки. Если дотемна они не заканчивали свой матч, шли на квартиру к Михаилу Ивановичу продолжать игру. Утром Куб снова появлялся у стены и снова просил "на поднятие". Но случая, чтобы Куб не возвратил долг, не было.

Куб знал все закоулки Москвы и, продав очередное собрание сочинений, в течение дня успевал на вырученные деньги где-то купить какие-то книги, перепродать, снова купить и снова перепродать. К нему все книжники относились с жалостью, но и с уважением.

Перечитывая очень интересную публикацию Евге-

ния Иванова "Букинисты, или Книжники" в сборнике "Меткое московское слово", изданном "Московским рабочим" в 1982 году (публикация подготовлена З.Милютиной), я среди прочего обнаружил: «Василий Петрович Волнухин, у которого прочно установилась в среде своих кличка „Куб", держит свой товар на опрокинутом вверх дном ящике. Прозывают его так по недавней основной профессии работника кухмистерской, где на его обязанности лежало наблюдение за водогрейным кубом. Он считается верхом добродушия, простоты, на прозвище не сердится, и его любят завсегдатаи, величая в знак уважения его добавлением к имени и отчеству. Не столько знают Василия Петровича Волнухина, сколько Василия Петровича Куба».

Иногда по нашим рядам пробегал громкий шепот: "Маяковский! Маяковский!" Действительно, мимо лавчонок Китайгородской стены прорывался Москвою, шагом широким, шагом большим, крупной походкой мужскою сам Владимир Владимирович. Вид у него обычно был несколько озабоченный. Я не помню, чтобы он хоть когда-нибудь рылся в книжных развалах. Часто он был не один, а с уже известным тогда поэтом Иосифом Уткиным. Направлялись они в редакцию газеты "Комсомольская правда", которая помещалась по соседству с нами, в Большом Черкасском переулке.

Когда 14 апреля 1930 года трагически оборвалась жизнь В.В.Маяковского, у Китайгородской стены об этом стало известно моментально. Это и понятно, ведь несчастье случилось в Лубянском проезде (ныне проезд Серова), в 200 метрах от книжного базара.

В газете "Известия" 16 апреля 1930 года в № 105 (3452) помещено: "Букинисты Китайгородской стены г. Москвы со скорбью извещают о преждевременной смерти поэта Владимира Маяковского".

Нередко мимо наших рядов проходил Михаил Иванович Калинин. Всероссийский староста часто пешком направлялся в Центральный Комитет партии из своей приемной, находившейся на Воздвиженке (ныне Калининский проспект). Мы старались попасть ему на глаза, чтобы

поздороваться. Всегда улыбчивый, он охотно откликался на наши приветствия. Мне посчастливилось познакомиться с Михаилом Ивановичем в 1934 году в клубе Дома правительства (улица Серафимовича, 2), где проходил 5-й финальный турнир на первенство Советского Союза по шашкам, в котором я принимал участие, будучи мастером спорта. В один из туров нас посетили Михаил Иванович Калинин и Авель Сафронович Енукидзе. Они подошли к моему столику, и у нас состоялась краткая беседа.

Летом 1931 года, вернувшись из Рыбинска, я снова стал работать от Госиздата у Китайгородской стены. На этот раз я выбрал себе место у самых Никольских ворот. Если подниматься по Театральному проезду к Лубянской площади и завернуть направо, то через несколько метров первыми будут Никольские ворота, через которые можно было пройти на Никольскую улицу (ныне улица имени 25 Октября). Вот этот небольшой отрезок Китайгородской стены я и облюбовал для установки щитка из фанеры метров двух высотой, на котором на прибитых к фанере реечках стояли, как солдатики, книги – мой товар. Я понимал, что здесь я буду первым для потока людей – моих потенциальных покупателей, направляющихся от Охотного ряда и от площади Свердлова к Китайгородской стене.

Работать было трудно. Мне приходилось стоять (да и присесть было некогда) с 9 утра и до 9 часов вечера. На этот раз обслуживал свою книготорговую фирму я один. Брат находился в самой середине Китайгородской стены, метрах в 150 от меня.

Мне уже не вспомнить, какими книгами интересовался и что покупал этот симпатичный человек, маленького роста, с седенькой бородкой, с палочкой-клюкой в руке, разговаривавший почти шепотом и всегда старавшийся быть незаметным. Меня он называл просто Лева и обращался ко мне на "вы", несмотря на большую разницу в возрасте. Я его уже давно приметил среди наших постоянных покупателей. Но тогда я не знал ни его имени, ни фамилии, не знал, откуда он и где работает.

В описываемое мною время он стал все чаще и чаще бывать у Китайгородской стены, задерживаясь возле моего щитка иногда минут по тридцать. Разговаривали все больше о книгах, о том, что связано с ними. Часто беседовал с моими покупателями из молодежи. Спрашивал, что они читают. Рекомендовал им, что следует прочитать. Советовал купить ту или иную книгу. Иногда излагал ее содержание. Так незаметно он стал моим общественным помощником.

Во время моих кратковременных, но необходимых отлучек (обед, размен денег и т.д.) Владимир Григорьевич подчас оставался за меня и продавал книги. Шло время, и каково же было мое удивление и смущение, когда я узнал от него, что он Шухов Владимир Григорьевич. Тогда по молодости лет до меня не сразу дошло, что помогал мне продавать книги и незаметно меня воспитывал знаменитый русский инженер, к этому времени уже почетный академик, Герой Труда, депутат Московского Совета. Шухов прославил русскую науку и инженерное искусство своими творениями – это, к примеру, построенная им, известная всему миру Шаболовская (Шуховская) мачта радиостанции, перекрытия перрона Киевского вокзала, металлические конструкции Главного почтамта, водонапорные башни, паровые котлы Шухова, крекинг-процесс – "советский крекинг Шухова". Владимир Григорьевич родился в 1853 году и скончался в 1939 году от несчастного случая. Похоронен В.Г.Шухов в Москве на Новодевичьем кладбище. С 1963 года в Москве его именем названа одна из улиц (бывший Сиротский переулок). Находится она в районе Шаболовской радиобашни. Вот как книги сближают людей. Вспоминая этого замечательного человека, я горжусь знакомством с ним.

Годы работы у Китайгородской стены были нелегкими, но они определили мое жизненное призвание. Книгу я полюбил, как живое существо, и всю жизнь служил ей преданно и верно. Я не только приобрел профессию. Эти годы стали для меня школой, университетом жизни.

„Пушкинская лавка“

Занятие книгами и увлечение шахматами и шашками дали мне возможность приобрести друзей, особенно среди трудовой интеллигенции, причем не только в Москве, но и в других городах страны.

Мои отношения с друзьями всегда основывались на принципах доброжелательности, дружелюбия и человеческой душевности. Всю свою жизнь я старался придерживаться именно этих принципов.

Особенно остро взаимопонимание и поддержка проявились во время Великой Отечественной войны.

Я не могу не рассказать здесь об одном эпизоде из моей фронтовой жизни.

Нашу 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района Москвы (110-я стрелковая), стоявшую у озера Селигер, где она держала оборону, направили со станции Селижарово эшелонами на другой участок фронта. Поезд шел по направлению к Москве, шел очень медленно и часто останавливался. Недалеко от Дмитрова была очередная остановка, примерно в 10–15 километрах от города, рядом с одинокой будкой обходчика. Там дежурила женщина средних лет, и я к ней обратился с просьбой. Дело в том, что в Дмитрове временно проживала моя семья – жена и сын. Они находились у родственников, скрываясь от бомбежек в Москве. Увидев в железнодорожной будке телефон, я попросил позвонить на станцию и сообщить обо мне по адресу, по которому жили мои родные.

Поезд медленно подходил к пустующему перрону станции Дмитров. И только две маленькие фигурки встречали наш эшелон. Это были моя жена – Людмила Григорьевна – и пятилетний сын – Виктор. Даже сейчас трудно передать мою радость, и не только мою, но и всего взвода, где я был помощником командира. Мы все как бы получили дополнительный заряд бодрости, ду-

ховную поддержку, подкрепление. Дальше все было просто. Доехали до Савеловского вокзала, затем по окружной железной дороге до Киевского вокзала и потом до Наро-Фоминска, где было тогда самое пекло войны.

Вот что такое доброжелательность и высокое чувство единения. А произошло все это так. Путевая обходчица позвонила по телефону дежурному по станции Дмитров. Тут же был послан человек в город по адресу моих родных.

Вспомнив этот эпизод, я, конечно, немного отклонился от своей основной темы – темы книги. Но жизненные испытания, как и книги, очень сближают людей, способствуя выявлению их высоких духовных качеств.

Великая Отечественная война всколыхнула всю нашу жизнь. Многие семьи покинули свои насиженные места, многие библиотеки лишились своих владельцев. Предложений о продаже книг было много. Образовывались очереди желающих продать их.

Мне вспоминается Москва декабря 1941 года. Выписавшись из московского госпиталя, в котором я находился на излечении по поводу обморожения ступни ноги (меня доставили туда из Наро-Фоминска, где я, как уже сказал, участвовал в боях за оборону Москвы), я увидел, что книжные магазины пустуют. Книги ни один магазин не покупает. На улицах в центре Москвы прямо на постеленных на асфальте газетах, рогожах продавали книги издательства "Academia" по бросовым ценам.

Но окончилась война. Уже в 1945 году активизировали свою деятельность государственные библиотеки, музеи, дома отдыха, санатории. Одним нужно было пополнять книжные фонды, другим – создавать библиотеки заново. Следовательно, необходимость в книге в этот период резко возросла.

После окончания войны мы трое – Исак Анатольевич Листвой, Павел Яковлевич Савельев и я – вернулись в Москву. Нас, уже признанных товароведов-букинистов, встретили очень радушно.

В то время букинистические магазины Москвы

были в подчинении "Мосбуккниги", которая, в свою очередь, подчинялась "Москниге". Специалистов-книжников не хватало. Но в основных магазинах свободных мест не было. Там работали старые книжные специалисты, такие, как Михаил Иванович Логинов в магазине № 51 на Калининском проспекте, Семен Яковлевич Савельев в магазине № 18 на Петровке (этого дома уже нет), Александр Сергеевич Бурдейнюк в магазине № 14 (ныне "Пушкинская лавка") в проезде МХАТа, Николай Степанович Бухаркин в магазине № 35 на Арбате, Иван Васильевич Иваницкий в магазине № 32 на площади Дзержинского (этого дома тоже нет), Михаил Васильевич Кучумов – самый старший по возрасту букинист – в магазине № 79 на улице Горького (этот магазин занимался только иностранными книгами), Михаил Иванович Пузырев, который покупал книги для библиотечного коллектора научно-технической книги, помещавшегося в Неглинном проезде (среди букинистов Москвы он прослыл еще большим знатоком фарфора, картин, старинной мебели и другого антиквариата), Эммануил Филиппович Ципельзон-Россиенов в магазине Академии наук СССР на улице Горького, Василий Васильевич Васильев в магазине № 28 на улице Горького, Николай Александрович Старицын и Александр Иванович Фадеев в магазине № 1 новой книги (улица Горького), в котором был большой букинистический отдел.

Николай Александрович Старицын, сын известного до революции московского букиниста, владевшего книжным магазином, до войны работал разъездным агентом по закупке старых книг для "Могиза", затем заведующим букинистическим отделом магазина № 1. Перед уходом на пенсию был комплектатором при Библиотеке имени В.И.Ленина.

С Николаем Александровичем меня связывали давняя дружба и деловые отношения. Приходилось часто через него продавать книги для Библиотеки имени Ленина. Старую книгу он знал преотлично. Как я уже сказал, начал он книжную деятельность у своего отца, Александра Михайловича, содержавшего магазин в Леонтьевском

Букинисты Москвы первых послевоенных лет. *Слева направо:* 1-й ряд: Н.П.Нарский, Н.А.Старицын, М.И.Логинов, Ф.П.Добролюбов; 2-й ряд: Ш.М.Гершуни, Л.А.Глезер, С.В.Пузанов, И.А.Листвой, П.Я.Савельев, Н.Н.Лебедев, В.И.Наумов.

переулке. Этот магазин оставил след в истории букинизма. В 1913 году его посетил известный писатель и библиофил Анатоль Франс, о чем повествует брошюра искусствоведа Абрама Эфроса, изданная в 1926 году московским РОДКом, "Господин Бержере у Старицына". Бержере – псевдоним Анатоля Франса.

Будучи комплектатором Библиотеки имени Ленина, Николай Александрович разыскал для нее редчайшее издание "Путешествия" А.Н.Радищева, за что его имя было внесено в Книгу почета библиотеки.

Большим знатоком антикварной книги, особенно книг, изданных в XVIII и начале XIX века, был Александр Иванович Фадеев, сын известного в Москве букиниста Ивана Михайловича. С Александром Ивановичем

мне посчастливилось несколько лет работать вместе. Совместная работа сблизила нас. Но это не мешало нам иногда и спорить. Споры возникали обычно на заседаниях комиссии по составлению каталогов-ценников. Александр Иванович был очень горяч и отличался удивительным упорством. Вспоминаю случай, когда мы заспорили об одной старинной книге. Мой оппонент заявил, что такой книги не существует вообще. Прошло время, и это издание было нами приобретено. Когда я его предъявил Александру Ивановичу, то последовала реплика: "Не может быть?!"

Последние годы Фадеев был директором популярного магазина "Книжная находка". Он многое сделал для воспитания молодых букинистов.

Несколько лет мне довелось работать с Василием Васильевичем Васильевым. Он лучше других знал научную литературу, в частности техническую и математику. Имея большой опыт, он отличался удивительной работоспособностью, трудолюбием.

Михаил Иванович Логинов начал свою книготорговую деятельность еще до революции. Практика его работы со старой книгой, особенно с книгой второй половины XIX века, была огромной. Во время нэпа он имел собственный киоск у Китайгородской стены, о чем я уже писал. Впоследствии работал директором букинистического магазина на Арбате, принадлежавшего «Москультторгу», а после слияния "Москультторга" с "Могизом" руководил маленьким магазином № 59 на улице Калинина, в здании приемной всесоюзного старосты. Благодаря большому опыту он сумел создать свою клиентуру. Этот магазин облюбовали и часто посещали ответственные работники ЦК партии, Совета Министров, Верховного Совета.

По натуре добрый, отзывчивый, он всегда помогал советами молодым, начинающим букинистам.

Старейшиной нашего цеха, как я уже сказал, был Михаил Васильевич Кучумов. Имея громадный опыт работы со старой книгой, он отлично разбирался в изданиях на европейских языках. Последние годы занимался покупкой книг на иностранных языках в магазине № 79.

Никого из названных букинистов теперь уже нет в живых. Я вспоминаю о них с чувством глубокой благодарности за их подвижническую деятельность. Всю свою жизнь они посвятили книге – были теми маленькими "лучиками", которые освещали дорогу книге к сердцам людей.

Занимались после войны букинистической торговлей с покупкой книг магазины "Лавка писателей" на Кузнецком мосту, Военкниготорг на улице Калинина, библиотечный коллектор массовых библиотек на Сретенке.

Были открыты скупочные пункты "Мосбуккниги" при магазинах новой книги. И нас троих – Листвого, Савельева и меня – направили работать в эти пункты. Я оказался в магазине № 58 (Метростроевская, 3). Все, что покупалось на скупочных пунктах, свозилось на базу-склад (улица Кирова, 13), а оттуда рассеивалось по букинистическим магазинам.

Мой скупочный пункт обслуживал такой район Москвы, где была сосредоточена старая интеллигенция. Это Арбат с его переулками, Кропоткинская, Сивцев Вражек, Метростроевская и т.д. На букинистической базе, куда я раз в неделю сдавал купленную литературу, моего приезда ждали с повышенным интересом – ведь у меня всегда был лучший ассортимент. Попадались и просто редкие книги.

Затем все скупочные пункты прикрепили к магазинам, и я оказался в штате магазина № 35 "Москниги" (Арбат, 10), куда я и сдавал свою покупку. После увольнения товароведа Н.С.Бухаркина меня назначили старшим товароведом. Это было в середине 1948 года. Моих коллег – И.А.Листвого и П.Я.Савельева, начавших свою книготорговую деятельность, как и я, у Китайгородской стены, а затем, в тридцатых годах, работавших в букинистических киосках разных районов города, сделали старшими товароведами ведущих магазинов столицы. А наши места на скупочных пунктах заняли молодые букинисты. Пришло новое пополнение книжников, преимущественно женщины.

Кроме магазина № 35 мне довелось работать в мага-

зине № 28 (улица Горького, дом 3), в магазине № 36 (Арбат, дом 31) – в общей сложности 10 лет, и, наконец, в 1957 году я был переведен в магазин № 14, где проработал двадцать семь с половиной лет и ушел на отдых.

Наш магазин – старейший в Москве – организован в 1934 году. Его организатором и директором был Алексей Григорьевич Миронов – один из самых авторитетных букинистов-антикваров Москвы, знаток старинных книг и гравюр. Он был членом РОДКа. Человек большого обаяния и доброты, он многое делал для пополнения редкими книгами библиотек своей клиентуры. Тепло о нем пишут Н.П.Смирнов-Сокольский, В.Г.Лидин.

Как я уже говорил, товароведом в нашем магазине работал очень уважаемый коллегами и нашими постоянными покупателями Александр Сергеевич Бурдейнюк. Трудовая деятельность Александра Сергеевича началась с тринадцатилетнего возраста – он поступил учеником в книжный магазин Суворина. С тех пор и прикипело его сердце к томикам, вместившим в себя океан человеческой мудрости. Так и пронес он эту страсть через долгие-долгие годы. Последние двадцать лет трудовой жизни были отданы букинистическому магазину № 14. Его мало назвать прекрасным знатоком старой русской и современной книги, это человек, безмерно влюбленный в нее. Надо было видеть, как он работал. Все делалось не только высокопрофессионально – проявлялась какая-то особая забота, ласка по отношению к каждой книге. Вот Александр Сергеевич берет книгу в руки, пальцы бережно разглаживают загнутые и выправляют выдвинутые страницы, подклеивают обложку, резинкой аккуратно стирают посторонние записи на полях, счищают пятна. И только после этого исключительно красивым почерком он проставлял цену и номер квитанции.

Бывало и так, что, приведя в порядок предлагаемое издание, Бурдейнюк возвращал его владельцу со словами: "Нам Ваша книжечка (слово-то какое ласковое сказано! – *Л.Г.*) пока не нужна, у нас ее вдоволь. Советую обратиться в другой магазин". И тут же давал адрес магазина. А книга, побывавшая в его руках, уже помолодела.

Оценивая книги, он не столько думал, по какой цене они будут продаваться, сколько, какие деньги получат их владельцы – любил, чтобы они получали круглые суммы (скидка с оценки всегда была 20%). Например, оценивает в 6 руб. 25 коп., значит, к оплате – 5 руб. (или 7,50; 12,50; 62,50, соответственно выплачивали 6; 10; 50 руб.). До сих пор встречаются книги, купленные в нашем магазине, с пометами Александра Сергеевича.

Кстати, через наш магазин проходит много книг, уже побывавших в руках букинистов, и по почеркам и штампам мы узнаем их судьбы. Часто мне в последние годы попадались книги, бывшие у меня в руках в 1946 году и позже.

Когда-то, в тридцатых годах, была хорошая традиция: на более или менее дорогие и примечательные книги наклеивали фирменные ярлычки, на которых, кроме номера магазина, от руки писалась цена книги и дата покупки. Сейчас мы все эти данные пишем внутри задней сторонки переплета. Это несколько портит книгу. Необходимо вернуться к печатным фирменным ярлыкам. Как приятно держать в руках книгу с ярлычком магазина книготорговца В.И.Клочкова, "Лавки писателей" и других магазинов. Наш магазин до войны имел ярлык с изображением памятника А.С.Пушкину.

Название нашего магазина – "Пушкинская лавка" – пришло не сразу. В Москве в это время было веяние давать магазинам, и не только книжным, названия. Кому-то из руководства пришла мысль назвать наш магазин "Друг". Однажды, придя на работу, мы неожиданно увидели над нашими наружными витринами вывеску, где было крупными буквами выведено: "Друг". Некоторые шутили, что "Друг", "Дружок" – это собачьи клички. Но прошло время, и название заменили. А было это так.

В 1962 году мне в составе экскурсионной группы удалось побывать в Болгарии. В Софии я увидел книжные магазины, на вывесках которых было выведено. "Михаил Шолохов", "Илья Эренбург". После возвращения из Болгарии мы поставили вопрос о переименовании нашего магазина и присвоении ему имени Пушкина. И

вот однажды мы увидели на вывеске новое название – "Пушкинская лавка". В первое время не обходилось без неожиданных вопросов: "Здесь, что, бывал Пушкин?" Потом все стало на свое место. И мы до сих пор – "Пушкинская лавка".

Резко изменился контингент букинистов. Как я уже сказал, на смену мужчинам в цех книжников пришли женщины, в основном молодые. Но они отлично справляются с работой как за прилавками магазинов, так и в закупочных отделах.

Известна в Москве среди постоянных посетителей магазинов Зинаида Ивановна Константинова. Она пришла в наш магазин работать в 1939 году младшим продавцом. Прошло много лет, и она стала лучшим продавцом, а затем заведующей отделом художественной литературы и искусства. Ее умение показать книгу, рассказать о ней, вежливость, терпение были примером для молодежи. Старые покупатели высоко ценили искусство Зинаиды Ивановны продавать книги, ее доброжелательность. В 1959 году она была назначена директором магазина "Пушкинская лавка". К великому сожалению, недавно Зинаида Ивановна ушла из жизни.

Высококвалифицированными продавцами стали Милитина Андреевна Попова, Екатерина Никитична Осюшкина, назначенные затем заведующими отделами. Они многое сделали для воспитания вновь поступающей на работу молодежи. А культурой обслуживания заслужили любовь своих постоянных покупателей. М.А.Попова находится на заслуженном отдыхе, а Е.Н.Осюшкина – ныне заместитель начальника всей букинистической сети магазинов Москвы.

Ольга Ильинична Савина и Дина Абрамовна Демиховская были ведущими специалистами в своих магазинах. Первая – директором, вторая – старшим товароведом. Обе они достигли больших высот в определении значимости редких книг, в правильной оценке их. Они завоевали симпатии многочисленных посетителей наших магазинов и пользовались у них большим авторитетом. Сейчас обе ушли на отдых.

В 1956 году проводили на заслуженный отдых А.С.Бурдейнюка, и меня утвердили в должности заведующего отделом покупки. Моими помощниками, которые практически занимались покупкой книг, стали товароведы с более чем двадцатилетним стажем: Т.Евсеева, Ю.Петрова, И.Афанасьева. Надо заметить, что все они закончили книготорговый техникум, а Петрова еще и полиграфический институт.

В 60-е годы наш магазин весьма успешно занимался продажей книг индивидуальным покупателям через отдел "Книга – почтой". Тысячи комплектов собраний сочинений русских и иностранных писателей были отправлены наложенным платежом во все уголки Советского Союза, особенно на дальние окраины.

"Пушкинская лавка" имеет широкий ассортимент книг. Наиболее обширная тематика – в отделе художественной литературы и искусства. Значителен ассортимент книг по точным наукам. Очень популярен отдел медицинской книги. Организовал этот отдел Александр Абрамович Васильев. Он появился в Москве в двадцатых годах. Занимался покупкой книг на иностранных языках, имея собственный магазин на Моховой улице. По окончании нэпа стал работать в магазине "Советский писатель". Медицинские книги начал продавать в киоске, расположенном в районе клиник и медицинского института.

Придя в "Пушкинскую лавку", сумел создать очень широкий ассортимент литературы по медицине прошлых лет издания. Магазин посещают не только московские медики, светила этой науки, но и все приезжающие в Москву медицинские работники. Слава о нем идет по всему Советскому Союзу.

Владея большим опытом, знанием медицинских книг, Александр Абрамович принимал предварительные заказы на старые книги и выполнял их добросовестно. Иногда заказанную книгу сохранял по полгода, ожидая приезда заказчика с периферии. Редкие, дефицитные издания не любил выставлять. Ждал, когда спросят именно эту книгу. Его девиз был: книга должна попасть к тому, кто в ней в наибольшей степени нуждается. Многое

он сделал для пополнения общественных и государственных библиотек.

Интересом к медицинской книге он заразил и меня. Мне удалось составить картотеку с полным библиографическим описанием медицинских книг прошлых лет издания, которые пользовались постоянным спросом, конечно, с указанием цены на них.

"Пушкинская лавка" много лет занимается комплектованием государственных и общественных массовых библиотек, а также пополнением книжных фондов таких библиотек, как Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И.Ленина, Государственная публичная историческая библиотека РСФСР, Государственная театральная библиотека, научная библиотека Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, библиотека Всероссийского театрального общества, научная библиотека Томского государственного университета имени В.В.Куйбышева. С этими библиотеками мы поддерживаем постоянную связь, и многие редкие книги были специально для них приобретены.

В 1958 году магазином была куплена редчайшая книга "Псалтырь и Новый Завет", напечатанная Иваном Федоровым в 1580 году в Остроге. Экземпляр в прекрасном состоянии. Книга эта передана в Библиотеку имени Ленина. Кроме этого библиотека приобрела в нашем магазине полный комплект (14 томов) "Русских монет вел. князя Георгия Михайловича". Даже отдельные тома встречаются редко, а полный комплект – энциклопедия русской нумизматики – большая редкость.

В Историческую библиотеку была продана книга, которой и сохранилось-то во всем мире, возможно, не более десяти экземпляров Это "Евангелие", напечатанное около 1555 года в анонимной типографии в Москве до выхода "Апостола" Ивана Федорова 1564 года. "Евангелие" подробно описано А.С.Зерновой в сводном каталоге "Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XYII веках".

Большую редкость представляет собой комплект газет, издававшихся Русским экспедиционным корпу-

сом, находившимся во Франции во время первой мировой войны 1914–1918 годов. Газета выходила с 1916 года и, если не изменяет память, до 1920 года.

Магазином был приобретен также почти полный комплект газет, выходивших в партизанском крае, в глубоком немецком тылу. Сам факт сохранения для истории этих газет уже является подвигом. Сейчас все они находятся в Государственной исторической библиотеке, где им и положено быть.

С директором научной библиотеки Томского университета Михаилом Родионовичем Филимоновым у нас установились очень добрые отношения. В течение ряда лет нам удалось выполнить много заказов библиотеки. Наиболее интересными изданиями оказались: острожская Библия, вышедшая в 1581 году и напечатанная Иваном Федоровым; после длительных переговоров с владельцем нам все же удалось купить и выслать в адрес университета книгу Н.П.Кондакова "Византийские эмали" из коллекции А.В.Звенигородского с текстом на русском языке (но об этой книге напишу подробнее); большую редкость представляет полный комплект журнала "Отечественные записки", издававшегося П.Свиньиным в Петербурге с 1818 по 1830 год. Это издание под номером 259 значится в знаменитой "Дезидерате русского библиофила", изданной акционерным обществом "Международная книга" по докладу П.П.Шибанова в 1927 году, где описаны действительно самые редкие русские книги. Этот комплект с нашей помощью также оказался в библиотеке Томского университета.

Для научных работ университету понадобилась литература по истории Октябрьской революции и гражданской войны. Нам удалось разыскать подборку книг по этим вопросам из зарубежных изданий.

Библиотеку Московского государственного университета представилась возможность пополнить книгами XVIII века, отсутствовавшими в ее фондах.

Благодаря нашим усилиям значительно пополнились и систематически пополняются книжные фонды Государственной центральной театральной библиотеки. Запом-

нилась покупка библиотеки по балету известного театрального деятеля Г.Шлуглейта. Подбор оказался настолько полным, что даже "История танцев" С.Н.Худекова была с четвертым томом, который является большой библиографической редкостью*.

От нас в библиотеку поступил ряд интересных автографов, в том числе режиссерские пометки В.Э.Мейерхольда по всему тексту пьесы "Сестра Беатриса...", коллекция театральных афиш прошлого века с рекламой постановок.

Для Всероссийского театрального общества (ВТО) магазином была приобретена библиотека народного артиста СССР М.М.Штрауха, большого друга работников нашего магазина, библиотека известного театрального деятеля и режиссера В.Г.Сахновского, а также часть библиотеки эстрадного артиста Г.И.Афонина – были куплены все книги юмористической тематики, в том числе редкое издание "Энциклопедия весельчака".

Для ВТО был приобретен и ряд других библиотек. Отбор литературы мы осуществляли, как правило, совместно с А.А.Аганбекяном. Бесконечно преданный своему делу, большой знаток литературы о театре, он не только создал центральную библиотеку ВТО, но еще и комплектовал все периферийные филиалы, а также Дома творчества. Обычно мы с Ардавасом Аркадьевичем от-

---

* Мало кто знает причину редкости четвертого тома "Истории танцев" С.Н.Худекова. Вот что опубликовано в разделе "Книжные редкости" в брошюре Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ), изданной в Ленинграде тиражом 60 экземпляров, не для продажи, в 1924 году:

«ЛОБ, начиная регистрацию уцелевших экземпляров тех изданий, которые до сих пор считались полностью погибшими, обращается ко всем лицам, коим известны случаи существования такого рода „уникальных" экземпляров, с настоятельной просьбой сообщить о них В.К.Охочинскому (и далее адрес. – *Л.Г.*):

С.Н.Худеков, „История танцев", т. IV. Птг, 1917. Сохранилось три несфальцованных экземпляра. Все издание в 1920 г. было продано как макулатура для обертки в один из продуктовых магазинов, откуда и удалось спасти только три экземпляра полностью».

бирали книги на дому. Часть из них предназначалась для ВТО. Оформляли покупку через магазин, а уже у нас ВТО приобретало по безналичному расчету. То, что не было отобрано для ВТО, передавали магазину для реализации.

Книжные магазины всегда были очагами культуры. Наш магазин – "Пушкинская лавка" – в наибольшей степени отвечал этому назначению. Магазин расположен в самом центре Москвы. Рядом с магазином находится Московский Художественный театр, за углом, на Пушкинской улице, – Театр оперетты, вблизи – Большой театр Союза ССР, Малый театр, Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, Детский театр, Театр имени Ермоловой, наконец, филиал Московского Художественного театра. Не в этом ли причина того, что наш магазин облюбовали актеры, хотя сюда приходят не только они, но и музыканты, художники, писатели, работники кино. Приходят, чтобы купить, а иногда и продать лишние книги, заказать необходимую литературу. Назначают здесь встречи с друзьями. Иногда же приходят просто посидеть, поговорить о жизни, новостях и, конечно, о книгах.

В давние годы любили посещать наш магазин прославленные мастера МХАТа В.И.Качалов, Л.М.Леонидов и др. В послевоенное время систематически бывали и пользовались нашими услугами многие прославленные люди страны. Перечисление одних только фамилий заняло бы несколько страниц.

Заходила знаменитая Алла Константиновна Тарасова. Простая в общении, всегда скромно одетая, посидит в закупочном отделе пять–десять минут, поговорит и, извинившись, что отвлекла от работы, уходит. Приходил обворожительный Павел Владимирович Массальский, приходил просто так, навестить нас.

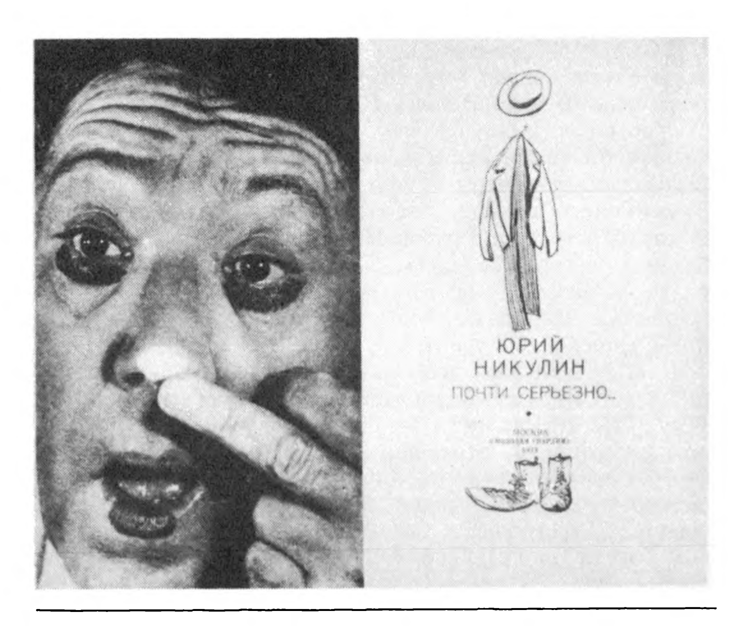
В свободные минуты для коллектива нашего магазина читали свои стихи поэты Л.Мартынов, П.Антокольский. В обеденный перерыв по нашей просьбе выступала со своими устными рассказами популярная в Москве Елизавета Ауэрбах. О редких изданиях рассказывал

Н.П.Смирнов-Сокольский. Особо запомнилось пение в закупочном отделе магазина, конечно после работы, замечательного актера-певца Платона Ивановича Цесевича. С огромным удовольствием слушали мы красивый бархатный бас этого некогда знаменитого артиста. Жаль, не было аккомпанемента. Сейчас уже мало осталось тех, кто помнит этого артиста. Мне довелось слышать его в опере. В двадцатые годы Платон Иванович иногда выступал в оперном театре, бывшем театре Зимина. Успех к Цесевичу пришел еще до революции, но достиг славы он в двадцатые–тридцатые годы. Много было грампластинок с записью его голоса.

Мне довелось познакомиться с ним ближе, когда он стал по частям продавать свою небольшую библиотеку. Обычно звонил мне по телефону, и я посещал его квартиру в Столешниковом переулке. С книгами он расставался тяжело. Спрашивал моего совета буквально по каждой книге. Много рассказывал о своей жизни. С гастролями он объездил весь Советский Союз. Был и за границей. Вспоминал, как в Полтаве он встретился с Иваном Семеновичем Козловским. Первым обнаружил у него талант певца и помог ему найти дорогу в большой мир искусства.

Во время моих посещений Цесевича я обратил внимание на висевшую на стене большую красочную афишу. В ней объявлялось, что в театре Парижской оперы состоится постановка "Князя Игоря" и что в ролях князя Игоря и Кончака будут заняты попеременно Федор Шаляпин и Платон Цесевич. К сожалению, даты этих постановок в Париже я не запомнил. Любители оперы поговаривали, что Цесевич одно время был единственным конкурентом самого Федора Шаляпина.

"Пушкинская лавка" много лет дружит со своим соседом – коллективом МХАТа. Одно время театр даже взял шефство над нашим магазином. Но это оказалось формальностью. Однако актеры театра, не только старшего поколения, систематически посещали и посещают нас. Со своими нуждами – с просьбой найти то или иное издание – обращаются к нам и молодые актеры. Самый

Ю.Никулин. Почти серьезно... Дарственная надпись и рисунок автора

частый гость наш – это народный артист республики Владлен Семенович Давыдов, талантливый актер, директор Музея МХАТа. Владлен Семенович знает секрет общения с людьми. Не потому ли его с такой любовью встречают в нашем магазине?!

Наведывается к нам популярный артист цирка и кино, народный артист СССР Юрий Владимирович Никулин. Директор цирка, обремененный заботами о строительстве нового здания цирка на Цветном бульваре, он нечастый гость букинистических магазинов. Его нельзя отнести к разряду собирателей и гурманов книги. Он просто любит читать и читает довольно активно. Последнее его увлечение – это научная фантастика.

Наша дружба началась еще в 1955 году, во время моей работы в магазине № 36 (Арбат, 31). Здесь, недалеко от магазина, жил Юрий Владимирович. Мне везло в жизни на дружбу с хорошими людьми, но этот эпитет по отношению к Ю.Никулину слаб. Обаятельный, простой, он прямо-таки излучает доброту. О характере общения Юрия Владимировича с людьми можно судить по его книге "Почти серьезно...", изданной в 1979 году "Молодой гвардией". Эту книгу Юрий Владимирович подарил мне с надписью: "Льву Абрамовичу на память о нашей многолетней дружбе. Ю.Никулин. 10.08.81. Москва". Кроме того, нарисовал, и очень удачно, автошарж.

Работа в "Пушкинской лавке" подарила мне встречи не только с интересными людьми, но и с редкими книгами.

Среди них – «Евангелие» 1606 года, напечатанное учеником первопечатника Ивана Федорова – Анисимом Михайловичем Радишевским. Экземпляр «Евангелия» – в прекрасной сохранности, одет в бархатный переплет с металлической накладкой и с рельефным тиснением на библейские темы. Это редкое напрестольное «Евангелие» попало в хорошие руки и хранится среди других библиофильских редкостей.

Журнал "Русская старина", может быть, и не является раритетом. Отдельные тома его и даже годовые комплекты нет-нет да и попадаются в букинистических магазинах. Но экземпляр, побывавший в нашем магазине, имел некоторые особенности. Тома первых двадцати лет издания (1870–1890) были в удивительной сохранности, в цельнокожаных переплетах, с золотым тиснением на переплетах и корешках, а также с золотым обрезом. На первом томе имелась дарственная надпись редактора журнала М.И.Семевского своей дочери. Этот комплект был оценен довольно высоко. К нашему удовольствию, он немного у нас задержался. Приятно, когда подобные книги лежат на полке. Все же наш постоянный покупатель – профессор Владимир Оскарович Витт – соблазнился и купил этот комплект.

Острожская Библия 1581 года, напечатанная Иваном Федоровым, является большой редкостью. Это один из шедевров книгопечатания XVI века. За 25 лет через наш магазин прошло два экземпляра этого редкого издания. Один из них, как я уже сказал, был продан фундаментальной библиотеке Томского государственного университета.

В 1983 году нами был приобретен комплект из восьми томиков альманаха "Северные цветы". Даже у искушенного книголюба это издание не может не вызвать восхищения. Русский литературный альманах пушкинской поры выходил с 1825 года по 1832-й под редакцией А.Дельвига. В стихотворном разделе печатались многие произведения А.Пушкина – отрывки из "Евгения Онегина", "Графа Нулина", "Бориса Годунова" и некоторые другие великие его творения, а также сочи-

нения Е.Баратынского, П.Вяземского, В.Жуковского, Н.Языкова, И.Козлова. Издания украшают восемь гравированных заглавных листов и десять иллюстраций, выполненных выдающимися граверами: С.Галактионовым, И.Ческим, Н.Уткиным и др. В выпуске за 1828 год напечатана знаменитая гравюра на дереве, резанная Н.Уткиным, – портрет А.Пушкина, рисованный О.Кипренским. Приобретенный нами комплект оценен в 2400 руб. Он находился в хорошем состоянии, был одет в восемь полукожаных переплетов и, несомненно, является большой библиографической редкостью.

"Книжные редкости" И.М.Остроглазова 1891 года – наиболее авторитетное описание редких книг с подробными комментариями. Материал этот печатался в журнале "Русский архив" за 1891–1892 годы. Сохранились экземпляры "Книжных редкостей", составленные из выдирок, сделанных из этого журнала, естественно, без титульного листа. У нас же был экземпляр, выпущенный отдельным изданием тиражом в 25 экземпляров и с титульным листом, – это большая редкость.

Запомнились и другие ценные издания, прошедшие через наш магазин:

В.Бухан "Полный и всеобщий домашний лечебник, сочиненный как для предохранения здравия надежнейшими средствами..." издания 1790–1792 годов, в 5 томах, перевод с французского. Переплеты того времени. Это редкость, хотя отдельные тома встречаются;

"Брюсов календарь", без места и года издания (ориентировочно 1715 год), на шести гравированных листах большого формата, отличной сохранности. Тоже большая редкость;

М.Ю.Лермонтов "Герой нашего времени", 1-е и 2-е издания соответственно 1840 и 1841 годов. За четверть века прошли через магазин три экземпляра, последний – в 1984 году;

Журнал "Жар-птица", который издавался в 1921–1926 годах. Вышло 14 выпусков. Этот литературно-художественный журнал выходил в Берлине. Все 14 выпус-

ков в одном цельнокожаном переплете. Экземпляр с золотым обрезом. Редкость, если это полный комплект;

"Слава России, или Собрание медалей, означающих дела Петра Великого и другие некоторые" – сочинение бригадира Федора Иоанновича Дмитриева-Мамонова. Издание второе, издано в Москве в 1783 году. Здесь помещены портреты Петра и 53 медали. Книга очень редкая, о чем свидетельствуют старые библиографы Геннади, Губерти, Остроглазов. Книга продана для подарка известному московскому профессору-хирургу, что совпало с его библиофильским вкусом;

первое издание "Мертвых душ" Н.В.Гоголя 1842 года. Считается редкостью и ценится довольно высоко. Однажды старый букинист, находившийся на пенсии, продал нам не совсем обычный экземпляр "Мертвых душ". Первый владелец его вставил в книгу листы с рисунками А.Агина, изданные в 1846 году. Сделать такой экземпляр было несложно, поскольку каждый рисунок имел обозначение страниц первого издания книги с несколькими строчками текста. Пришлось, правда, листы рисунков подрезать и уравнять с листами текста "Мертвых душ". Получился отличный экземпляр первого издания "Мертвых душ" с рисунками А.Агина. Книга находится и сейчас в библиотеке одного книголюба – большого друга нашего магазина;

полный комплект историко-революционного вестника "Каторга и ссылка" 1921–1935 годов. Чрезвычайно редкое издание. Когда он появился в нашем магазине, мы с удовольствием его продали Эмилии Самойловне Виленской. Ей, как говорится, и карты в руки: она историк, занимается изысканиями в области истории революционного движения в России и является автором нескольких книг;

две библиофильские книжки, которые представляют большой интерес только в том случае, если они в идеальной сохранности: одна – "Царица поцелуев" – новелла Федора Сологуба с иллюстрациями Владимира Григорьева (Пг., 1921). Напечатана на правах рукописи в 500 экземплярах на японской бумаге, и каждый эк-

земпляр подписан собственноручно автором. Все экземпляры пронумерованы; другая – "Семь портретов" Анри де Ренье в издании "Петрополиса". Перевод М.Кузмина, рисунки Д.Митрохина (Пг., 1921). Отпечатано издание в количестве 327 экземпляров, из которых 25 – именных, раскрашенных от руки, 27 – именных нумерованных (с I по XXVII) и 275 – нумерованных (с 1-го по 275-й). Эти две книги очень редки. Предпочтительны издания в обложках, не в переплетах;

журнал "Былое". Ныне он встречается на прилавках наших магазинов, но только его отдельные номера. Полный же комплект бывает чрезвычайно редко. Именно такой комплект и приобрел наш магазин. В нем 6 номеров, издававшихся в Лондоне с 1900 по 1904 год В.Л.Бурцевым, 22 книжки, выпущенные в 1906–1907 годах в издании Н.Е.Парамонова, и, наконец, 35 номеров, вышедших в 1907–1926 годах под редакцией П.Е.Щеголева.

Интерес к редким и другим изданиям сейчас огромный. Еще до открытия магазина на улице толпятся жаждущие книголюбы. И в часы работы магазина в нем, как правило, всегда многолюдно. Пришло большое пополнение любителей книги. Активно стали собирать серии "Жизнь замечательных людей", "Пламенные революционеры", "Библиотека всемирной литературы", "Библиотека поэта" и многие другие. Спрос на современную литературу все растет и растет. И удовлетворению этого спроса во многом должна содействовать букинистическая торговля, которой я посвятил всю свою жизнь.

Этим и хотелось бы закончить главу, но не могу не сказать здесь о тех бедах, которые пережила книжная торговля в период сталинского беззакония. Значительные ограничения в покупке и продаже книг в тот период нанесли большой урон как советской литературе, так и книгораспространению. Многие издания были или уничтожены или подверглись препарированию. До сих пор гуляют по свету и где-то хранятся книги, искалеченные, изуродованные цензурой тех времен. Можно привести множество примеров варварского отношения к печатному слову в период культа.

Особенно пострадали книги в издании "Academia". В этих книгах публиковались выдающиеся памятники мировой и русской культуры. Уровень полиграфического исполнения и художественного оформления книг этого издательства был очень высоким. Одетые в красивые суперобложки, богато иллюстрированные, они были образцом изящества. И вот в этих изданиях, руководствуясь неписаными законами, уничтожали резинкой или зачеркивали тушью фамилии многих авторов предисловий, примечаний, фамилии редакторов, а сами тексты вырывали и уничтожали. Среди тех авторов, которых нельзя было называть, были И.Смилга, И.Луппол, Ц.Фридлянд, А.Пиотровский, Н.Бухарин, Л.Каменев, Г.Зиновьев и многие, многие другие честные и преданные революции люди.

Под особым надзором цензоров были книги историко-революционной тематики и их авторы – В.Антонов-Овсеенко, А.Шляпников, Ф.Раскольников (Ильин), Б.Горев и др.

Некоторые книги о февральской и Октябрьской революциях, а также по истории гражданской войны, в частности так называемые белые мемуары – я имею в виду воспоминания А.Деникина, П.Краснова, П.Милюкова, А.Лукомского, В.Шульгина, изданные за рубежом и переизданные у нас в двадцатые годы, – были запрещенной литературой.

В течение десятилетий мы избегали покупки и продажи собраний сочинений и отдельных работ известных историков – В.Герье, Д.Иловайского, Н.Костомарова, Токвиля, Тьера, Тэна и философов – В.Розанова, В.Соловьева, Г.Челпанова, Ф.Ницше, А.Шопенгауэра и многих других.

Под запретом были труды ученых-биологов Г.Менделя, Т.Моргана, Л.Штерн.

Многие годы не была разрешена покупка и продажа богато иллюстрированных изданий "Великая Реформа" (в 6 томах), посвященная крестьянской реформе 1861 года, "Три века" (в 6 томах) – издание И.Д.Сытина, посвященное истории России, книг известного историка

Н.К.Шильдера (биографии Павла I, Александра I и Николая I).

Не могли быть куплены и проданы многие дореволюционные журналы, в том числе годовые комплекты массового журнала "Нива", особенно за определенные годы, например за 1896-й (коронация), 1913-й (300-летие династии Романовых), 1917-й (революция).

Были запрещены издания ряда наших писателей и критиков – Б.Пильняка, Артема Веселого, И.Бабеля, Л.Квитко, Л.Авербаха, А.Воронского, Д.Бергельсона и др.

Не был в почете замечательный литовский художник Чюрленис. Не раз изымали из продажи и списывали его альбом, изданный еще до революции. Объясняли это тем, что искусство Чюрлениса чуждо нашему народу.

Не жаловала цензура книги К.Гамсуна, Г.Гауптмана, потому что они на старости лет вступили в фашистскую партию.

Однажды магазин приобрел издание середины XVIII века "Опыт о человеке". Автор этой книги Александр Поп – английский поэт-классик. Перевод на русский язык сделал известный ученый того времени, ученик Ломоносова Н.Н.Поповский. Он известен еще и тем, что был учителем Фонвизина, Новикова, Радищева. Книгу А.Попа списали в макулатуру, вырвали заглавный лист и уничтожили. С опозданием известный в Москве литературовед дал положительный отзыв об "Опыте...". Но книги уже не было. Что же не понравилось цензору в этой книге? Остается нам только гадать. Возможно, фамилия автора – Поп?

Книгу Я.Перельмана "Живая математика" сняли с продажи только потому, что на одной из страниц была изображена геометрическая фигура, напоминавшая свастику.

Московский поэт С.Кирсанов издал книгу "Пятилетка". Это было в 1931 году. Весь тираж книги, кроме уже проданных экземпляров, возвратили в типографию, где книгу переверстали. Почему? Да потому, что рядом с текстом:

А ты?
        лишенный имени Ленина –
в лишенцах
        останешься жить?
А ты?
        клопами обоев заклеенный,
не бросишь
        свои этажи?

– на отдельном листе был помещен портрет Сталина. Это послужило причиной изъятия книги. Но отдельные экземпляры все-таки гуляют по свету. И я сумел сохранить один из них.

Как-то цензор разглядел на корешках завязанных в пачки книг, привезенных из квартиры для продажи, фамилии авторов сочинений – Бунина, Ремизова, Мережковского, Аверченко и некоторых других авторов-эмигрантов – и заявил, что эти книги нужно вернуть владельцу. Только после вмешательства сверху авторы были "реабилитированы".

Во время нашумевшего дела врачей-«убийц» букинистические магазины получили указание срочно пересмотреть все наличие медицинских книг и снять с продажи до особого разрешения книги, где упоминаются фамилии осужденных врачей – Егорова, Виноградова, Когана и др., а также труды известного ученого-биолога Л.Штерн. В нашем магазине № 28, где был обширный отдел медицинской литературы, товароведы работали всю ночь. Правда, через неделю-другую распоряжение было отменено, и книги снова поступили в продажу.

Примеры можно приводить и приводить, но и этих достаточно. Запрещенная цензурой литература сохранялась только в спецфондах фундаментальных библиотек. Купленные же книги уничтожали по существовавшим тогда "правилам", а владельцы частных библиотек, потерявшие надежду реализовать книги через магазины, просто сдавали их в макулатуру.

Теперь книги, как и люди, восстановлены в своих правах и будут жить в памяти человечества.

В кругу друзей книги

Самой большой радостью в моей многолетней деятельности букиниста были встречи с людьми, так или иначе связанными с книгой.

Много лет назад юнцы-школьники обратились ко мне за помощью – просили достать учебники для школы, а спустя какое-то время – и для высших учебных заведений. Они повзрослели и, завороженные чтением, пронесли любовь к книге через всю свою жизнь. До последних дней работы я поддерживал с ними связь и самые добрые отношения. Они стали врачами, инженерами, писателями – людьми, полезными нашей стране. Многих я "заразил" книгособирательством и привил им любовь, уважение к книге.

Ходил к нам молодой человек, подбирал книги по кулинарии – по специальности он был повар. Желание повысить свою квалификацию влекло Глеба Маркова в букинистические магазины. Частые посещения магазинов и общение с букинистами расширили его библиофильские интересы, и постепенно он пришел к А.С.Пушкину: стал собирать редкие издания о Пушкине и его современниках. Появились у Глеба Львовича отдельные номера журналов "Московский телеграф", "Библиотека для чтения", "Московский вестник" и др., в которых впервые были опубликованы произведения великого поэта. Собирал Глеб Марков также различные памятные медали, посвященные Пушкину.

В мире московских пушкинистов Глеб Марков стал уже заметной фигурой. Однажды его посетил И.Л.Андроников, чтобы ознакомиться с коллекцией, и дал его собирательству высокую оценку. К сожалению, Глеб Марков ушел из жизни внезапно, совсем молодым.

Добрых слов заслуживает безвременно ушедший из жизни Адриан Яковлевич Фрейдлин, страстный библиофил, создавший интересную личную библиотеку. В ее

составе была самая редкая книга В.Маяковского – "Я". Это первая книга автора. Она вышла в 1913 году с рисунками В.Н.Чекрыгина тиражом 300 экземпляров и является редкостью первой величины.

Будучи артистом эстрады, Адриан Яковлевич много гастролировал по стране и всюду, где бывал, продолжал поиск редких книг. Мне не раз удавалось добывать для него отдельные издания. Последней книгой было прижизненное издание "Героя нашего времени" М.Ю.Лермонтова (1841).

В давнее время моими постоянными покупателями были страстные книголюбы и знатоки книги: бывший полпред в ряде стран, дипломат Я.З.Суриц, старый большевик Б.М.Волин, написавший воспоминания о В.И.Ленине, президент Академии наук СССР С.И.Вавилов, видный балетмейстер Касьян Голейзовский, автор известных воспоминаний генерал А.А.Игнатьев, популярный в Москве врач И.М.Саркизов-Серазини. А прекрасный знаток книги профессор А.А.Сидоров посещал наши магазины до последних дней своей жизни.

В 1932 году, работая заведующим отделом художественной литературы магазина № 66 на Зубовской площади, я часто встречал прославленного советского полководца Михаила Николаевича Тухачевского. Он заходил к нам в магазин по пути в Военную академию, которая помещалась за углом нашего магазина. Я подбирал и оставлял для него новинки художественной литературы и книги издательства "Academia". Хорошо запомнил его личное обаяние, простоту в обращении с людьми. Эти мимолетные встречи и личные контакты запомнились мне на всю жизнь.

В начале 1946 года в Москве проходила первая сессия Верховного Совета послевоенного времени. Регистрировали и обслуживали депутатов в здании ГУМа – нынешнего торгового центра (в то время там помещались хозяйственные склады и подсобные помещения Верховного Совета). В местах, где обслуживали депутатов, наша "Мосбуккнига" развернула широкую продажу книг – как советских, так и дореволюционных. В букинистических магазинах к этому времени был довольно большой выбор

книг. Этот своеобразный книжный базар обслуживала бригада наших наиболее известных букинистов. Мне была поручена особая роль: я должен был беседовать с депутатами – участниками сессии, интересующимися старыми изданиями, и брать заказы на нужные книги. Букинистическим магазинам было дано указание отдавать мне все издания, которые заказывали депутаты. Для этого я ежедневно объезжал магазины и просматривал очередные поступления.

Во время работы сессии мне посчастливилось познакомиться со многими выдающимися деятелями нашей страны. Среди моей клиентуры были военачальники генералы А.И.Еременко и В.И.Петров, прославленный летчик А.И.Покрышкин – трижды Герой Советского Союза, выдающийся конструктор авиационных двигателей В.Я.Климов, медик-физиолог, академик Х.С.Коштоянц.

С этими и другими известными всей стране людьми у меня установились добрые отношения – нас объединяла любовь к книге. Все они вместе и каждый в отдельности что-то дали мне в жизни и чему-то научили. И я, благодарный им за это, хотел бы назвать здесь их имена: писатели и поэты – Демьян Бедный, В.Г.Лидин, П.Ф.Нилин, Л.М.Леонов, И.Г.Эренбург, П.Г.Антокольский, Г.Е.Рыклин, В.И.Ардаматский, К.М.Симонов, Е.А.Евтушенко, С.С.Наровчатов, Л.Н.Мартынов; актеры и режиссеры театра и кино – М.М.Штраух, В.И.Качалов, М.М.Названов, П.В.Массальский, Н.П.Смирнов-Сокольский, В.И.Хохряков, Б.П.Чирков, Ю.В.Никулин, Н.С.Плотников, В.С.Давыдов, Б.М.Тенин, Э.А.Рязанов, Л.З.Трауберг, М.С.Донской, А.Я.Каплер, С.Ф.Бондарчук, В.П.Вайншток; летчик, дважды Герой Советского Союза В.К.Коккинаки, математик, вице-президент Академии педагогических наук А.И.Маркушевич, известные литературоведы – профессора Н.К.Гудзий, Д.Д.Благой, почетный академик В.Г.Шухов, академик В.В.Виноградов, крупный политический деятель П.К.Пономаренко, доктор искусствоведения И.С.Зильберштейн, художники Кукрыниксы, известные медики-офтальмологи: отец – академик М.И.Авербах и сын – профессор И.М.Авербах, историк медицины, акаде-

мик АМН СССР В.Н.Терновский, главный дирижер Большого театра Ю.И.Симонов, мои друзья – шахматисты-гроссмейстеры М.М.Ботвинник, Д.И.Бронштейн, А.А.Котов, Сало Флор, В.В.Рагозин, А.К.Толуш, Андре Лилиенталь и многие другие.

Знакомство с Эдуардом Ивановичем Григолюком произошло в 1957 году, когда я перешел на работу в "Пушкинскую лавку". Эдуард Иванович жил в том же доме, в котором находился наш магазин, и потому частенько нас посещал. Он собрал значительную библиотеку по своей специальности (механика и математика) и начал делать робкие шаги в создании общеобразовательной библиотеки – появились собрания сочинений русских и иностранных писателей. Когда в доме стало тесно, в один из дней (а к этому времени Григолюк уже был крупным специалистом в своей области) он ликвидировал часть библиотеки специальной литературы, оставив лишь самое необходимое. Свободные места опустошенных полок постепенно заполнялись интереснейшими изданиями. В этом помощь ему оказывал и я, давая консультации. В дальнейшем Эдуарду Ивановичу помогали в комплектовании библиотеки московские букинисты Александр Иванович Фадеев и Борис Израилевич Молокошер. Большую помощь оказывал также замечательный ленинградский букинист Иван Сергеевич Наумов.

В последние годы все труднее стало чем-либо соблазнить Эдуарда Ивановича. Обычно следовал ответ: "Это у меня уже есть". Предмет его собирательства довольно широк – первые и прижизненные издания русских поэтов и писателей XYIII и XIX веков – Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова и др., альманахи XYIII и XIX веков. Особенно широко были представлены двадцатые годы нашего века. Думаю, что член-корреспондент АН СССР, профессор Эдуард Иванович Григолюк является владельцем одной из самых интересных библиотек Москвы.

За время работы в "Пушкинской лавке" у меня выработалась привычка приходить на работу за 20–

30 минут до открытия магазина. У замечательного артиста Московского Художественного театра имени М.Горького, профессора кафедры актерского мастерства Школы-студии МХАТ, народного артиста СССР П.В.Массальского тоже была постоянная потребность подышать свежим воздухом перед утренними репетициями и занятиями в Школе-студии. Мы встречались, и наши встречи продолжались в течение многих лет. Трудно подсчитать, сколько мы вышагали километров по нашему короткому, но родному проезду, в котором соседствовали "Пушкинская лавка", Школа-студия и Московский Художественный театр. Во время наших прогулок мы часто встречались со многими известными артистами МХАТа – А.П.Кторовым, А.М.Комиссаровым, А.А.Поповым и с некоторыми другими актерами. Павел Владимирович всегда знакомил меня с ними. Наши беседы велись на разные темы, но в основном мы говорили об искусстве. Много интересного поведал мне Павел Владимирович о профессии актера, постановках театра, о знаменитых "стариках" – его учителях. Слушать его было большим наслаждением. Говорил он просто и в то же время вдохновенно. Это был большой мастер слова. В свою очередь его интересовало все о книгах. И во время наших бесед я ему рассказывал разные занимательные истории о книгах и книжниках. Слушателем он был очень внимательным. Часто наши беседы продолжались за чашкой кофе в "Артистическом" кафе, куда забегали в обеденный перерыв. По приглашению Павла Владимировича мне посчастливилось посмотреть ряд постановок, в которых он был занят сам. О его большом мастерстве как актера говорить излишне – об этом очень много написано. Павел Владимирович неожиданно ушел из жизни, и прекратились наши частые совместные прогулки.

Московские букинисты хорошо знали Алексея Елисеевича Крученых. Это поэт и теоретик футуризма, основатель "заумного языка". Много лет он систематически посещал книжные магазины. Был там своим человеком, а с некоторыми товароведами и дружил. В на-

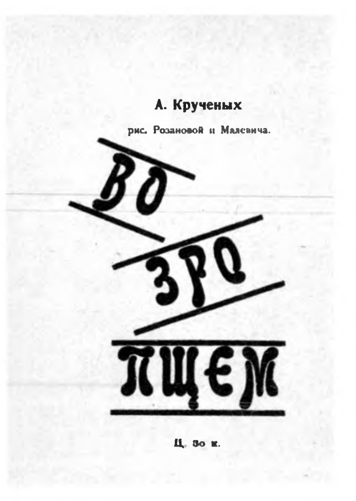

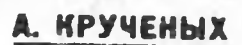
Книги А.Крученых. Обложки. Издания автора

шей "Пушкинской лавке" он бывал чаще, чем в других магазинах, возможно, еще и потому, что любил посиживать в кафе "Артистическое", которое помещается против нашего магазина. Мы с ним были в дружеских отношениях. Он редко покупал книги. Больше продавал, иногда свои издания. Ведь он – автор и редактор очень многих книг. Большинство из них малотиражные. Он был своего рода летописцем футуристов. Целый ряд его книг иллюстрировали известные художники: Н.Гончарова, М.Ларионов, О.Розанова, А.Родченко, К.Малевич, Н.Кульбин и др. Свою продукцию, так он называл книги, которые сочинял или редактировал, он нумеровал. Встречаются номера 150 и выше. Вот некоторые его книги : "Фонетика театра", "Записная книжка Велемира Хлебникова", "Драма Есенина", "Есенин и Москва кабацкая", "Возропчем", "Говорящее кино", "Собственные рассказы детей", "15 лет русского футуризма", "Леф агитки Маяковского, Асеева, Третьякова", "Зудесник",

"Бука русской литературы", "Язык Ленина", "Пустынники". Совместно с В.Хлебниковым написал "Мир с конца". Особенно интересны и редки его литографированные издания – "Неизданный Хлебников". Они выходили тиражом в 100–150 экземпляров. Всего было, кажется, 24 тетрадки. Издавала эти тетрадки "Группа друзей Хлебникова", а переписывали для стеклографа Артем Веселый, Юрий Олеша, Борис Пастернак, Михаил Пустынин. Такого же типа вышел в издании "Группы друзей Маяковского" "Живой Маяковский". Издано 3 выпуска. Еще вышли тиражом в 100 экземпляров в издании "Ленинградского театра Дома печати" "Литературные шутки" (М., 1928). В сборнике участвовали Н.Асеев, И.Ильф, В.Инбер, В.Казин, В.Катаев, С.Кирсанов, Л.Леонов, Л.Никулин, Ю.Олеша и др. Причем каждый автор писал для стеклографа собственноручно. Такой же стеклографический альбом вышел в Москве в 1928 году под названием "Турнир поэтов" с автографами стихов самих авторов. Экземпляры нумерованные, на правах рукописи.

ЧОРНАЯ ТАЙНА
ЕСЕНИНА

ИЗДАНИЕ АВТОРА
МОСКВА

А. КРУЧЕНЫХ

НА БОРЬБУ
С ХУЛИГАНСТВОМ

В ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАНИЕ АВТОРА МОСКВА

Наши встречи с А.Крученых в последние годы его жизни были частыми, но кратковременными. Вспоминали двадцатые–тридцатые годы книжной Москвы, книги, писателей и поэтов того времени.

Крученых, как человек очень общительный, со многими писателями и поэтами был в большой дружбе. Посещал друзей на дому и пользовался у них всяческой поддержкой, вероятно, и материальной. Ведь в послевоенное время он не печатался и материально, видимо, нуждался. После смерти Алексея Елисеевича в связи с отсутствием наследников все оставшиеся его сочинения поступили в Госфонд, а оттуда в один из букинистических магазинов.

Самое любимое мое занятие – чтение. Прочитал большинство прозаических произведений видного писателя нашего времени И.Г.Эренбурга (я имею в виду "Ху-

лио Хуренито". "Любовь Жанны Ней", "Жизнь и гибель Николая Курбова", "Рвач", "13 трубок", "В Проточном переулке" и др. Некоторые из них я перечитывал по два-три раза. С тех пор я стал почитателем таланта замечательного писателя.

Много лет мечтал я познакомиться с Эренбургом, но случилось это только в 1962 году. Магазин "Пушкинская лавка", да и другие букинистические магазины систематически выполняли заказы Ильи Григорьевича на различные книги. Покупку этих книг осуществляла его секретарша Наталья Ивановна. Сам Эренбург магазины не посещал.

Но вот выдался случай, послуживший причиной нашего знакомства. Однажды магазин приобрел своеобразное, не совсем обычное собрание сочинений И.Г.Эренбурга. Книги оказались разных годов издания (стихи и проза), начиная с дореволюционных. Большинство из них

уже давно стали редкими. Несмотря на то что книги разных форматов, они были вплетены в одинаковые переплеты с тиснением на корешках. Это мог сделать только истый книголюб, поклонник Эренбурга.

Решив показать самому автору приобретенное издание и предварительно позвонив по телефону, я отправился с книгами на квартиру.

Осмотрев необычное собрание своих сочинений, Илья Григорьевич был не только поражен такой коллекцией, но и обрадован. Пожалел только, что среди книг не оказалось двух, которые он много лет разыскивал, – это "Повесть о жизни некой Наденьки и о вещих знамениях, явленных ей", изданная на правах рукописи в количестве 100 экземпляров в Париже в 1916 году, и "Бурная жизнь Лазика Ройтшванца". Я заметил, что никогда этих книг не видел и знаю о них только по библиографии.

Собрание сочинений, принесенное мною, тут же было Ильей Григорьевичем приобретено, при этом он вспомнил, что крайне нуждается в своей книге "Мой Париж" и давно ее разыскивает.

На следующий день я, не задумываясь, снял с полки личной библиотеки эту книгу и переслал ее Илье Григорьевичу, предварительно сделав надпись на форзаце: "Уважаемому Илье Григорьевичу. Обычно авторы дарят свои книги читателям. В данном случае старый букинист – почитатель Вашего таланта дарит Вашу же книгу", подпись, дата.

Надо отметить, что книга "Мой Париж" давно стала редкостью. Она издана в 1933 году тиражом в 5 тыс. экземпляров. Фотомонтаж и оформление Эл.Лисицкого. Главное же, что текст и фотографии, как указано на титуле, сделаны самим автором – И.Г.Эренбургом.

Прошло два-три дня, и я получил на домашний адрес письмо, в котором было следующее: "Уважаемый Лев Абрамович, мне хочется сердечно поблагодарить Вас за „Мой Париж", который был мне очень нужен. Ваш подарок меня очень трогает. Желаю Вам всего самого лучшего", подпись, 16 ноября 1962 года.

Через некоторое время Илья Григорьевич подарил мне книгу "Люди, годы, жизнь" (Кн. 1–2. М.: Сов. писатель, 1961) с надписью: "Л.А.Глезеру на добрую память. И.Эренбург, 17 апреля 1964 года". Мне очень дорог этот подарок.

С неменьшим удовольствием я вспоминаю вечер, проведенный в гостях у Ильи Григорьевича. С огромным вниманием мы слушали его рассказы о движении борцов за мир, о пацифистских группах разных направлений. Впоследствии все эти рассказы вошли в его издание "Люди, годы, жизнь. Книга воспоминаний". Этот вечер остался у меня в памяти на всю последующую жизнь. И мои чувства были примерно такими же, какие испытал сам Илья Григорьевич после встречи в мае 1946 года в г.Принстоне (США) со знаменитым Альбертом Эйнштейном. В своих воспоминаниях он написал: "Я провел у него всего несколько часов, но эти часы мне запомнились лучше, чем некоторые крупные события моей жизни".

Моим дружеским отношениям с Владимиром Константиновичем Коккинаки перевалило за тридцать. Мне и моим сотрудникам всегда доставляло большое удовольствие общение с этим удивительным человеком.

Обычно он входил в закупочный отдел, где часто стоит очередь желающих продать книги, здоровался и, чтобы не мешать, становился с внешней стороны прилавка против моего места работы, молча дожидаясь, когда я отпущу очередного клиента, сдающего книги, и освобожусь. Начиналась тихая беседа, как всегда, о книгах, героях книг, об искусстве. В закупочном отделе (товароведке) постоянно находилась какая-нибудь книжная "диковинка", которую я загодя готовил для показа моим друзьям — знатокам книги. Мне доставляло удовольствие рассказывать о той или иной редкой книге и делиться своими знаниями. Но такому слушателю, каким был Владимир Константинович, внимательному и заинтересованному, рассказывать было вдвойне радостно.

Меня он называл всегда по имени – Лева. А мне даже никогда и в голову не приходило называть его

В.Коккинаки. Курс на Восток. Титульный лист с дарственной надписью

иначе, как по имени и отчеству. Ведь моим собеседником был генерал-майор, дважды Герой Советского Союза, прославленный летчик В.Коккинаки, награжденный многими орденами и медалями.

Большой любитель книг и живописи, Владимир Константинович часто посещал книжный магазин, где я работал, чтобы побеседовать и что-либо приобрести. Меня не удивляло, что его любимым писателем был Джек Лондон, герои которого – мужественные и сильные люди. В библиотеке у Владимира Константиновича сочинения Джека Лондона были в виде приложения к журналу "Всемирный следопыт" за 1928–1929 годы в издании "Земля и фабрика" в 48 книжечках. Это самое полное собрание сочинений Дж.Лондона на русском языке. Не раз бывали случаи, когда друзья зачитывали отдельные книги

из этого собрания, но меры принимались, и пропажа восстанавливалась не без нашей помощи.

При всей своей популярности Владимир Константинович – удивительно скромный человек. На протяжении десятилетий, при частых встречах, мы никогда не видели В.Коккинаки в генеральской форме и при орденах. Лишь однажды мне посчастливилось его увидеть в полном облачении, но это было при чрезвычайных обстоятельствах.

Сердечность, доброжелательность и любовное отношение к простым людям были его отличительными чертами. А к нам, книжникам, у него отношение особое. Он не раз проявлял его на деле. Запомнился один случай. Это было в 1952 году. Я тогда работал в магазине № 28 "Москниги" (улица Горького, 3). Вместе с моим другом и коллегой, известным букинистом А.И.Фадеевым, мы приобрели первое издание Собрания сочинений Сергея Есенина в четырех томах (с березками на обложке). Это издание особенно ценится библиофилами. Купленный экземпляр был в прекрасной сохранности. Продали мы эту редкость Владимиру Константиновичу. Но случилось неожиданное. Владельцы проданных книг из-за разногласий в семье потребовали вернуть это издание. Чтобы избежать конфликта, магазин решил вернуть книги. С трудом разыскав по телефону Владимира Константиновича, извинившись, мы попросили срочно вернуть эти четыре тома. Буквально в тот же день, несмотря на чрезвычайную занятость, Владимир Константинович доставил книги в магазин, и они были возвращены владельцам. Прошла примерно неделя, и так уже получилось, что семья все-таки решила продать нам Собрание сочинений Есенина. Ну а мы, в свою очередь, снова вручили его Коккинаки.

Шли годы. Выросла у Владимира Константиновича дочка Ирина. Училась в школе, затем окончила Московский университет, сейчас работает. Книги нужны были ей и в школе, и в университете, и теперь, и наши добрые отношения не прерываются.

Несколько лет тому назад во время очередной встречи с Владимиром Константиновичем я как-то между прочим заметил: "Встретил Вас в одном городе, поздоровал-

ся, а Вы не ответили". Мой собеседник смутился. Как это могло произойти? Пришлось объяснить, что с экскурсией был в Новороссийске и встретил Коккинаки в центре города на высоком постаменте, в бронзе. Владимир Константинович улыбнулся, ничего не сказав. Да, это был бюст дважды Героя Советского Союза, установленный на родине В.Коккинаки.

Один из самых близких друзей Владимира Константиновича – Иван Степанович Исаков, адмирал флота, Герой Советского Союза, прославленный флотоводец. В течение многих лет, ежегодно, в его день рождения Владимир Константинович дарил своему другу только книги. Выбор подарка всегда поручался мне. Заблаговременно, месяца за два, мне ставилась задача подобрать что-либо из книг. Причем желательна морская или военная тематика. Задача, прямо скажем, трудная. Ведь у адмирала Исакова библиотека была грандиозная. И все-таки удавалось разыскать что-нибудь необычное.

В 1939 году у В.Коккинаки вышла книга "Курс на Восток" в издании Государственного военного издательства Наркомата обороны СССР. Автор ее преподнес мне книгу с дарственной надписью: "Доброму другу и великому знатоку книги Льву Абрамовичу от В.Коккинаки, 1971 г." Мне приятен дар Владимира Константиновича, и я дорожу этой книгой.

Счастливым для себя считаю тот день, когда произошло мое знакомство с Ильей Самойловичем Зильберштейном. Наши дружеские отношения сохранялись в течение многих лет. Букинисты как Москвы, так и Ленинграда относились к нему с большим уважением. Мне удалось приобрести для его библиотеки много заказанных им изданий. В основном это были литературоведческие книги и книги по искусству. Но особенно Илью Самойловича интересовали издания с дарственными надписями. Я не раз радовал его, предлагая именно такие книги.

Он и меня «заразил» собирательством автографов. Но дарственные надписи на книгах, которые собирал

Илья Самойлович, необходимы были ему не только для пополнения коллекции. Большинство этих материалов он опубликовал в печати со своими комментариями, а также рассказывал о них на вечерах книголюбов. Они — предмет исследовательской деятельности их владельца.

Илья Самойлович является создателем своеобразной энциклопедии литературного прошлого — "Литературного наследства" (эти фундаментальные тома исследовательской, творческой мысли литературоведов выходят вот уже более шестидесяти лет). Я всегда поражался работоспособности этого человека, его умению находить время для столь многообразных занятий. Ведь помимо участия в издании "Литнаследства" он сотрудничал в газетах и журналах, публикуя там свои статьи. Только в одном журнале "Огонек" печатались его очерки "Парижские находки" начиная с 1966 года. А за талантливую книгу "Художник-декабрист Николай Бестужев" доктору искусствоведения И.С.Зильберштейну присуждена в 1979 году Государственная премия СССР.

Подарив мне эту книгу, Илья Самойлович написал: "Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру, самому лучшему московскому книжнику нынешнего времени, дарю это мое исследование с сердечной признательностью за многие оказанные мне услуги. 10 апреля 1978 года. И.Зильберштейн". И это не единственная книга, подаренная мне Ильей Самойловичем.

Благодаря его высокой культуре, эрудиции, широкому диапазону знаний, а главное, доброжелательному отношению к нам, букинистам, мы многое у него узнали и многому у него научились. Его советы, авторитетные консультации помогли не одному московскому букинисту.

Я обязан Илье Самойловичу еще и знакомством с интересными людьми.

Однажды он привел в магазин известного французского писателя Луи Арагона. Во время беседы с ним я спросил, какими русскими книгами интересуется писатель, и после его ответа: "Прижизненными изданиями

Пушкина" – мы с Ильей Самойловичем дружно рассмеялись. Ведь они не только очень редко бывают у нас, но и являются мечтой многих московских библиофилов.

Илья Самойлович пришел однажды с Идой Марковной Шагал, дочерью знаменитого художника. Ей срочно понадобилась книга "Искусство Марка Шагала", изданная в Москве в 1918 году издательством "Геликон". Авторы столь редкой книги – А.Эфрос и Я.Тугендхольд. Мне объяснили, что это – единственная книга, отсутствующая в библиотеке художника и нужная для издания самой большой монографии о Шагале.

На следующий день Ида Марковна должна была улететь в Париж. Министерство культуры СССР разрешило ей сфотографировать картины Шагала в запасниках наших хранилищ. Дела она завершила, и времени больше не оставалось. По просьбе Ильи Самойловича на следующий день рано утром я передал Иде Марковне из личной библиотеки экземпляр этой книги, и моя книга улетела в Париж. Прошли месяцы, а может быть, и год, и Илья Самойлович передал мне подарок Марка Шагала – монографию художника в швейцарском издании "Скира" с автографом.

Однажды по телефону Илья Самойлович пригласил меня и моего коллегу Дину Абрамовну Демиховскую, работавшую товароведом в магазине № 45, приехать после работы к нему на Лесную улицу. Там нас познакомили со знаменитым итальянским режиссером Де Сантисом и известным в прошлом танцовщиком в труппе С.Дягилева, а также литератором-пушкинистом из Парижа Сергеем Лифарем. Как выяснилось, они хотели познакомиться с московскими букинистами, и Илья Самойлович удовлетворил их просьбу. Мы провели приятный вечер. Разговоры были в основном на библиофильские темы. Ведь Сергей Лифарь наследовал знаменитую библиотеку русских книг Сергея Павловича Дягилева. В этой библиотеке были первое издание "Путешествия" Радищева, "Апостол" 1564 года Ивана Федорова, целый ряд прижизненных изданий Пушкина, оригиналы рукописей и писем Пушкина и т.д.

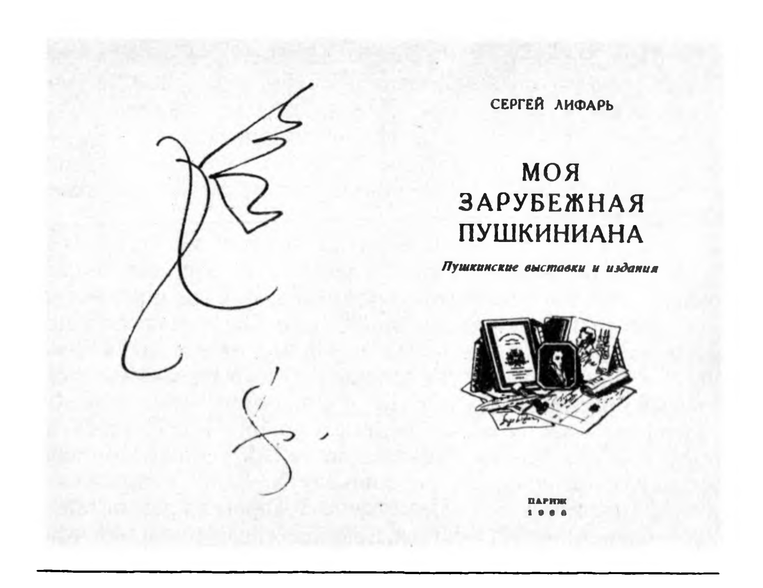
При расставании С.Лифарь подарил мне свою книгу "Моя зарубежная Пушкиниана" (Париж, 1966) с надписью: "Дорогому московскому букинисту и антиквару Льву Абрамовичу Глезеру в знак искренней дружбы.

Сергей Лифарь. Москва. 5.I.68". А на обороте нарисовал абстрактный рисунок, сказав при этом, что так рисовать его научил Пикассо.

В квартире Ильи Самойловича книг вроде бы и не было видно. Картин много, и все первоклассные – работы знаменитых художников. Стен для картин в квартире не хватает. Библиотека, я бы сказал, библиофильская, но в то же время и рабочая – ведь все журналы и книги по искусству нужны исследователю как справочный, подсобный материал. Очень много книг с автографами – дарственными надписями. Они особенно были дороги их владельцу. Знаменитый шкаф с этими книгами заставлял трепетать сердце книголюба. Здесь и страничка из произведения Льва Николаевича Толстого, написанная им собственноручно (кстати, приобретенная мною для коллекции Ильи Самойловича), и автограф Антона Павловича Чехова, здесь Некрасов, Тургенев, Блок, Горький и многие другие. Посещая эту квартиру, я всегда трепетно ждал, когда Илья Самойлович подойдет к письменному столу и достанет из ящика две книги с автографами А.С.Пушкина. Одна из них – "Борис Годунов", другая – "Северные цветы" за 1832 год.

Я привык, где бы я ни работал, считать себя обязанным удовлетворять книжные потребности Ильи Самойловича. У него выработался свой стиль спроса книг "для души". Сделает какую-то обидчивую мину и жалобным голосом произносит: "Вот сколько хожу к Вам, и ни одной книжечки для меня не находится" – или . "Я уже забыл, когда у Вас купил в последний раз книгу". Но заветная книга для него находилась. Так было всегда, вплоть до моего ухода на отдых.

В 1962 году у меня случились неприятности. В наш коллектив пришла особа, которая в книжном деле ничего не понимала, но любила администрировать. И вот в июле –

С.Лифарь. Моя зарубежная Пушкиниана. Титульный лист, контртитул с рисунком автора и авантитул с дарственной надписью

августе мне посчастливилось получить туристскую путевку в Болгарию и затем путевку в санаторий. Подал заявление о дополнительном отпуске за свой счет, что было оформлено приказом по магазину. Когда я вернулся из отпуска, меня обвинили в прогуле, и я сгоряча подал заявление об увольнении. Я оказался не у дел. Такое положение кому-то было на руку. Даже из книги приказов кто-то вырвал страницу о моем отпуске. (Все это стало возможным потому, что отсутствовал управляющий "Москнигой" С.Е.Поливановский.) Когда во всем разобрались, мне предложили работу в другом магазине. В это время к Поливановскому поступило заявление от группы общественных деятелей Москвы, в котором, среди прочего, было сказано, что Глезер, считая себя несправедливо обиженным,

Дорогому
Московскому
Букинисту
и
Антиквару
Льву Абрамовичу
Глезеру
В знак искренней
дружбы
Сергей [illegible]
Москва
5 - 1 - 68

поторопился подать заявление об уходе. И далее: "В настоящее время, как нам стало известно, идет разговор о восстановлении тов. Глезера на работе в системе "Москниги", но в другом магазине. Мы с этим согласиться не можем. Зная тов. Глезера в течение десятилетий, мы достаточно ясно представляем себе, что он не мог совершить сознательного прогула. Человек имеет право на доверие, и мы просим Вас восстановить тов. Глезера в том самом магазине № 14, где мы привыкли видеть его, куда он научил нас систематически заходить и где мы неизменно встречаем с его стороны внимание и помощь. Нам не все равно, в каком магазине он будет работать. Привычка – вторая натура, и проторенную дорогу без особой необходимости не следует закрывать. Восстановление тов. Глезера именно на той же работе нужно столько же ему, сколько и нам.

Поэтому мы просим уважить это наше коллективное обращение".

Датировано 12 октября 1962 года. Подписали:

1) академик АН УССР, профессор МГУ Н.К.Гудзий, 2) доктор филологических наук И.Л.Андроников, 3) член-корреспондент АН СССР С.Г.Бархударов,4) академик АН СССР В.В.Виноградов, 5) писатель И.Г.Эренбург, 6) доктор искусствоведения И.С.Зильберштейн, 7) заслуженный артист РСФСР, лауреат Государственной премии М.М.Названов, 8) старший консультант одной из поликлиник, доктор В.И.Варшавский, 9) член Союза писателей СССР В.А.Катанян, 10) народный артист СССР Б.П.Чирков, 11) народный артист СССР Б.А.Александров, 12) народные художники СССР Кукрыниксы.

Как мне потом стало известно, это обращение организовали и составили И.С.Зильберштейн и И.Л.Андроников.

После восстановления на работе я проработал здесь еще 22 года.

Во время одного из посещений нашего магазина Илья Самойлович принес мне копию этого обращения с подлинными подписями и сказал улыбаясь: "Вам, любителю автографов, в коллекцию".

Илья Самойлович совершил акт высочайшей патриотической значимости. Свою громадную коллекцию картин (живопись и графика), которую он с большим знанием собирал всю жизнь, подарил безвозмездно нашему государству и стал основателем Музея личных коллекций.

Постоянно мне приходилось навещать моих друзей — собирателей-книжников. Всегда находились причины для таких встреч. Я не только давал советы, консультации по отдельным изданиям, в которых были заинтересованы собиратели, но и сам учился.

Народному артисту СССР, известному киноактеру Борису Петровичу Чиркову, страстному книголюбу, не раз выступавшему по радио и телевидению с рассказами о своем "хобби" — книгособирательстве, я много лет подбирал книги, пополняя его библиотеку. У меня до сих пор хранится список книг, которые Борис Петрович мечтал приобрести. Перечень их, напечатанный на машинке,

занимает четырнадцать страниц. Здесь и Пушкиниана, и книги по "Слову о полку Игореве", и различные альманахи, и новая литература, и, конечно, поэзия. К этому разделу у него была особая любовь.

Букинистические магазины Чирков посещал часто, начиная с 1939 года. У него с работниками магазина всегда были отличные отношения. В первую очередь это объясняется его удивительным характером – он был очень добрым, обаятельным, благожелательным человеком. Всегда улыбчивый, Борис Петрович невольно вызывал к себе симпатии. У меня к нему были особые чувства. В трудные для меня дни Борис Петрович твердо и мужественно встал на мою защиту, на защиту справедливости. Борис Петрович – автор ряда книг, причем некоторые из них были преподнесены мне с очень теплыми надписями.

Дважды я побывал в его уютной квартире в высотном здании на Садовой-Спасской улице. Первое, что бросилось в глаза, – в цветастых, разного рисунка переплетах из легкой ткани книги – поэтические сборники. Собрание довольно обширное. Гордостью своей библиотеки Борис Петрович по праву считал сочинения В.А.Жуковского с прекрасным автографом самого автора:"Почтенному Леонтию Васильевичу Дубельту от автора 1 марта 1837 года". 1837 год – ведь это год гибели Пушкина, а месяц как раз тот, когда Василий Андреевич Жуковский вместе с Дубельтом разбирал архив поэта. Эту книгу Борис Петрович не раз показывал по телевидению и рассказывал о ней.

Кроме книг с автографом Жуковского, у Чиркова были книги с автографами Некрасова, Мея, Сухово-Кобылина и многих наших современников, в том числе Маяковского.

Однажды перед премьерой пьесы о шахматисте Алехине, зная мою привязанность к шахматной игре, Борис Петрович принес мне на работу пропуск – приглашение посетить премьеру пьесы, поставленной в театре имени Н.В.Гоголя, актером которого он был. И почти одновременно на эту же премьеру меня пригласил мой

добрый знакомый – главный режиссер этого театра Б.Г.Голубовский. Вскоре я получил приглашение на тот же вечер от моего старого друга, автора пьесы, шахматного гроссмейстера А.А.Котова. Все трое оказались добрыми друзьями старого букиниста.

Любил букинистов известный писатель Владимир Германович Лидин. Нежно и с уважением относясь к букинистам, он всегда защищал их интересы. Книголюбам и букинистам Владимир Германович посвятил немало статей и книг – "Люди и встречи", "Друзья мои – книги. Заметки книголюба" и т.д.

Долгое время он возглавлял лавочную комиссию при Литфонде Союза писателей и, естественно, был как бы общественным "хозяином" известной в Москве "Лавки писателей".

Владимир Германович владел отличной библиотекой – первые издания русских писателей и поэтов, редкие русские книги, особенно книги с автографами.

Книголюбы охотно делятся впечатлениями о своих находках, иной раз любят похвастаться ими. Иногда Владимир Германович приглашал к себе в гости в квартиру на улице Семашко знакомых букинистов. В последний раз у него собрались В.Н.Алексеев, Н.Н.Лебедев и автор этих строк. За традиционным столом – чай и легкая закуска. Разговор шел только о книгах и книголюбах. Каждый вспоминал какую-то историю, связанную с книгами. Попутно Владимир Германович показывал свои раритеты и с большим знанием комментировал. Было чем похвастаться и было что послушать!

Владимир Германович распространил однажды список книг советских авторов, изданных в двадцатые – тридцатые годы и особо интересовавших его. Заказ казался странным. Потом выяснилось, что все эти книги в свое время были им уничтожены. Остались только заглавные листы, на которых – дарственные надписи, адресованные Лидину. Теперь он разыскивал книги, чтобы наклеить титульные листы с этими надписями. То были книги малоизвестных или совсем неизвестных писателей

и поэтов. В своем издании "Друзья мои – книги" он как раз и рассказывает об этих книгах, воскрешая забытые имена, о книгах малоизвестных, но интересных, о букинистах, издателях, художниках. Лидин известен как большой мастер маленьких рассказов, поэтому и книжные новеллы его написаны талантливо.

Часто залежалые книги, казалось, мало кому нужные, находили покупателя в лице Владимира Германовича Лидина.

В 1966 году вышла книга Владимира Германовича "Друзья мои – книги. Заметки книголюба". Это, вероятно, 2-е издание. В главе "Кладовая разума" (С. 328) Владимир Германович описывает, как он со словацким писателем П.Илемницким посетил в Москве некоторые букинистические магазины – "кладовые разума", как образно сказал гость. «...Я повел Илемницкого, помнится, и в Книжную лавку писателей, и в букинистические магазины, где *работали* (курсив наш. – *Л.Г.*) старейшие и уважаемые книжники Алексей Григорьевич Миронов, Александр Сергеевич Бурдейнюк и Лев Абрамович Глезер, съевшие на своем веку, по образному выражению, добрый десяток пудов книжной соли». Мне было приятно, что меня поставили рядом с такими уважаемыми коллегами. Но слово "работали" ко мне относиться не могло – еще почти 35 лет я продолжал свою трудовую деятельность.

Большим уважением у московских букинистов-книжников пользовался Николай Дмитриевич Волков. В течение нескольких десятилетий он систематически посещал книжные магазины Москвы и Ленинграда и собрал огромную библиотеку.

Посмотреть на него со стороны – это типичный барин из пьес Островского. Зимой он ходил в шубе на беличьем меху, с воротником из камчатского бобра, летом – всегда в безукоризненном костюме. Чем-то он напоминал знаменитого актера МХАТа В.И.Качалова. Кстати, тоже большого любителя книг. Мне посчастливилось быть знакомым с Василием Ивановичем и прода-

вать ему книги. Дважды он приносил мне записки в Московский Художественный театр, в которых просил посадить меня ближе к сцене, зная о том, что у меня сильная близорукость.

Николай Дмитриевич Волков блистал огромной эрудицией, особенно в области литературы, музыки и философии. Был доброжелателен к тем, с кем ему приходилось общаться. Беседу вел в несколько ироничном тоне. Интеллигентность чувствовалась во всем – и в манере вести разговор, и в умении держать книгу.

В мире букинистов он известен своими завидными знаниями во всех областях, и потому нам было приятно и полезно с ним общаться. Автор монографии о В.Э.Мейерхольде, выпущенной в двух томах в издательстве "Academia" в 1929 году, Николай Дмитриевич был также автором либретто некоторых балетов: "Пламя Парижа" Б.В.Асафьева, "Спартак" А.И.Хачатуряна, "Золушка" С.С.Прокофьева и ряда других известных балетов. С большим успехом прошла пьеса "Анна Каренина" по произведению Л.Н.Толстого, подготовленная Н.Д.Волковым специально для сцены Московского Художественного театра.

Любил Николай Дмитриевич обходить книжные магазины, и в первую очередь в районе улицы Арбат. В годы 1954–1956-й мне довелось работать товароведом в магазине № 36, расположенном в 300 метрах от квартиры Николая Дмитриевича в Кривоарбатском переулке. В последние годы он редко покупал книги. Удивить его чем-либо было трудно. А раритеты его не интересовали.

У него была одна странность – не носить с собой денег. Поэтому при покупке им книг ему приходилось давать взаймы нужную сумму. Но на следующий день долг возвращался. Зная мое тогдашнее увлечение приключенческой литературой, он пообещал уступить мне полный комплект журнала "Мир приключений", выходившего с 1910 года. Но продавать книги он не любил, и, наверное, потому я ждал этого комплекта около двадцати лет, но так и не дождался.

В 1956 году вышла из печати пьеса В.Гюго "Анджело" в переводе с французского Волкова. Подарив мне эту книжку, зная о моем бывшем увлечении приключенческой литературой, он написал: "Льву Абрамовичу от Николая Дмитриевича, в коллекцию его приключенческих книг. С дружеским рукопожатием Н.Волков. 24 апреля 1956 года". Конечно, это преподношение было приятно, но слабо утешало, поскольку "Мир приключений" я так и не получил.

В эти же годы мне как агитатору на избирательном участке перед выборами в Верховный Совет приходилось обходить квартиры моего участка в Кривоарбатском переулке. После звонка в одну из квартир мне открыл дверь... Николай Дмитриевич. До этого случая я у него в гостях никогда не был.

Он очень удивился. "Я пришел пригласить Вас в красный уголок на избирательный участок прослушать мою лекцию о кандидате в депутаты", – сказал я. И вот впервые за наше многолетнее знакомство, воспользовавшись случаем, Николай Дмитриевич показал мне часть своей большой библиотеки, основная же часть библиотеки находилась на даче. Полки с книгами – от пола до потолка. Много, очень много книг. В основном о театре, литературе, по философии, психологии, толстые журналы и т.д. Библиотека не библиофильская. Я бы сказал – рабочая.

В январе 1957 года меня перевели работать в "Пушкинскую лавку". Николай Дмитриевич ни разу не посетил при мне наш магазин. Я был встревожен. Несмотря на мои настойчивые приглашения, он так в магазине и не появился. Как мне потом стало известно, он даже избегал проходить нашим переулком. Только недавно выяснилась причина этого. Бывший директор нашего магазина оскорбил Н.Д.Волкова, и эту обиду Николай Дмитриевич сохранил на всю оставшуюся жизнь.

В 1965 году, после кончины Н.Д.Волкова, библиотеку очень быстро ликвидировали. Многокомнатная квартира в Кривоарбатском переулке подлежала сдаче госу-

дарству и жена Николая Дмитриевича, народная артистка республики Дарья Васильевна Зеркалова, вынуждена была библиотеку продать.

Душеприказчиком оказался старый ленинградский букинист, некий Рахлин. Приехав из Ленинграда, он как-то уж очень поспешно расправился с библиотекой. В Москве книги прошли через магазин № 45 и после оценки и оформления в большей своей части поступили в Государственную театральную библиотеку. Значительная часть библиотеки, в том числе книги по философии и психологии, почему-то была вывезена в Ленинград и там распродана.

Из этой библиотеки мне удалось купить в магазине № 45 полный комплект книг серии "Жизнь замечательных людей" – 192 книжки в издании Ф.Павленкова, в прекрасной сохранности. Эти книги для меня – память о замечательном человеке – Н.Д.Волкове.

Когда раздавался телефонный звонок и меня приглашали на чашку чая в квартиру № 4 по улице Грановского, дом 4, я, не задумываясь, оставлял работу, пересекал улицы Горького и Герцена и вскоре оказывался в гостеприимной квартире Николая Каллиниковича и Александры Львовны Гудзий. В этом доме любили книги и уважали букинистов. Приглашение на чашку чая означало, что пришло время очередной чистки библиотеки.

Ученый-литературовед, член-корреспондент украинской Академии наук, профессор МГУ, автор учебников и монографий, он систематически пополнял свою библиотеку. Все четыре стены большого кабинета занимали полки с книгами. Ими была заполнена и маленькая комнатушка, в которую мог войти только один человек со стремянкой. Библиотека была рабочим инструментом для ученого, и лишь пара полок с любимой поэзией – для души.

Частый гость московских книжных магазинов, Николай Каллиникович никогда не возвращался домой без покупки. Чаще всего он посещал наш магазин – "Пуш-

кинскую лавку", где его всегда встречали с радушием и где у него, по его словам, самые большие друзья.

Обильно пополняя библиотеку, Гудзий вынужден был проводить систематическую чистку, освобождая библиотеку от уже использованных и ненужных книг.

Процесс отбора проходил примерно так. Николай Каллиникович взбирался по стремянке к верхним полкам, я стоял внизу, и он передавал мне по одной книжечке. Причем каждую книжку, взятую в руки, он внимательно рассматривал, определяя ее необходимость, и вслух комментировал ценность содержания. Иногда, что-то вспомнив, требовал книгу обратно, ставил ее на прежнее место, приговаривая: "Еще пригодится". Книги он отдавал с большим сожалением, расставался с ними болезненно. Однако место для новых поступлений необходимо было высвобождать. Да и супруга его – милейшая Александра Львовна – требовала жизненного пространства.

Такой процесс отбора книг был для меня неудобным, затяжным, но эти неудобства компенсировались тем, что я многое узнавал: комментарии почти к каждой книге, которую брал в руки ее владелец, были исключительно интересны, поучительны. Я убежден, что в нашей профессии надо постоянно пополнять свои знания. У Ильи Эренбурга в книге "Люди, годы, жизнь" есть такие слова: "Человек учится до самой смерти". Это сказано очень точно.

Закончив работу, мы приступали к чаепитию, к простым житейским разговорам. Заботливая Александра Львовна интересовалась моим мнением, какого цвета костюм надо сшить Николаю Каллиниковичу, какой портрет лучше писать – в рост или до пояса... И еще много всяких житейских вопросов задавалось мне, вопросов, на которые я иногда не знал, как ответить.

В квартире Н.К.Гудзия всегда было людно. Приходили студенты за консультацией, редакторы из издательств за уточнением текстов, приходили и иностран-

ные студенты, изучавшие русскую литературу, выдающимся знатоком которой был профессор, особенно творчества Льва Николаевича Толстого.

Давняя дружба связывала меня с заслуженным артистом РСФСР Михаилом Михайловичем Названовым. Особенно нас объединяла любовь к поэзии. Названов предпочитал стихи Н.С.Гумилева и М.И.Цветаевой. Я ему добывал сборники этих поэтов, причем для Михаила Михайловича неважно было — книга это, напечатанная в типографии, или перепечатка на пишущей машинке.

Мне однажды удалось достать книгу "Неизданный Гумилев", вышедшую в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке в 1952 году. Главная ценность этой книги заключалась в том, что в ней впервые была напечатана трагедия "Отравленная туника", о которой у нас мало знали. Книгу мы одолжили Михаилу Михайловичу, и дня через два он принес мне в подарок экземпляр-копию, перепечатанную на машинке. Позже он подарил мне два сборника: в одном — пьесы Цветаевой: трагедия "Тезей", изданная в 1927 году в Париже, и пьеса-трилогия "Федра", в другом — пьесы Н.Гумилева: "Дерево превращений" и "Гондла". Обе книги перепечатаны на пишущей машинке. И хотя я предпочитаю оригинал, а не перепечатки, я храню эти дары в память о прекрасном человеке и выдающемся актере. Помним мы его по ряду кинокартин: "Иван Грозный", "Первые радости" и "Необыкновенное лето" (по Федину), "Битва в пути", "Гамлет" и др. Особенно хорош он был в роли Кречинского в пьесе Сухово-Кобылина "Свадьба Кречинского". Этот спектакль я ходил смотреть несколько раз.

В 1952 году я работал заведующим отделом покупки букинистического магазина № 28. Тогда этот магазин считался самым большим в Москве. В отделе покупки вместе со мной были очень авторитетные и знающие русскую книгу товароведы А.И.Фадеев, Н.Н.Лебедев, О.И.Савина.

В одно из посещений Михаилом Михайловичем нашего магазина мы обратили внимание на то, что он явно расстроен. Выяснилось, что его друг, известный артист Р.Я.Плятт, потерял книгу, и библиотека требует возместить ущерб в размере 3 тыс. руб. Сначала я не сообразил, почему так много, но потом стало ясно – потерян том из "Похождений Рокамболя" Понсона дю Террайля. Понсон дю Террайль – один из редко встречающихся авторов, и Собрание его сочинений в 27 томах стоило тогда до 10 тыс. руб., а отдельный том, следовательно, рублей 300. А так как библиотека взыскивает в десятикратном размере, то и получается сумма в 3 тыс. руб.

Естественно, я начал принимать какие-то меры. В первую очередь обзвонил все букинистические магазины. В отделе покупки книг вывесил объявление о розыске книги этого издания. И мне повезло. Недели через две-три нам предложили один том из собрания сочинений этого редкого автора. Цена, предложенная владелице за эту книгу, ее не устроила, и она ушла. И я сделал то, чего не делал никогда в жизни, – я бросился на улицу, догнал эту гражданку и, объяснив положение, увеличил цену. Сделка состоялась. Выписали квитанцию, расплатились и срочно к телефону – звонить Михаилу Михайловичу. Ждать его долго не пришлось. Придя, он сердечно поблагодарил нас, назвал меня волшебником и сказал, что Плятт считает себя моим вечным должником.

Много лет спустя, уже после кончины Михаила Михайловича, а он ушел из жизни очень рано, в расцвете творческих сил, я был в Театре эстрады, где проходили крупные международные соревнования шахматистов. Был я в обществе своих друзей – шахматных гроссмейстеров А.А.Котова, А.К.Толуша, Д.И.Бронштейна. К нашей компании примкнул Р.Я.Плятт. Мои друзья стали нас знакомить, и меня представили как букиниста-антиквара. Ростислав Янович был рад знакомству. Он тут же вспомнил историю с потерянной книгой и подтвердил, что действительно считает себя моим должником.

У меня в руках письмо, которое считаю не лишним привести.

"Книги, как люди, иногда они дарят вас нежданной радостной встречей, а порой как бы уклоняются от нее, и вы терпеливо ждете многие годы свиданья с ними. Так не раз случалось и в моей жизни.

Интересуясь вопросами истории медицины, я очень ценил труды С.Ковнера, основанные на изучении первоисточников. В 1878 году в Киеве в университетской типографии была напечатана часть 1-я его „Истории медицины", посвященная медицине Востока и медицине Древней Греции до Гиппократа. В 1883 году вышел из печати выпуск второй, посвященный медицине Гиппократа, и в 1888 году выпуск третий -- от смерти Гиппократа до Галена включительно.

Книги эти стали очень редки, но особенно редко встречающейся была его „История средневековой медицины", выпуск первый которой напечатан в Киеве в 1893 году, а второй – в 1897 году также в университетской типографии.

Второй выпуск „Средневековой медицины" я встретил случайно у букиниста в Казани в 1924 году, а выпуск первый был неуловим и встретился мне только лишь в 1962 году в Москве на ее более обширной букинистической ниве. Однажды встретивший меня на улице мой знакомый букинист сообщил мне, что отнес Льву Абрамовичу „Средневековую медицину" С.Ковнера, 1-й выпуск. Я пошел по указанному адресу в проезде Художественного театра в „Букинистическую обитель", магазин № 14, но каково же было мое огорчение, когда я узнал от Льва Абрамовича Глезера, что книгу купил случайный медик. Лев Абрамович, подумав, взялся исправить беду, так как знал „случайного медика" и шефствовал над его книжными нуждами. Их свидание состоялось, и дней через десять я получил из рук Льва Абрамовича „неуловимого печатного схимника", который почти сорок лет не хотел встретиться со мной, несмотря на почти полувековое, не остывавшее с моей стороны желание.

Книги, как люди, и встречи с ними порой своенравны и зависят от „сочетания созвездий", как любили выражаться люди средних веков.

Действительный член Академии медицинских наук СССР
В.Н.Терновский. 23.II.62.
г.Москва"

Письмо Василия Николаевича лишний раз убеждает нас в том, что книга должна быть продана именно тому, кто в ней больше всего нуждается. Сумев доказать эту простую истину своему постоянному клиенту – "случайному медику", я получил книгу и передал ее по назначению.

Василий Николаевич Терновский занимался вопросами истории медицины. Под его редакцией вышло Полное собрание сочинений Ибн Сины (Авиценны), знаменитый "Салернский кодекс здоровья", написанный в XIY веке, а в 1964 году переведенный с латинского Ю.Ф.Шульцем на русский язык со вступительной статьей В.Н.Терновского.

Эта книга мне преподнесена с дарственными надписями переводчика и редактора – Ю.Ф.Шульца и В.Н.Терновского.

Академик Терновский – давний друг московских букинистов. Высокий, красивый, в последние годы с гривой седых волос, он всегда привлекал к себе внимание, когда входил в магазин. Его доброжелательность и почтительное отношение к нам, букинистам, были общеизвестны. И мы, работники магазина, встречали Василия Николаевича с неизменным радушием и уважением.

Библиотеку он собрал большую. Кроме обширного собрания книг по медицине, в его библиотеке были труды по древней и средней истории, русские книги XYIII века, которые он особенно любил.

Букинисты Москвы охотно оставляли ему те книги, которые он предварительно заказывал. Заказ он оформлял на листочках, которые передавал букинистам для

памяти. У меня до сих пор хранятся такие записки. Вот одна из них:

"Льву Абрамовичу челобитие книголюба В.Н.Терновского. Прошу у вас Гиппократа, тт. I и III, материалы декабристов, вып. 7-й, Шекспир, перевод Кетчера, т. 7-й, переписка Романовых, тт. 1, 2, Козьма Прутков „Плоды раздумья" Ленинградского издательства с иллюстрациями Кузьмина".

Таких записок у меня четыре. Храню их как память об интересном человеке, большом друге букинистов.

Не раз мне приходилось бывать в гостях у Алексея Ивановича Маркушевича. Математик, доктор физико-математических наук, профессор, наконец, вице-президент Академии педагогических наук СССР, автор ряда книг по высшей математике, Алексей Иванович в течение многих лет собирал свою удивительную библиотеку. Среди его книг много редчайших изданий. Особо славился раздел книг о России, так называемая "Россика". Это одно из лучших собраний среди частных коллекций нашей страны.

Велика заслуга в создании этой библиотеки букинистов Москвы и Ленинграда. Приятно сознавать, что и мне довелось внести свой скромный вклад в ее комплектование. Немало редких изданий попало на полки этой библиотеки из моих рук. Одно из них, например, "Альбом картин и сцен из русской жизни" Ле-Пренса (1734–1781) на французском языке (Париж, 1782) – собрание работ известного художника, долго жившего в России и большинство своих гравюр посвятившего нашей стране. Это редчайшее французское издание. Экземпляр со 124 гравюрами в превосходном состоянии; другое – А.Монферран "Александрийская колонна" – об истории строительства, на французском языке, с литографическими рисунками.

А когда наш магазин приобрел одно из первых на русском языке изданий сочинений Вольтера в трех томах (напечатанное в 1791 году Иваном Рахманиновым в селе Казинка Тамбовской губернии) и я предложил его

Алексею Ивановичу, он, не задумываясь, приобрел книги и тут же рассказал нам об истории этого издания: то было полное собрание всех переведенных на российский язык сочинений Вольтера, выпущенное вторым изданием. Издание чрезвычайно редкое. Екатерина II распорядилась "все выкупить и конфисковать".

Еще много интересных и редких изданий находится в этой библиотеке благодаря нашим стараниям.

Первый раз я побывал у Алексея Ивановича по его приглашению. Он заехал за мной на машине после работы. Мы быстро доехали до места, поднялись на нужный этаж, и, как только вошли в квартиру, я с нетерпением направился на свидание с этой библиотекой. Но меня усадили ужинать. Ведь мы оба после работы и были голодны. Закончив трапезу, отправились мыть руки. "Книги требуют чистых рук" — так заявил Алексей Иванович.

Все увиденное превзошло мои ожидания. Подборка книг о России действительно впечатляла. Здесь издания на разных языках. Осмотр такой библиотеки может увлечь любого книголюба, тем более что осмотр сопровождался комментариями большого знатока, ведь Алексей Иванович — автор многих серьезных статей по книговедению. Уходить не хотелось, но всему бывает конец. По дороге домой я все вспоминал увиденное.

Как известно, вся библиотека А.И.Маркушевича после его кончины была передана Библиотеке имени В.И.Ленина.

Мое поколение букинистов этого человека называло Фролычем, а для молодежи он был Сергеем Фроловичем. По профессии Сергей Фролович Лысенков — высококвалифицированный слесарь. Любви к чтению и книгам он обязан глубоким знанием русской истории и старопечатных книг. Он свободно читал древние книги, напечатанные кириллицей. Большая дружба с букинистами дала возможность собрать обширную и интересную библиотеку.

Добрый и отзывчивый, мягкий в обращении, Сер-

гей Фролович часто помогал своими советами молодым букинистам при оценке ими книг, особенно если речь шла о старопечатных изданиях. Были случаи, когда книги оставляли в закупочных отделах до прихода Сергея Фроловича, чтобы узнать его мнение. И он никогда не обманывал ожиданий букинистов — советы давал охотно, дельные, но только в тех областях, которые были ему досконально известны — русская история и антиквариат.

С.Ф.Лысенков — типичный русский самоучка, самостоятельно достигший больших высот в знании старых русских книг. Надо было слышать, как он рассказывал об отдельных редких изданиях. Его рассказ всегда был неторопливым, обстоятельным. И самому ему он доставлял огромное удовольствие.

Библиотека Сергея Фроловича досталась двум взрослым сыновьям. Первое время ко мне обращался старший сын и просил оценить то или иное издание. Я это охотно делал. Дальнейшая судьба библиотеки мне неизвестна.

Будучи безнадежно больным, Сергей Фролович однажды появился в нашем магазине. Он вызвал меня на улицу и вручил мне книгу, которой сам очень дорожил, сказав, что эта книга ему передана старым букинистом И.В.Иваницким. Тот, в свою очередь, ее получил от букиниста старшего поколения. Ну а Сергей Фролович посчитал, что по традиции она должна находиться у меня. Книга эта — "Исследование о скопческой ереси". Автор ее В.И.Даль. Напечатана в ограниченном числе экземпляров, около двадцати, по приказанию министра внутренних дел, в 1844 году. Книга действительно очень редкая.

Экземпляр, доставшийся мне от Сергея Фроловича, оказался в идеальной сохранности — в книге с золотым обрезом, в переплете из кожи, с тиснением на корешке были все пять литографий и обе обложки.

Знакомство с Михаилом Ивановичем Чувановым началось в 1948 году, во время моей работы старшим товароведом в магазине № 35 (Арбат, 10). Михаил Иванович уже тогда владел большой коллекцией книг с дар-

В.И.Даль. Исследование о скопческой ереси. Обложка

ственными надписями и прекрасно знал старопечатную книгу на старославянском языке.

Наше знакомство перешло в дружеские отношения, которые сохранялись многие годы.

В этот период был большой приток книг в букинистические магазины. И очень часто попадались интересующие Михаила Ивановича автографы, которые мы и оставляли для Чуванова. Тогда я еще не представлял себе, что автографы могут быть предметом коллекционирования. Книги с дарственными надписями в те годы дополнительно не оценивались, за исключением книг с автографами известных и популярных авторов. Но настойчивость в собирательстве дала свои результаты, и библиотека М.И.Чуванова получила широкое признание. Мне доставляет удовольствие сознавать, что и я внес лепту

в комплектование этого собрания. Через несколько лет я тоже "заразился" болезнью коллекционирования автографов. Но я ограничил себя одним условием – собираю дарственные надписи, имеющие смысловое значение, и наиболее известных людей. Кое-чего я в этом достиг.

Чуванов создал большую библиотеку. Часть своего собрания он принес в дар Библиотеке имени Ленина.

Почти сорок лет мне посчастливилось работать с Сергеем Ерофеевичем Поливановским. Многие годы он возглавлял управление "Москниги". Начав свою книготорговую деятельность еще в 1926 году в Хабаровске, комсомолец Поливановский в 1927 году был послан на учебу в Москву и с тех пор до последних дней своей жизни не расставался с книгой.

Несмотря на большую занятость, ведь в его подчинении находилось свыше двухсот книжных магазинов, несколько сот книготорговых точек по всей Москве (киоски, столики на улицах, народные магазины на предприятиях), Сергей Ерофеевич находил время для чтения и пропаганды книг. Именно они были главным смыслом его жизни. Увлечение книгой привело к собирательству. За много лет ему удалось составить большую библиотеку книг по библиографии, книговедению и истории книжной торговли.

Хотя по характеру своему Сергей Ерофеевич был добрым человеком, он никогда не прощал нам наших промахов и ошибок в работе. В результате были выговоры и другие взыскания. Но проходило время, и он быстро оттаивал. Однажды за какую-то мою промашку он назвал меня на собрании товароведов китайгородским купцом, вспомнив о моей торговле у Китайгородской стены в двадцатые годы. Это не могло не обидеть меня. Но в в то же время в своей книге "Московские книжники", вышедшей в 1979 году, Поливановский пишет: "Из молодых книжников, торговавших у Китайгородской стены, выросли впоследствии опытные книготорговые специалисты: и поныне работает в "Пушкинской лавке" Мос-

Беседа Л.А.Глезера в редакции журнала "Огонек" (1974 г.)

книги старшим товароведом Лев Абрамович Глезер, один из знатоков и ценителей русской антикварной книги".

Сергей Ерофеевич глубоко уважал букинистов и всегда считал, что высшая квалификация работников книжной торговли – это товароведы-букинисты. Когда у руководства книжной торговли возникали вопросы, связанные со старыми изданиями, он всегда обращался к нам. Работал помногу, не считаясь со временем, засиживался допоздна, иногда "прихватывал" и выходные дни. Я не удивлялся, если дома у меня в полночь раздавался телефонный звонок и Сергей Ерофеевич задавал очередной вопрос. Ко мне он обращался больше, чем к другим, ведь "Пушкинская лавка" находится почти напротив управления "Москниги".

С.Е.Поливановский был энтузиастом своего дела и рыцарем книги. После рабочего дня он постоянно выс-

тупал на различных вечерах книголюбов, никогда не отказываясь от приглашений. Мне неоднократно приходилось участвовать вместе с ним в таких мероприятиях. Он рассказывал о книжной торговле и перспективах ее развития в Москве, я же, как всегда, о старой книге. Сергей Ерофеевич был инициатором устройства в магазинах встреч со знатными людьми – писателями, поэтами, учеными. У себя в кабинете проводил обзоры редких изданий, поступивших в магазины. Каждый товаровед, которому посчастливилось приобрести раритет, докладывал, предварительно подготовившись, об этом издании. На таких обзорах товароведы обогащали свои знания, приучали себя пользоваться библиографией.

В 1983 году Сергей Ерофеевич был освобожден от занимаемой должности, несмотря на многолетнее безупречное руководство "Москнигой". И жил он после этого совсем недолго.

Вся библиотека Сергея Ерофеевича через магазин № 28 продана в Институт повышения квалификации при Госкомиздате СССР.

Однажды кто-то из наших постоянных клиентов привел к нам в магазин своего друга и просил оказать ему содействие в пополнении его библиотеки. Этим человеком оказался Анатолий Филиппович Иваненко. Он с первого же знакомства нам понравился, иначе и быть не могло. Анатолий Филиппович, с его большим, круглым лицом, всегда улыбающийся и всегда с веселыми глазами, сразу завоевал наши симпатии. Удовлетворять просьбы нашего нового друга было непросто. Он подбирал книги по русской живописи и графике во всех их проявлениях, в том числе и по экслибрисам, а также книжные обложки, пригласительные билеты и т.п. Его всегда интересовали также книги и журналы о цирке.

Когда нам удавалось достать для Анатолия Филипповича какое-нибудь редкое иллюстрированное издание двадцатых годов, радости его не было предела, он

считал себя счастливейшим человеком, как будто в жизни ему уже ничего больше не нужно. Помню, как осчастливил я Анатолия Филипповича, когда приобрел для него долго разыскиваемую им книгу И.Павловского "Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии", изданный в 1912 году в Полтаве, на родине Иваненко. А как он брал книгу в руки, как ласково с ней обращался, как любовно листал страницы! Это незабываемо!

Наши коллеги в других букинистических магазинах также были им очарованы и радовались общению с ним.

Этот удивительный человек — полковник авиации. А все свободное от работы время отдавал любимому делу – книгам. Это увлечение привело его в клуб любителей книги при Центральном Доме работников искусств. Руководителем этого клуба он и стал в 1970 году. Организаторский талант и неуемная энергия, а также личное обаяние Анатолия Филипповича привлекли в клуб многих известных творческих деятелей столицы. Память об интересных встречах хранят отпечатанные пригласительные билеты, любовно оформленные, часто с оригинальными гравюрами современных художников.

На встречах в клубе выступал с докладами и сам Анатолий Филиппович. Его выступления о творчестве художников Билибина, Митрохина, Нарбута, Добужинского, а также о писателях и издателях всегда были интересны и содержательны. Меня он тоже привлек к активному участию в деятельности клуба.

В 1975 году неожиданно и преждевременно Анатолий Филиппович ушел из жизни. 4 апреля 1976 года в ЦДРИ состоялся вечер памяти Анатолия Филипповича и была организована выставка книг и гравюр из коллекции покойного.

Дружескими отношениями с Василием Ивановичем Ардаматским я особенно гордился. Многие годы он посещал нашу "Пушкинскую лавку" в поисках материалов для своих будущих произведений. Василий Ивано-

...С КНИГАМИ И КНИЖНИКАМИ...

[illegible]

Л. А. ГЛЕЗЕР

У РАЗВАЛОВ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ
НА СТАРОМ АРБАТЕ
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ КНИГ
КНИГИ-МАЛЮТКИ
КНИГИ-ЗАГАДКИ

ДЕМОНСТРАЦИЯ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

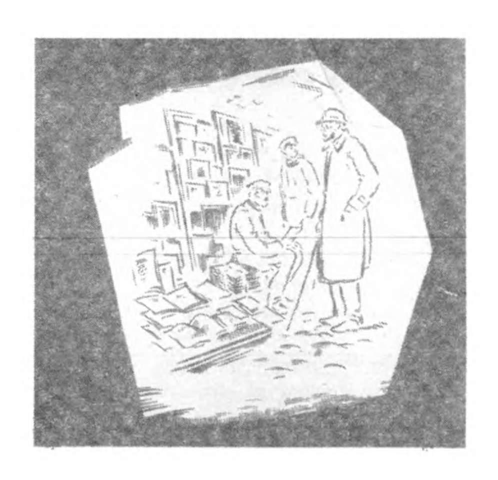
Пригласительный билет на вечер любителей книги в ЦДРИ

вич Ардаматский – один из самых популярных и читаемых писателей нашего времени. Его романы и повести написаны с большим мастерством, они занимательны, и, начав их читать, оторваться уже трудно. В основе некоторых его произведений документальные свидетельства, сохранившиеся в государственных архивах. Это "Возмездие" – о знаменитом террористе Савинкове, "Последний год" – о конце монархического правления в России, "Две дороги" – о белоэмигранте Дружиловском, создателе антисоветских фальшивок, и легендарном болгарском генерале Заимове.

В моей библиотеке хранятся многие книги, подаренные автором, причем с дарственными надписями.

Василия Ивановича всегда интересовали старые газеты, журналы и книги предреволюционного периода и первых годов после революции. Он знал ценность этих изданий. Мне не раз удавалось находить что-то интересное для Василия Ивановича, и хочется надеяться, что эти издания хоть в малой степени помогли ему в работе над тем или иным произведением.

Часто встречаясь в помещении магазина, мы подолгу беседовали, и я многое почерпнул для себя полезного. Дело в том, что Василий Иванович – человек огромной эрудиции и блестящей памяти. А его знания в области новейшей истории чрезвычайно обширны. Если еще до-

бавить, что он обладал талантом рассказчика, то будет понятно, почему я всегда с нетерпением ждал появления его в магазине. Нельзя не сказать, что Василий Иванович — книжник до мозга костей, и неудивительно, что он являлся заместителем председателя Всесоюзного добровольного общества любителей книги.

Однажды мне посчастливилось отдыхать в Ялте и жить в одной гостинице с Василием Ивановичем и его супругой Ираидой Васильевной, а главное — каждодневно общаться с ними. И я бережно храню память об этих днях нашего совместного отдыха.

Народный артист СССР Борис Михайлович Тенин давно стал другом букинистов. Частые посещения магазинов и активный розыск интересующих его книг дали ему возможность собрать замечательную библиотеку.

Добрый и общительный, он сумел установить хорошие отношения с работниками букинистических магазинов. И потому ему всегда откладывали книги той тематики, которая его интересовала. Мне не довелось видеть библиотеки Бориса Михайловича, но я знаю, что доми-

нируют в ней книги о театре. Особый интерес у него всегда вызывал раздел сатиры и юмора. Кроме книг о театре, на полках стоят собрания сочинений русских и иностранных классиков, энциклопедии и словари, комплекты журналов и еще многие другие издания. Но самое большое увлечение Бориса Михайловича – это графика, в частности экслибрисы и литература о них. Зная прекрасно эту область графического искусства, Борис Михайлович написал книгу об экслибрисах актеров и театральных деятелей. Книга вышла в 1985 году.

Должен сказать, что и я по возможности содействовал пополнению библиотеки Б.Тенина. Запомнилась продажа ему очень редкого издания – сочинения Галле "Открытыя тайны древних магиков и чародеев, или Волшебныя силы натуры, в пользу и увеселение употребленныя" в 9-ти томах (М., 1798–1804).

Передо мной – книга, пролежавшая у меня двадцать лет, и только сейчас я понял, что имел к ней прямое отношение. Это книга на немецком языке "150 лет русской графики", выпущенная в 1964 году кабинетом гравюр Дрезденской картинной галереи. Период 1813–1963 годов. Подзаголовок: Каталог одной берлинской частной коллекции. В книге 330 страниц. Очень много иллюстраций, заверстанных среди текста, и 97 страниц чисто иллюстрационных.

Прислал мне эту книгу из ГДР и подарил доктор Лотар Больц.

В Москве давно прошел слух, что д-р Лотар Больц – бывший заместитель Председателя Совета Министров ГДР и министр иностранных дел, почетный председатель национал-демократической партии ГДР, входящей в правительство, – передал всю свою коллекцию государству. В книге я не обнаружил указания, что это собрание принадлежало д-ру Лотару Больцу. Последний, будучи очень скромным человеком, вероятно, просил об этом не писать.

Материал расположен в порядке алфавита художников. Приведена краткая биография и перечислены работы,

имеющиеся в коллекции, указано, помещены ли иллюстрации в каком-то конкретном издании или даны на отдельных листах.

Русский текст – только фамилии, имена, отчества. Очень много работ знакомых нам художников-графиков. Здесь Н.И.Калита, И.Н.Павлов, П.Я.Павлинов, Е.Е.Лансере, Г.С. и О.Г.Верейские, Н.А.Тырса, П.Н.Староносов, П.А.Шиллинговский, К.И.Рудаков, А.П.Остроумова-Лебедева и много других не менее известных графиков. Наиболее полно представлены работы Владимира Андреевича Фаворского. Всего 406 единиц. У д-ра Лотара Больца, как мне известно, с Фаворским были дружеские отношения. Мне кажется, что некоторые репродукции Фаворского в этой книге напечатаны с досок.

Многие издания, приведенные в каталоге, приобретены в "Пушкинской лавке" и в магазине № 45 "Антиквар", которые неизменно посещал во время своих наездов в Москву д-р Лотар Больц. Наши два магазина активно подбирали иллюстрированные издания по заранее составленному списку.

Любовь к гравюре д-р Лотар Больц сохранил на всю жизнь. Последнее время он был на пенсии. Постоянно присылал новогодние поздравления. Вероятно, не я один получал эти большие конверты, в которые вложен лист плотной бумаги размером примерно 21x30 см с гравюрой и текстом: "Сердечное поздравление к Новому году. Тамара и Лотар Больцы". Каждый год сюжет гравюры был другой, но обязательно занимательный, веселый – это смеющиеся девушки, дети, птички и т.д. Гравюры резал выдающийся художник-график ГДР Вернер Клемке. Очередное поздравление я получил под Новый, 1987-й год. А через несколько дней пришла скорбная весть о кончине Лотара Больца. Об этом мне сообщила семья покойного, прислав оповещение в траурной рамке.

Лотар Больц – давний друг нашей страны, большой знаток русской и советской графики и страстный коллекционер ее.

Илья Александрович Алексеев не был букинистом, не владел личной библиотекой. Но имел к книгам самое прямое отношение. Знала его вся культурная Москва. Он был просто подсобным рабочим, большим специалистом по упаковке книг и перевозке их к месту назначения. В этом он был незаменим. Этим он занимался десятилетиями.

Сам Илюша, как все мы его любовно называли, обладал, несмотря на малый рост, большой физической силой. Однажды видели, как он в один прием нес несколько кварталов "Энциклопедический словарь" Брокгауза (86 томов в переплетах). Его силе мы все удивлялись.

Илья Александрович был убежденным толстовцем, вегетарианцем. В этом нет ничего удивительного, ведь он вырос в семье, близкой к Л.Н.Толстому. Его мать – В.И.Лукьянская была детской писательницей, имела прямое отношение к издательству "Посредник", находившемуся под попечительством Толстого.

Илья Александрович начиная с конца тридцатых годов обслуживал почти все букинистические магазины города. Он доставлял купленные книги на дом. А главное – упаковывал и привозил в магазин библиотеки, приобретенные у частных лиц. Таким образом, большинство библиотек прошло через руки Ильи Александровича. Зная его исключительную честность, многие московские книголюбы поручали ему перевозить библиотеки на новые квартиры. Эта работа и давала средства к существованию.

Вспоминается такой курьезный случай. Покупали мы большую библиотеку Осипа Максимовича Брика – друга Маяковского и соредактора по журналу "ЛЕФ". Работали мы долго. Я отбирал книги, а Илюша их упаковывал. Пришло время обеда, и Лиля Юльевна Брик пригласила нас к столу. Подали мясные котлеты. За столом было несколько человек. Как-то незаметно, покинув свое место за столом, Илюша удалился в другую комнату продолжать работу. Спохватились – Илюши нет. Тут только я вспомнил, что мясные котлеты Илюше есть

не положено. Лиля Юльевна сначала подумала, что Илюша обиделся, но, успокоившись, быстро приготовила другой обед. И недоразумение было ликвидировано.

Аналогичный же случай произошел и в подмосковном селении Удельное. Здесь мы приобрели у Анастасии Георгиевны Маленковой – директора санатория Центросоюза, матери бывшего Председателя Совета Министров СССР – огромную библиотеку. После напряженной работы мы были приглашены к столу. Илюша по запаху определил, что обед мясной, и поэтому к столу не явился. Мне пришлось объяснить Анастасии Георгиевне, что Илюша у нас убежденный вегетарианец. Срочно приготовили соответствующий обед, и с трудом найденный Илюша был накормлен.

Последние десятилетия администрация "Москниги" оформила его в штат магазина № 28, где Илья Александрович продолжал свою деятельность подсобного рабочего. Поручали ему и торговлю книгами с лотка на улице, а также за прилавком. Иногда он заменял и кассира.

На улицах Москвы можно было увидеть Илюшу со своей тележкой на колесах, нагруженной огромными пачками книг. Наша администрация часто имела из-за этого неприятности, и было из-за чего! В самом центре Москвы, по улице Горького, в потоке бесконечно снующих машин неспешно вез свою поклажу единственный "рикша" Москвы.

Любил Илья Александрович сочинять стихи. Он их создавал и приурочивал к различным юбилейным датам и праздникам. Хоть стихи его были далеки от совершенства, но зато написаны от всей души. Илюша оставался больше доволен своими стихами, чем сам юбиляр.

Недавно Илюши не стало. И букинисты Москвы, а также многие книголюбы с грустью вспоминают о нем. Очень нам его не хватает!

Я мог бы еще многое рассказать о своих друзьях – тех, кто любит и ценит книгу, для кого книга – предмет поклонения.

Проходя через букинистические магазины, книга получает второе дыхание. А интерес к старым книгам — он был и будет всегда. Ученые, писатели, художники, актеры, врачи — они не могут обходиться без книг. Потому-то и идут они в букинистические магазины, поддерживая с их работниками постоянную связь, относясь к ним с уважением и вниманием. Книга не может не сближать людей!

Встречи с редкими книгами

За многолетнюю практику работы со старой книгой через мои руки прошло много книг, судьбы которых загадочны и интересны. О некоторых таких книгах я и хотел бы рассказать.

На одном из вечеров книголюбов, где я выступал с рассказами о книгах, мне подали записку с таким вопросом: "За Вашу длительную практику покупки библиотек и отдельных книг какая из покупок оказалась самой значительной и запомнившейся?" На этот вопрос я тогда ответить не смог — очень много было удивительного и интересного в моей практике. Но прошло время, и мне вспомнилась одна необычная покупка.

Это было в 1951 году. Я работал тогда в букинистическом магазине № 28 (улица Горького, 3). Моим старшим коллегой и давнишним знакомым был Дмитрий Семенович Климов, букинист, который, как я уже говорил, во времена нэпа вместе с известным тогда М.И.Шишковым содержал на Моховой улице в полуподвальном помещении книжный магазин "Озарь", очень в то время популярный. В тридцатые — сороковые годы Дмитрий Семенович был старшим товароведом в одном из крупных букинистических магазинов Москвы. К тому времени, о котором я рассказываю, Д.С.Климов вышел на пенсию, и, вероятно, крайняя нужда заставила его привезти в чемоданчике более тридцати книг сочинений

А.С.Пушкина в первых и прижизненных изданиях. Причем самое удивительное, что все книги были в замечательной сохранности, большинство из них одеты в сафьяновые белые переплеты и сохранили передние и задние обложки под переплетом. Для библиофилов подобные издания – предел мечтаний.

Покупка даже одиночной книги, выпущенной при жизни Пушкина, является событием. Эта же грандиозная коллекция, а тем более в таком виде, не могла нас не потрясти. В оценке книг помогали мне Александр Иванович Фадеев, работавший в нашем магазине, опытный букинист Николай Александрович Старицын – в то время комплектатор Библиотеки имени Ленина – и сам владелец этих книг – Д.С.Климов.

Каждая книга оценивалась отдельно. А цена была от 200 до 400 руб. за экземпляр.

Вспомнив эту историю, я нашел у себя каталог № 5 "Антикварные книги", выпущенный в 1949 году "Академкнигой" Москвы и Ленинграда и посвященный 150-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Магазины "Академкниги" предлагали первые издания великого поэта в полукожаных переплетах того времени по следующим ценам:

"Стихотворения Александра Пушкина", 1826 года издания – 300 руб.

"Цыганы", 1827 – 150 руб.

"Полтава", 1829 – 250 руб.

"Борис Годунов", 1831 – 250 руб.

Сравнивая цены 1949 года с теми, которые были определены нами при оценке в 1951 году, я с удовлетворением отметил, что наши оценки были значительно выше, хотя за эти два года цены на старые книги не менялись.

Из этой коллекции Библиотека имени Ленина тут же купила три или четыре книги. Остальные книги поступили в продажу, но не простояли на полках и двух дней. Все книги приобрел один из наших постоянных покупателей, однако узнать, кто это был, мне тогда не удалось.

Только через много лет мне стало известно, что это замечательное собрание сочинений Пушкина купил министр строительства предприятий машиностроения, а впоследствии председатель Моссовета, большой любитель редких книг Н.А.Дыгай. По стечению обстоятельств часть этой коллекции в 1963 году попала на букинистическую базу, а оттуда в тот же магазин № 28.

Да, такое событие, как покупка этой уникальной коллекции книг, возможно в жизни букиниста только один раз.

Много публикаций посвящено удивительной и многострадальной книге – "Путешествию из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева (1790). Все сохранившиеся экземпляры первого издания произведения подробно описаны. Каждый из них имеет свою историю. Букинисты нескольких поколений мечтали прикоснуться к этому изданию. Но удавалось подобное лишь одиночкам.

И я, проработав много десятков лет в книжной торговле, также грезил об этой книге. И все-таки мне посчастливилось держать "Путешествие" в своих руках и даже полистать его. Это случилось во время одного из посещений Государственной исторической библиотеки.

В пятидесятых годах по Москве прошел слух, что Николай Павлович Смирнов-Сокольский разыскал для своей библиотеки этот сверхуникум. Спустя какое-то время мой старый друг и коллега, много лет проработавший в магазине АН СССР, Э.Ф.Ципельзон-Россиенов похвалился мне, что экземпляр "Путешествия" куплен Смирновым-Сокольским с его помощью. Ну что ж, этим можно и гордиться!

Сам Смирнов-Сокольский в "Рассказах о книгах" четко не говорит, с чьей помощью произведена эта удивительная покупка. Он пишет: "Последний владелец хорошо знал ценность книги Радищева, но, на мое счастье, сам оказался неуемным любителем приключенческой литературы. Сохранившиеся у меня от юношеских ув-

лечений всякого рода Луи Буссенар, Хаггард, а главное, пресловутый „Рокамболь" Понсона дю Террайля — решили дело, и мы расстались с любителем этой литературы, весьма довольные друг другом".

Но вот в "Альманахе библиофила" за 1981 год (выпуск 10) в воспоминаниях В.Н.Алексеева читаем: «В свое время мне довелось помочь Н.П.Смирнову-Сокольскому приобрести редчайший экземпляр первого, почти полностью уничтоженного издания "Путешествия из Петербурга в Москву"».

В этом же выпуске "Альманаха библиофила" на странице 197 неожиданно читаем в воспоминаниях букиниста Ник.Старицына: "И вот как-то букинист А.Д.Тарадин, зная меня как заядлого собирателя, предложил купить „Путешествие..." Но цена книги показалась мне слишком „крутой". Я попросил время, чтобы обдумать предложение. Не спал ночь, размышляя, где взять значительную сумму денег. Как у всех настоящих собирателей, у меня никогда не залеживалась лишняя копейка, все шло на приобретение книг. Оставалось только продать значительную часть библиотеки, чтобы купить единственную книгу. Но расставаться с изданиями, которые за долгие годы к сердцу прикипели, на которых изучил каждое пятнышко!

Так и не придя к окончательному решению, я утром позвонил Николаю Павловичу.

— Так уступите ее мне! — страстно заговорил Смирнов-Сокольский. — Осчастливьте!

Я не мог устоять. В тот же день Тарадин повез книгу на Бронную, к Сокольскому. Тот дал за нее целую библиотеку приключенческой литературы (владелец "Путешествия..." сам был собирателем) и стал обладателем радищевского сокровища. Ликованию легендарного библиофила не было конца!"

Загадка разрешилась. Стало ясно, что экземпляр книги Радищева попал в библиотеку Н.П.Смирнова-Сокольского с помощью Н.А.Старицына.

Среди легендарных книг смело можно назвать "Стихотворения, не изданные в России" А.С.Пушкина. Без указания года выпуска, она напечатана в Москве в типографии А.Поплавского в 1908 году. Как известно, многие произведения великого поэта десятилетиями или не печатались в России, или выходили в недоступных для народа изданиях. В эту книгу вошли сказка "Царь Никита", отрывки из "Гавриилиады", "Андре Шенье", некоторые стихотворения и эпиграммы, действительно не выходившие в России прежде.

Но тираж дальше типографии не пошел. По утверждению Н.П.Смирнова-Сокольского, "весь тираж до последнего экземпляра попал под нож резальной машины", был уничтожен. Как пишет Николай Павлович в "Рассказах о книгах", лишь ему удалось добыть один экземпляр "тягостного вида" – разрезанный на три части, которые едва-едва скреплены между собой полосками клейкой бумаги. Экземпляр принадлежал самому владельцу типографии А.Поплавскому.

В принципе Н.П.Смирнов-Сокольский прав – издание это редчайшее. Но сохранилось не менее пяти экземпляров. Правда, целые. Не "порубанные". И вот доказательства этого.

Можете представить мое приятное удивление, когда после выхода "Рассказов о книгах" в 1959 году через некоторое время некая гражданка положила на мой прилавок именно это издание А.С.Пушкина, в литографированной красочной обложке. Причем экземпляр целенький. Не "порубанный".

Продавать она не пожелала. Но просила оценить. Я выполнил ее просьбу, хотя не мог скрыть досады: экземпляр, о котором мечтают библиотеки и музеи, вновь уходил в неизвестность.

Бежало время. Уже в 1970 году мне удалось найти еще экземпляр этой уникальной книги. Снова целой, не "порубанной". Об этой находке напечатано в "Книжном обозрении" 1 января 1971 года с воспроизведением обложки.

Не помню, как был оценен наш экземпляр, но знаю, что мы его продали в хорошие руки – нашему другу-библиофилу, известному в Москве врачу-гомеопату.

Но это не все. Через пару лет мой друг и коллега из магазина № 32 "Книжная находка" порадовал меня сообщением о покупке этой уникальной книги.

Однажды в "Пушкинскую лавку" зашел известный литературовед Дмитрий Дмитриевич Благой. С торжественным видом извлек из портфеля детище типографии Поплавского. Я узнал экземпляр. Он оказался именно тем, который приносила мне женщина для оценки. Она уступила его Благому. Я вздохнул с облегчением: хорошая книга попала в хорошие руки.

Еще один экземпляр "порубанной" книги "выплыл" в Ленинграде. Ленинградский библиофил М.С.Лесман выступал в Московском клубе любителей книги при ЦДРИ. Его рассказы о книгах, автографах я слушал с большим удовольствием.

Привез он с собой действительно редкие, антикварные книги, в том числе и "порубанную" книгу Пушкина. Рассказал о ней мастерски и охарактеризовал ее как единственный сохранившийся целым экземпляр. Наверное, я его огорчил своей репликой с места, сказав, что это уже пятый экземпляр! Конечно, каждый библиофил тешит себя мыслью, что он единственный владелец раритета. Но в мире книг всякое случается!

В 1913–1914 годах в книгоиздательстве "Огни" вышли письма В.Г.Белинского в трех томах. Редактор и автор примечаний – Е.А.Ляцкий, историк русской литературы, этнограф, автор многих исследований и трудов. После Октябрьской революции оказался в эмиграции.

Во вступлении к собранию писем Ляцкий отмечает, что редактор счел необходимым исключить некоторые письма, касающиеся интимных сторон жизни Белинского, а также строки и отдельные слова, содержащие слишком резкие выражения, в печати не воспроизводимые, и замененные в тексте точками.

Однако немногие знают, что кроме основного тиража напечатано было несколько экземпляров писем без купюр, без точек (среди старых московских букинистов бытовало мнение, что бесцензурное издание писем Белинского напечатано в 20 экземплярах). Понятно, что эти экземпляры представляют огромную библиографическую редкость.

И вот в 1971 году мой друг, известный в Москве библиофил А.Л.Ф., большой знаток русской старой книги, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях нашего дела, приобрел это уникальное издание при неожиданных обстоятельствах.

Перед тем как покинуть Ленинград, где он находился в кратковременной командировке, он, направляясь на такси в аэропорт и имея некоторый запас времени, решил по пути заглянуть в букинистический магазин на Невском проспекте. На самой верхней полке разглядел три тома этих писем в переплетах нашего времени, с золотым тиснением на корешках. Продавец с неохотой достал один из томиков. В то время стоимость по каталогу-ценнику этих томов значилась в 4 руб. А с учетом переплета комплект был оценен в 6 руб.

Отказавшись от покупки, мой друг сел в такси и поехал дальше. Но что-то "осенило" его, и, отъехав на значительное расстояние, он вернулся в магазин и купил эти тома. Продавец был очень рад, избавившись от залежалого товара.

Мой друг, конечно, слышал о существовании бесцензурного издания, и, только устроившись в самолете и рассмотрев внимательно покупку, он установил, что стал счастливым обладателем этого редкого издания.

Выступая в феврале 1969 года в клубе книголюбов при ЦДРИ с рассказами о книгах, среди прочего я упомянул о знаменитой библиотеке С.П.Дягилева и уникальной книге, находившейся в его библиотеке. Я имел в виду "Букварь" Ивана Федорова, напечатанный во Львове в 1574 году. Появление этой книги стало настоящей сенсацией. Дело в том, что о "Букваре" впервые упоминает-

ся в книге на русском языке С.Лифаря "Дягилев и с Дягилевым" (Париж, 1939, тираж 615 экз.). Владелец книготорговой фирмы "Дом книги" Михаил Семенович Каплан, издавший ее, был моим другом. Он и поведал мне маленькую часть биографии этой замечательной книги.

В 1953 или 1954 году к нему обратился некий Борис Кохно с просьбой найти покупателя на вышеупомянутый "Букварь". Движимый чувством справедливости, Михаил Семенович тут же связался с советским полпредством в Париже. Переговоры повел атташе по культурным вопросам. Работники полпредства, вероятно, не знали всей ценности этой редкости, ее значения для нашей культуры, поэтому переговоры о приобретении очень затянулись. А в это время представитель США прибыл специально для покупки "Букваря" и купил у беспринципного Кохно "Букварь" всего за 2000 долларов. Таким образом, к нашему огорчению, книга оказалась в библиотеке Гарвардского университета. На мой вопрос, почему же сам Каплан не купил "Букварь" у Кохно, Михаил Семенович сослался на какие-то этические соображения, но был очень расстроен и сказал, что не простит себе этой ошибки никогда.

Интересно описывает С.Лифарь в указанной выше книге покупку Дягилевым этого уникума. Дягилев «...писал мне: „В Риме все было удачно... нашел чудную, *потрясающую* русскую книгу и кое-что еще". Книга действительно оказалась „потрясающей", и тот, кто продал ее, не знал, что она представляет собою („славянская книга", т.е. такая же непонятная, как китайская), и мог только предполагать, что она ценная, так как она находилась в богатейшем собрании из... 30 редчайших изданий на разных языках». Это было в сентябре 1927 года.

Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – один из создателей "Мира искусства" и организатор гастролей русского балета за границей – действительно собрал за сравнительно короткий срок (1926–1929) удивительную библиотеку редких русских книг и автографов.

После его смерти бóльшая часть библиотеки оказалась у артиста балета Сергея Лифаря и какая-то часть у Бориса Кохно – деятеля балета и сценариста многих балетных постановок. С.Лифарь продолжал пополнять библиотеку. Впоследствии он стал автором ряда книг о балете и Пушкине.

В 1975 году библиотека Дягилева – Лифаря продавалась на аукционе в Монте-Карло. Просматривая роскошно изданный каталог книг и автографов, представленный фирмой "Сотби", убеждаешься, что все издания собирались с большим вкусом и знанием. Но бросается в глаза отсутствие в каталоге некоторых особо значимых раритетов, бывших в библиотеке у Дягилева. Я имею в виду знаменитый "Часовник" Ивана Федорова, напечатанный в Москве в 1565 году, а также первое издание книги А.Н.Радищева "Путешествие" 1790 года, которое было у Дягилева в двух экземплярах. О том, что эти издания были в библиотеке Дягилева, известно из книги С.Лифаря "Дягилев и с Дягилевым". В 1968 году С.Лифарь лично мне подтвердил, что библиотека действительно располагала этими изданиями.

В отличие от Сергея Лифаря Борис Кохно в книгах был полнейшим дилетантом. Причем именно у него оказались знаменитый "Букварь" и, возможно, книга Радищева и "Часовник". Дело в том, что Б.Кохно в то время был личным секретарем у Дягилева, имел доверенность на ведение дел со всеми вытекающими отсюда правами. Можно предположить, что после смерти Дягилева он воспользовался суматохой и взял наиболее ценные вещи. Б.Кохно прежде всего думал о денежной стоимости вещи и меньше всего интересовался культурной ценностью сокровищ, попавших в его руки. Истинной ценности их он, конечно, не знал.

Таким образом, судьба двух замечательных книг – "Путешествия" и "Часовника" – для нас остается загадкой.

Сергей Лифарь в своей книге "Моя зарубежная Пушкиниана" (Париж, 1966) свидетельствует: «...квартира Дягилева в Париже, снятая им в 1929 году незадолго до

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

въ исходѣ XII столѣтія

съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.

МОСКВА

Въ Сенатской Типографіи,

1800.

Слово о полку Игореве. Титульный лист первого издания

смерти, была опечатана. Борису Кохно, однако, удалось „спасти" для себя из этой квартиры кой-какие ценные экземпляры. Удалось ему также получить кое-что из сейфа...» Кстати, в этой же книге Лифарь упоминает, что Дягилевым был куплен полный и в прекрасной сохранности "Часослов" русского первопечатника Ивана Федорова. Им были также куплены "Апостол", два экземпляра сожженного при Екатерине II издания книги А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" и др. Ну, конечно, С.Лифарь здесь допустил описку. Иван Федоров издал не "Часослов", а "Часовник", и именно он указывается в других местах и в других источниках (единственный сохранившийся у нас экземпляр этой книги с большими дефектами, без первых страниц, хранится в качестве книжного уникума в Ленинградской государственной публичной библиотеке).

Символы и Емблемата. Гравированный титульный лист

Большой редкостью является первое издание "Слова о полку Игореве". Оно было куплено нашим магазином в 1958 году. Название этой книги – "Ироическая песнь о походе на половцов удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие" (М.: В Сенатской тип., 1800).

Этот величайший памятник русской культуры издан с рукописи XVI века А.Мусиным-Пушкиным. В 1812 году во время пожара Москвы рукопись "Слова о полку Игореве" сгорела. Таким образом, первое печатное издание – 1800 года – приобрело значение рукописи (первоисточника).

Об этом сочинении написано много исследований,

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА,

Литературная газета, издаваемая А.Дельвигом. Титульный лист

и не одно поколение поэтов делало попытку перевода "Слова" на современный литературный язык. По сведениям специалистов, в государственных и частных собраниях хранится 50 – 60 экземпляров "Слова".

Книги, изданные во времена царствования Петра Великого, особо почитаемы собирателями-книголюбами. В букинистических магазинах они нечастые гости. Однако в нашей "Пушкинской лавке" этих книг прошло немало.

Наиболее значительной по своей редкости можно считать книгу "Символы и Емблемата". Напечатана в Амстердаме в 1705 году. На одном из двух заглавных листов гравированное название на русском языке и портрет Петра в обрамлении восьми гравюр, на другом – текст на латыни. В книге 241 страница, на которых напечатано 840 гравюр на меди с подписями на русском и на семи других языках. Было два переиздания этой книги: второе издание – в 1788 году, третье – в 1811-м. В послед-

нем издании составитель Нестор Максимович Амбодик пишет: "Сия книга сделалась ныне столь редкою, что не токмо в России, но и в самой Голландии в немногих книгохранилищах обретается". Действительно, во всех старых библиографических изданиях описание книги сопровождается эпитетами "редкая", "очень редкая". В государственном посольском приказе сказано, что всего напечатано "Емблемат" 755, из них 166 экземпляров погибли от сырости. Только в 1718 году по указу Петра сохранившиеся экземпляры поступили в продажу.

Приобретение полного комплекта "Литературной газеты", издававшейся в 1830–1831 годах под редакцией А.Дельвига и О.Сомова, вызвало заметное оживление среди библиофилов.

Периодические издания, в частности газеты, редко сохраняются. Как правило, после прочтения их выбрасывают. Но купленный комплект оказался в хорошем состоянии – в наличии были все номера под одним переплетом (в 1830 году вышло 72 номера, в 1831-м –37). Такая подборка – большая редкость. В этих номерах "Литературной газеты" печатались Н.Языков, П.Катенин, Е.Баратынский, И.Козлов, И.Крылов, А.Бестужев, А.Одоевский и многие другие литераторы пушкинской поры.

Книга аббата де Мабли "Размышления о греческой истории, или О причинах благоденствия и несчастия греков" является большой редкостью. Изданная в 1773 году императорской Академией наук (Спб.), она интересна прежде всего тем, что явилась первым печатным трудом А.Н.Радищева, который выступает здесь в качестве переводчика. Перевод с французского сочинения историка и мыслителя де Мабли был выбран не случайно. Судьба греческого народа, находившегося под турецким владычеством, волновала переводчика. Снабдив перевод свои-

---

Аббат де Мабли. Размышления о греческой истории... Перевод с французского А.Н.Радищева. Титульный лист

РАЗМЫШЛЕНІЯ

О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРІИ,

ИЛИ

О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ И НЕСЧАСТІЯ

ГРЕКОВЪ;

СОЧИНЕНІЕ Г. АББАТА ДЕ МАБЛИ.

Переведено съ Французскаго.

Иждивенїемъ Общества старающагося о напечатанїи книгъ. Продается въ луговой Милїонной улицѣ, у книгопродавца К. В. Миллера.

Цѣна 60 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ.
1773 года.

ми примечаниями, для того времени более чем смелыми, он писал: "Самодержавство — есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние". Следует отметить, что это написано за 17 лет до выхода его знаменитого "Путешествия".

"Записка путешествия генерала-фельдмаршала российских войск, тайного советника и кавалера... графа Бориса Петровича Шереметева..." напечатана при императорском университете в 1773 году в Москве, форматом в лист, с пятью гравюрами и портретом графа Шереметева. В том же переплете письма Петра Великого, писанные графу Борису Шереметеву, напечатанные там же в 1774 году. На каждой странице гравированный бордюр и графский герб Шереметева. В библиографических описаниях указано, что обе книги обычно находятся в одном переплете. Это большая редкость.

"Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года Ледянаго дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов с приложенными при том гридорованными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Эвропе жестокой стуже, сочиненное для охотников до натуральной науки чрез Георга Вольфганга Крафта Санктпетербургския Императорския Академии Наук члена и Физики Профессора. Печатано при Императорской Академии Наук. 1741".

Книга объемом в 36 страниц, с гравюрами на 4 листах, в переплете того времени, с кожаным корешком была в идеальной сохранности. Это также большая редкость.

"Уединенный пошехонец". Ежемесячное сочинение на 1786 год (Ярославль). Вышло 2 части, 12 номеров. Это первый русский провинциальный журнал. Выходил только один год. Наличие всех 12 номеров является большой редкостью. Экземпляр в хорошей сохранности и приобретен музеем.

185

УЕДИНЕННЫЙ ПОШЕХОНЕЦЪ

Ежемѣсячное сочиненіе

на 1786. годъ.

Содержащее въ себѣ разные извѣстія о достопамятныхъ произшествіяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревле и нынѣ; благотворительные и человѣколюбивые дѣянія, оказанные частными людьми къ общественной пользѣ; ...ые духовные, Философическіе, Нравоучительные, Историческіе, до нашего Отечества и до иныхъ государствъ относящіеся, такъ же до естественной Исторіи, домоводства и до наукъ принадлежащіе сочиненія.

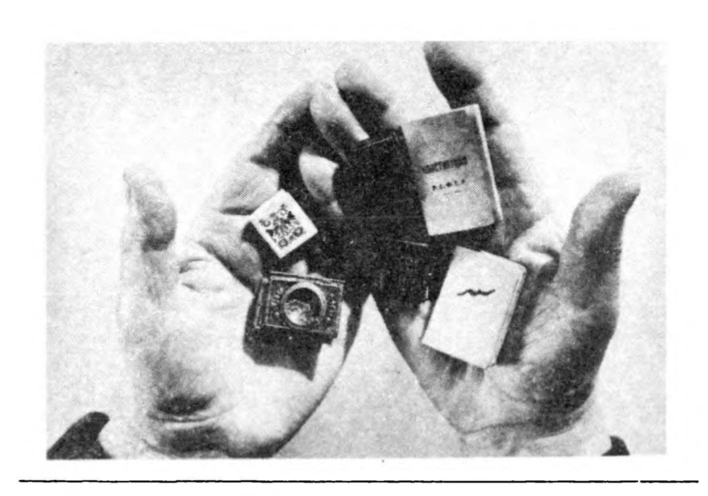
ЧАСТЬ I.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ
Печатано съ указнаго дозволенія
1786. года.

Уединенный пошехонец. Первый русский провинциальный журнал. Титульный лист

В моей библиотеке, которую я создавал в течение десятков лет, есть ряд редких книг, к которым я отношусь с особой любовью и стараюсь рассказывать о них и показывать их во время выступлений на собраниях книголюбов. Назову некоторые из них.

"Басни И.А.Крылова" (Спб.: тип. Экспедиции загот. бумаг, 1855), 86 страниц, с гравированным изображением И.А.Крылова. Размер книги 22x28 мм. В этом миниатюрном издании 25 басен. На Парижской выставке типо-

Редкие миниатюрные издания

графского искусства, где была показана также мини-книга "Божественная комедия" Данте, изданная в Милане, "Басни" по формату оказались меньше книги Данте. На каждой странице "Басен" помещено 20 строк, тогда как у Данте – 17, причем имея хорошее зрение, можно читать без увеличительного стекла.

В свое время Я.Я.Рейхель, директор Экспедиции заготовления государственных бумаг, чтобы доказать совершенство книгопечатного искусства, решил отпечатать для любителей библиофильских редкостей небольшое количество экземпляров "Басен" Крылова. Для этого специально был отлит микроскопический, очень четкий шрифт, названный диамантом.

В старых библиографических описаниях этот сборник басен И.А.Крылова отмечен как большая редкость.

Принадлежащий мне экземпляр в превосходной сохранности, в кожаном переплете с золотым тиснением, с золотым обрезом.

Песни красных кавалеристов. Сборник стихотворений бойцов 1-ой Конной Красной Армии. Обложка

Человеку, подарившему мне эту неказистую с виду книжицу, я очень благодарен. В день моего рождения (не помню, в каком году) мой друг, вручив мне книгу, сказал, что о ней нужно написать, она того стоит. Книга внешне действительно невзрачна. Небольшая по формату (она укладывается в обычный почтовый конверт), напечатана на плохой бумаге, цвет серо-голубой, 55 страниц.

Привожу содержание обложки:

"Р.С.Ф.С.Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Песни красных кавалеристов.

Сборник стихотворений бойцов 1-ой Конной Красной Армии.

5 Зак. 1586

С предисловием Ил.Вардина. Издание Политического Управления 1-й Конной Армии. 1921 год".
На обороте заглавного листа напечатано:
"Поезд-типография лит-издата
Политуправления 1-ой Конной Красной Армии".

На первой странице, посредине:
"В праздник годовщины 1-й Конной Красной Армии честному Воину, Красному кавалеристу этой армии от Политического отдела.

1919 – 17/XI-1920 г."

В книжке напечатаны стихотворения, с профессиональной точки зрения, возможно, и невысокого качества, но написанные искренне. И подписи: «Кр-ец 21 кав-полка Козьма Жидко, кр-ец *** полка 1 эск. Н.Подколзин, сотр. столовой Упр. связи М.Смирнов, пулеметчик бронепоезда № 7 П.Леготин, кр-ец бронепоезда „Гибель контрреволюции"» и др. Любопытны заголовки стихотворений: "Над могилой красного героя", "Вперед к победе", "Крепче боритесь", "Конница лихая", "Под лязг шашек", "В бой", "Смерть барону", "Над могилой товарища", "Красному Дундичу" и т.д.

Автор предисловия пишет: "Вы хотите знать, что такое Первая Конная Красная Армия? Вот в этих песнях вся она. Ее душа, ее мощь, ее доблесть и отвага – все могущество Конной армии отражается в этих простых песнях, сложенных на полях битвы..."

И дальше: "Вот, например, совсем еще недавно донской казак, военный комиссар Бахтуров, пел:

Из лесов, из-за суровых темных гор
Наша конница несется на простор,
На просторе хочет силушку собрать,
Чтоб последнюю буржуям битву дать.

Эти стихи были написаны перед выступлением Конной армии на врангелевский фронт. В боях против белого барона тов. Бахтуров погиб..."

Таким образом, внешне незаметная, забытая всеми

книжка оказалась памятником революции и гражданской войны.

Автор предисловия и составитель этой книги — Ил.Вардин. Вардин — псевдоним старого большевика — И.В.Мгеладзе. Родился он в 1890 году. С 1906 года член партии. Журналист. Во времена сталинских беззаконий был репрессирован, впоследствии реабилитирован.

Эти четыре брошюры занимают особое место в моей библиотеке. Можно сказать, что они в свое время были как бы бомбами замедленного действия. Они внесли свою лепту в революционное движение. Издавались эти маленькие, тоненькие книжечки в Женеве в 1870—1875 годах кружком "чайковцев" в подпольной типографии и нелегально доставлялись в Россию. Естественно, авторы этих книг не указаны. Написаны они для народа простым, доступным языком, но служили и прокламациями для революционеров-пропагандистов, ходивших в народ.

Эта нелегальная литература призывала народ к восстанию против существующего строя и доказывала, что все люди должны быть равны. Чтобы обеспечить доставку книг в Россию, они были законспирированы.

Вот одна из книг: "За богом молитва, а за царем служба не пропадает. Рассказ отставного солдата. Издание третье. Москва. Гаврилова Мяс. ч. З.К.д. гр. Толстого. 1873", на обороте титульного листа: "Дозволено цензурою. Москва, 29 мая 1873 г." На задней обложке: "Цена 2 коп."

Автор этой книжки, в которой 24 страницы, не установлен. Эпиграфом служат слова: "И сырые дрова загораются". А в конце: "Встаньте же, детушки, за свое правое дело и других поднимайте!"

Другая книга называется: "Счастливая встреча, или Любовь к Родине" ("Издание третье. Москва. Типография Спиридонова. — Кузнецкая улица № 115. 1875 г."). На обороте титульного листа: "Дозволено цензурою. Москва, 29 мая 1875 г."

Как удалось установить, автор этой книги — Л.А.Ти-

ХРАБРЫЙ

ВОИНЪ

Сочиненіе Ф***

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

графія Харламова.—Базарная Улица №10

1875

СКАЗКА

о

КОПѢЙКѢ

Сочиненіе Ѳ***

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Сафронова.—Б. Подъяческая №55

1870

Брошюры, изданные в Женеве и нелегально привезенные в Россию

хомиров (1852–1923) – известный публицист, народоволец, впоследствии приверженец монархизма.

Книга выходила в свет несколько раз. Первое издание имело название ”Сказка о четырех братьях’. Братья ходят по русской земле, ”...будят везде мужиков-крестьян, их зовут они на кровавый пир... И когда просветят они всех крестьян, загудит, зашумит Русь-матушка, словно море синее закольшется, и потопит волнами могучими она всех своих лютых недругов”.

И еще одна книга – ”Храбрый воин. Сочинение Ф***. Издание третье, Москва, типография Харламова. – Базарная улица № 10, 1875 г.” Также ”Дозволено цензурою. Москва. 29 мая 1875 г.” Цена 2 коп. 14 страниц. Автор ее – Л.Э.Шишко (1852–1910) – революционный народник, публицист.

ЗА БОГОМЪ МОЛИТВА,

а

ЗА ЦАРЕМЪ СЛУЖБА

НЕПРОПАДАЕТЪ

РАЗСКАЗЪ ОТСТАВНОГО СОЛДАТА

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

Гаврилова Мяс. ч. 3 К. д. гр. Толстого.

1878

Сказка о четырехъ братьяхъ

СЧАСТЛИВАЯ

ВСТРѢЧА

или

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

Типографія Свиридова.—Кузнецкая улица № 115

1875

Начинается эта брошюра словами: ”Чтой-то, братцы, как тяжко живется нашему брату на русской земле!”

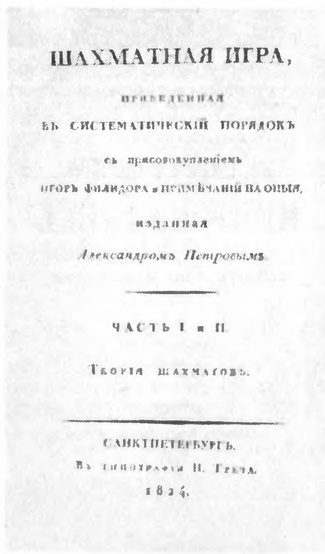
”Сказка о копейке. Сочинение Ф***. Издание второе. С.-Петербург. В типографии Сафронова. – П.Подьяческая № 55. 1870”. На обороте титульного листа: ”Дозволено цензурою. С.-Петербург, 6 мая 1870 г.” 64 страницы.

Автор этой книжицы: С.М.Степняк-Кравчинский (1851–1895) – известный русский писатель, публицист, народник. Текст брошюры неоднократно воспроизводился в разных сборниках произведений писателя.

Эти книжки и им подобные по понятным причинам стали редкими и совсем не встречаются не только в продаже, но и в фундаментальных библиотеках. Они заслуженно могут считаться памятниками революционного движения в России.

Еще одна миниатюрная книжечка. На этот раз наша, советская. Речь идет о первой миниатюрной книге, выпущенной молодым советским государством. Увидела

ШАХМАТНАЯ ИГРА,

приведенная

въ систематическій порядокъ

съ присовокупленіемъ

игоръ Филидора и примѣчаній на оныя,

изданная

Александромъ Петровымъ.

ЧАСТЬ I и II.

Теорія шахматовъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1824.

А.Петров. Шахматная игра, приведенная в систематический порядок. Фронтиспис и титульный лист

она свет в Кинешме в 1921 году. Это "Конституция РСФСР", напечатанная в количестве 1000 экземпляров на оберточной бумаге и переплетенная в серый картон. В ней 111 страниц. Размер 35х50 мм.

Н.Смирнов-Сокольский справедливо отметил, что дорогие издания сохраняются намного лучше дешевых, выпущенных для народа. История с "Конституцией" наглядно демонстрирует эту мысль. Он была полностью "зачитана". Ныне известно несколько сохранившихся экземпляров. Но почему она вышла в Кинешме и кто ее создатели – неизвестно. В 1921 году в Кинешму приезжал М.И.Калинин. Может быть, это был подарок печатников всероссийскому старосте.

Еще одна редкая книга из моей библиотеки. Это "Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные" (Спб.: В тип. Н.Греча, 1824). Издана Александром Петровым в 5 частях, 2 книгах, с портретом Филидора, гравированным на камне.

Как указывают старинные библиографические справочники, эта книга, ставшая редкостью, приобретает еще большую ценность, если в ней сохранилась XI страница, на которой описана партия под названием "Бегство Наполеона из Москвы в Париж, где белый царь делает ему мат". Обычно эту страницу вырывали. В моем экземпляре все страницы на месте. Книга в переплете того времени. Недавно книга факсимильно переиздана, но это не снижает ее ценности как одной из первых шахматных книг в России.

"Кто виноват?" Роман в двух частях Искандера (Спб.: В тип. Э.Праца, 1847. 222 с.). Это очень редкое, первое издание произведения Герцена. Роман вначале печатался в журнале "Современник" за 1847 год и в этом же году вышел отдельным изданием как приложение, о чем сказано на задней сторонке обложки книги.

Экземпляр, имеющийся у меня, необрезанный, с большими полями, с обеими печатными обложками зеленого цвета, в очень красивом полукожаном переплете, с такими же углами.

Лубочные издания для народа всегда вызывали к себе большой интерес, тем более сказки, басни и т.д. Как правило, зачитывались они до дыр и потому мало сохранились. Даже не во всех фундаментальных библиотеках имеется «„Суд шемякин", с изображением действующих лиц и с приобщением нравоучительных басен. Иждив.: А.Осипова. Москва, 1794 год». Из двух заглавных листов – один гравированный. На нем: «Старинная русская повесть "Суд шемякин" с баснями в лицах. Москва 794». В книге 40 страниц текста и 19 листов иллюстра-

Старинная
Руская Повѣсть
СУДЪ ШЕМЯКИНЪ
въ
Басняхъ въ Лицахъ.
МОСКВА
794.Г.

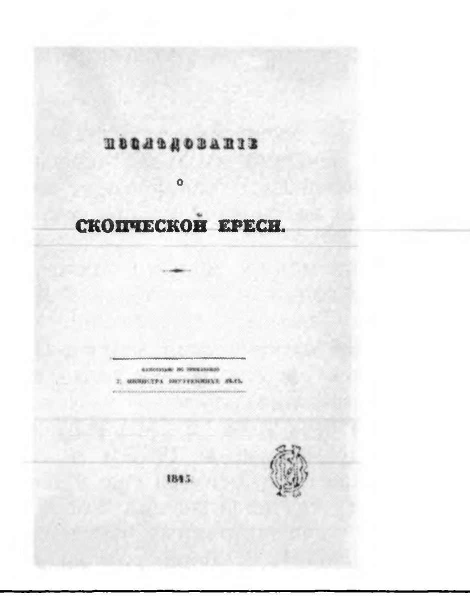
Суд шемякин. Гравированный титульный лист

ций, из них 3 вклеены. Гравировал А.Осипов, причем все гравюры раскрашены от руки.

Книга представляет большой интерес и, безусловно, очень редка.

Это же редкое издание имеет свою маленькую историю.

Покупая на дому книги для магазина, я впервые увидел ее. Продать эту книгу владелица отказалась. Но через 20 лет, вспомнив о моей заинтересованности, хозяйка книги предложила мне ее в обмен на некоторые футуристические сборники, которые также редки. Я не удержался и произвел этот обмен, пожертвовав из своей библиотеки некоторыми раритетами. Книга оказалась у меня. Это "Исследование о скопческой ереси". "Напеча-

О

СКОПЧЕСКОЙ ЕРЕСИ.

1845

Н.И.Надеждин. Исследование о скопческой ереси. Титульный лист

тана по приказанию г. министра внутренних дел" в 1845 году, по многим данным, в количестве 25 экземпляров, не для продажи. Книга предназначалась для членов комиссии, учрежденной для исследования злоупотреблений, происходивших от скопческой секты. Автор этой книги Н.И.Надеждин.

В книге 2; 384; 4; 120 страниц и 7 иллюстраций на отдельных листах, раскрашенных от руки. Экземпляр в отличной сохранности, в переплете с кожаным (зеленым) корешком, тисненным золотом. Экземпляр из библиотеки П.А.Ефремова.

И.Остроглазов в "Книжных редкостях" 1891 года отмечает, что он за свой экземпляр заплатил 100 рублей. До выхода этой книги была издана с таким же названием

книга В.Даля, о которой я уже говорил, тиражом в 20 экземпляров.

"Трутень" – еженедельное издание на 1769 год. Месяц – май. Печатано вторым тиснением в Санкт-Петербурге. Заглавный лист гравирован, с виньеткой и эпиграфом: "Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много".

В моем экземпляре вплетен также и 1770 год. В издании на 1769 год, май – декабрь, – 284 страницы, на 1770 год, январь – апрель, – 136 страниц.

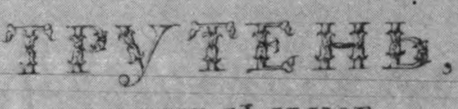
Этот первый сатирический журнал Н.И.Новикова – библиографическая редкость, описанная во всей старой библиографической литературе – у Неустроева, Геннади, Губерти, Битовта и др. В 1865 году журнал был переиздан П.А.Ефремовым, в 1902-м – А.С.Сувориным.

Данный экземпляр отличен еще и тем, что он вплетен в переплет, представляющий собой произведение искусства. Это цельнокожаный переплет темно-коричневого цвета с золотым бордюром на внутренних сторонках переплета; на передней и задней крышках -- золотое тиснение и суперэкслибрис библиотеки графа Келлера. Книга с золотым обрезом находится в специальном картонаже, с мягкой тканью внутри.

Граф М.П.Келлер владел библиотекой русских и иностранных книг. Переплеты для него изготовлялись у лучших мастеров Парижа. После революции библиотека распылилась по всей стране.

"Книга в княжеском уборе" – так озаглавлена статья в газете "Красное знамя" от 17 ноября 1972 года, органе Томского областного комитета КПСС. Автор статьи – М.Филимонов, директор научной библиотеки Томского государственного университета. Он пишет о

Трутень. Первый сатирический журнал Н.И.Новикова. Титульный лист

ТРУТЕНЬ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ

ИЗДАНІЕ.

НА

1769 ГОДЪ,

МѢСЯЦЪ МАЙ.

Опасно наставленье строго,
Гдѣ звѣрства и безумства много.
притч. А. Сумар:

Печатано вторымъ тисненіемъ
въ санктпетербургѣ.

том, как была приобретена для библиотеки в магазине "Пушкинская лавка" с моей помощью книга Н.П.Кондакова "Византийские эмали". Это уникальное издание, необычайно роскошное и изящное, находилось у одного любителя, и он подумывал о продаже. Михаил Родионович Филимонов просил: "Сделайте все возможное. Очень нужное для нас издание".

Вновь пришлось ехать к владельцу книги. С особой торжественностью он достает из богатого футляра это роскошное, большого формата издание. Удержать его можно лишь двумя руками, да и то с трудом. Честно говоря, за всю свою жизнь мне не приходилось встречать более красивой книги. И не только мне. У самых искушенных специалистов этот шедевр печатного искусства неизменно вызывает восторг. Его издатель — петербургский богач и меценат А.В.Звенигородский. Бóльшую часть своей жизни он провел за границей. Путешествуя по Европе и странам Ближнего Востока, собрал прекрасную коллекцию византийских эмалей X –XI веков.

Профессор Петербургского университета Н.П.Кондаков подготовил к печати исследование по истории византийского искусства и описание эмалей. В издании этого труда принял участие выдающийся русский критик В.В.Стасов.

Тираж книги – 200 экземпляров на русском языке и по 200 – на немецком и французском. В продажу они не поступали, а были подносными, и на каждом экземпляре кроме номера была вписана фамилия того, для кого экземпляр этот предназначался. Как сообщали газеты того времени, книга рассылалась лишь "коронованным особам, известным ученым и выдающимся книгохранилищам". Бóльшая часть тиража оказалась за рубежом.

В.В.Стасов в своей книге "История книги „Византийские эмали" А.В.Звенигородского" перечисляет всех, кому подарена книга. Это король Италии, король Румынии, султан Турецкий, король Шведский, эмир Бухарский, император Австрии, король Бельгии, королева-регентша Испании и т.д.

Мало кто знает историю издания этой великолепной книги. Изложу ее хотя бы кратко.

Мысль о создании книги пришла А.В.Звенигородскому. Дело в том, что во Франции по воле императора Наполеона III была издана книга, которая должна была прославить страну и стать шедевром типографского искусства, — это "Imitation de Jésus-Christ". Книга экспонировалась на Всемирной парижской выставке в в 1855 году.

По мысли Звенигородского, "Византийские эмали" по своей красоте и совершенству должны были затмить французское издание.

Книга действительно удивительная. Переплет из белой шагрени. На переплете — изящный венчик из эмалей ювелирной работы византийской орнаментации. Вокруг венчика — печать золотом. Лист, где напечатано посвящение, словно составлен из драгоценных камней на серебряном фоне. На обрез нанесены золотом и красками византийские узоры. Закладка из разноцветного шелка с золотыми и серебряными нитями. На закладке стих из Еврипида: "Разверни эти говорящие листы, прославляющие мудрых". Все оформительские работы выполнены чистым золотом (червонным). Шрифт подписей под 28 таблицами эмалей из собрания владельца имитирует шрифт остромирова Евангелия. Он специально был отлит для этого издания. Текст и иллюстрации отпечатаны в России, Германии, Франции. Там же изготовлены материалы для закладки, суперобложки и других художественно-оформительских элементов книги. Гравировальные работы выполнены под руководством талантливого русского гравера В.В.Матэ. Превосходная бумага изготовлена по особому заказу в Германии. Не случайно специалисты называли "Византийские эмали" "книгой в княжеском уборе".

Издание книги обошлось Звенигородскому в 120 тыс. рублей.

Однако владелец этого печатного шедевра, к которому мне пришлось поехать, решение свое переменил — он оставил "Эмали" у себя. Мои друзья из Томска, уже

считавшие дни до прибытия к ним книги из Москвы, прямо-таки пали духом.

Вновь по их настоянию обратился я с просьбой к владельцу. Переговоры затянулись почти на два года. Но усилия не были напрасными – шедевр русской полиграфии теперь в хранилище Томского университета.

Об этой книге можно говорить бесконечно. В "Альманахе библиофила" № 14 прекрасно описал "Эмали" из библиотеки В.В.Тарноградского Олег Ласунский. Но, действительно, лучше один раз увидеть и подержать в руках этот шедевр, чем десяток раз прочитать о нем.

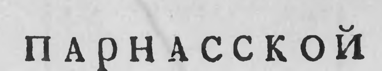
Мне повезло – с этой книгой я встретился еще дважды. Одна из встреч оказалась самой приятной: книга попала в мою библиотеку. Но об этом позже.

Однажды, покупая для нашего магазина книги на дому, я обнаружил среди разрозненных журналов и книг по искусству завернутые в одеяло уже знакомые мне "Византийские эмали". Попросил посмотреть. Все в порядке – сохранность хорошая. В наличии парчовое супер-одеяло, прошитая золотом закладка. Купил все, что мне предложили, кроме "Эмалей". Молодая женщина – владелица книг – рассказала небольшую часть биографии этой книги. Отец много лет собирал книги и создал интересную библиотеку по искусству. Жили они на верхнем этаже известного москвичам углового дома – угол Мерзляковского переулка и улицы Воровского.

В начале войны район чаще других подвергался бомбежке. И вот одна зажигательная бомба попала в дом. Верхний этаж пострадал сильнее других. Спасая имущество, хозяин библиотеки стал сбрасывать в окно наиболее ценные вещи. Из книг он в первую очередь взял "Византийские эмали", завернул в одеяло и выбросил в окно. Библиотека почти вся сгорела.

Книгу в память об отце долго хранили. Но прошли годы, и этот экземпляр оказался в продаже в магазине

Парнасский щепетильник. Журнал. Титульный лист

ПАРНАССКОЙ ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

1770 года.

Въ Санктпетербургѣ.

цѣна по 15 копѣекъ екземпляръ.

ЕВРОПЕЕЦЪ.

1832. ЯНВАРЬ **N 1.**

Европеец. Журнал. Обложка

№ 45 "Антиквар", что находится в здании гостиницы "Метрополь" (площадь Свердлова). Дальнейшая судьба этого экземпляра мне неизвестна.

К одной из моих юбилейных дат, кажется 70-летию, мой книжный клиент, владевший большой библиотекой разнообразной тематики, Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко неожиданно преподнес мне этот "царский подарок".

Пантелеймон Кондратьевич был секретарем ЦК ВКП(б), министром культуры СССР, полномочным представителем в некоторых странах, занимал ряд других ответственных постов. Надо сказать, что Пантелеймон Кондратьевич – большой любитель и знаток книг. Я всегда удивлялся его эрудиции и всезнайству. Он знал каждую

книгу своей библиотеки и мог не только рассказать ее содержание, но и критически оценить книгу, будь то издание по истории, географии, технике или каким-либо другим наукам. Пантелеймона Кондратьевича отличала редкая скромность, доброжелательность. Нас связывала личная приязнь и деловые книжные отношения.

И вот однажды у нашего магазина остановилась машина, и Пантелеймон Кондратьевич эту тяжелую книгу в красной коробке внес в магазин. Поздравил меня с днем рождения, высказав добрые пожелания. При этом попытался вручить мне коробку с книгой. Коробку я видел не раз у него дома и знал, что в ней лежит книга "Византийские эмали". Принять такой щедрый подарок я посчитал неудобным и потому отказался. Пантелеймон Кондратьевич предложил мне сесть в машину и поехать на улицу Кирова, 13, где находилось управление "Мосбуккниги". Не застав начальника, мы снова сели в машину и поехали в управление "Москниги", к управляющему Сергею Ерофеевичу Поливановскому.

Пантелеймону Кондратьевичу не представило большого труда доказать моему начальнику, что подарок такой правомерен. И вот книга у меня. Экземпляр № 125 в отличной сохранности, предназначен Дмитрию Ивановичу Петрококину. В наличии портрет А.В.Звенигородского.

Общение с Пантелеймоном Кондратьевичем оставило в моей памяти самые добрые воспоминания. До конца своей жизни я с признательностью буду помнить о нем. Его не стало 18 января 1984 года.

Редкие книги не могут не быть предметом гордости их владельца. Но я никогда не оберегал свое собрание от постороннего взгляда. Я всегда охотно рассказываю о своих книгах, а рассказывая, естественно, и показываю их. Любители книг лучше воспринимают слова выступающего, если он подкрепляет рассказ показом книг.

Делиться своими знаниями о книгах, передавать свою любовь к книгам другим – не в этом ли смысл собирательства?

Новая жизнь книги

Меня иногда спрашивают, почему люди продают книги? Причин здесь множество. Скажем, студент перешел на следующий курс или закончил учебу – учебники и подсобные книги продаются. Многие покупают книги для прочтения, а по мере накопления сдают в магазин. В личных библиотеках всегда находятся дубликаты, или у владельца теряется интерес к какой-то из книг. Наконец, книги, бывает, вытесняют все из квартиры – необходимо избавиться от части их. Появляется нужда в деньгах для покупки машины, дачи – выручают книги. Соединяются две библиотеки – излишки сдают в магазины для продажи. Владельцы библиотек уходят из жизни – наследники часто продают библиотеку или часть ее. Меняется вкус книголюба, и он продает какие-то книги из своей библиотеки. А сколько собирателей, достав лучший экземпляр той или иной редкости, худший уступают. И это далеко не все причины продажи книг. А если семья переезжает на другую квартиру – тут уж обязательно пересматриваются фонды.

Был в моей практике такой случай. Большая библиотека, можно сказать, огромная. В основном – история, памятники старины, языковедение. Владельцы – Сидоровы. Отец – профессор, историк, его сын – известный в Москве языковед. Профессор Сидоров завещал своему сыну и внукам всю библиотеку реализовать через букинистические магазины, заявив примерно так: "Пусть эти книги идут в народ и купившие их получают удовольствие, как получал я, подбирая библиотеку по книжечке". Часть библиотеки была продана сыном. Но ушел из жизни сын-языковед, и внуки, следуя завету деда, снова обратились в наш магазин. Библиотеку я покупал в несколько приемов в течение нескольких лет.

За более чем шестидесятилетний период моей работы с книгой, особенно в должности товароведа, мне

посчастливилось приобрести для магазинов, в которых я работал, много библиотек. Библиотеки всегда приходится осматривать на дому, и это связано со всякими неожиданностями.

Бывали ложные приглашения по телефону. Вроде бы все расспросил: много ли книг, каков характер литературы, как проехать, каков точный адрес и т.п. Сколько улиц и переулков Москвы исходишь, прежде чем найдешь нужную улицу! Придешь, а такого номера дома на этой улице нет или в квартире проживают совсем другие лица... Сколько потеряно времени, истоптано обуви и сколько досады от ложного вызова!

Разные бывали случаи, связанные с хождением по адресам.

Однажды – звонок в магазин. Приглашают отобрать на дому книги. Дают адрес: улица Серафимовича, дом 2 и т.д. Фамилию не называют, говорят: «Встретим вас у входа». Какая-то таинственность. Приехал – действительно встретили у входа в квартиру.

Прекрасная, большая квартира. Книг много – лежат и стоят на полках. Первые две-три книги, взятые с полок, внесли ясность. Вижу, что книги куплены в магазине № 28, где я тогда работал. На форзаце задней сторонки переплета стоит штамп с ценой и моей рукой написан номер квитанции. Книги по медицине. Опыт и память тут же отреагировали. Ведь эти книги мы продали академику Академии медицинских наук Б.И.Збарскому, учебники которого настолько популярны, что их знали и знают все студенты-медики. Збарский знаменит еще и тем, что принимал участие в бальзамировании тела В.И.Ленина.

Секрет перестал быть секретом, когда я сказал, что это книги академика Збарского. Библиотеку продавал сын Збарского в связи с временными неприятностями...

В этой маленькой истории оказался неожиданный финал. Через некоторое время в магазин пришел сам академик, веселый, довольный, уже зная, что его библио-

тека прошла через мои руки. Не выказав никакой обиды, он только попросил меня срочно достать ряд словарей, необходимых ему для завершения каких-то научных трудов. Дело в том, что Збарский был репрессирован и после освобождения восстановлен во всех правах. Покупка магазином библиотеки нисколько не испортила наших добрых отношений.

А вот другой случай. Это было в пятидесятых годах, когда я работал в одном из букинистических магазинов на Арбате. Я получил приглашение осмотреть библиотеку на улице Веснина. Эту библиотеку владелец решил продать.

Воскресный день. 10 часов утра. Я пришел точно в назначенное время. Одноэтажный старинный дом. Поднялся с улицы на две-три ступеньки, прошел коридор. Дверь с необходимым номером квартиры почему-то полуоткрыта, как бы приглашает войти. За ней вторая дверь, также полуоткрыта. Вошел. Никто не встречает. Подаю голос. Никто не отвечает. Увидел шкафы с книгами, сделал несколько шагов к ним и в этот момент подумал: "Подожду хозяина квартиры на улице". Направился к выходу и обомлел – у дверей сидела громадная немецкая овчарка. При следующем моем шаге к выходу она зарычала, оскалив зубы. Мне ничего не оставалось, как сесть на стул и ждать.

Через десять – пятнадцать минут пришел хозяин квартиры и извинился за невольную задержку. Оказывается, встретить меня он поручил собаке.

Дальше все было как положено. Я отобрал нужные книги, договорился об их доставке в магазин и, попрощавшись, направился к выходу. Овчарка подошла ко мне и лизнула языком руку, улыбаясь и как бы извиняясь за доставленные неприятности.

Свою первую покупку библиотеки я совершил в двадцатые годы. Библиотеки продавались тогда целиком – "на корню". Это уже позже к покупке библиотек магазины стали подходить более дифференцированно.

В те далекие, двадцатые годы в Москве было немало библиотек, оставленных их владельцами. Многие из владельцев библиотек уехали за рубеж. одни ушли с белой армией во время гражданской войны, другие выехали позже, оказавшись в плену панических настроений.

Эту библиотеку мы с братом купили в одном двухэтажном особняке на Собачьей площадке в районе улицы Арбат. Дом охранял пожилой служитель. Там он и жил. Преданный своим бывшим хозяевам, какому-то генералу царской армии, старый слуга говорил, что ждать дольше бессмысленно. И стал распродавать имущество, находившееся в особняке. Кроме книг было много картин, мебели и других вещей.

Покупка книг нам, книгоношам, не разрешалась. Но, учитывая нашу активную трудовую деятельность, наши настоятельные просьбы, руководство все же разрешило нам купить эту библиотеку. Куплена она была в кредит – расплата после продажи книг. Договорились, что книги, журналы, газеты и т.д. покупаем и вывозим целиком, ничего не оставляя. Насколько я помню, в этой библиотеке была широко представлена русская и иностранная классика, причем несколько шкафов заполнены книгами на французском языке, очень много книг военной тематики, в частности по истории войн, детская литература, географические карты и многое, многое другое. Все было в отличном состоянии.

После вывоза книг на нескольких подводах, запряженных лошадьми, книги сложили в сарай за Китайгородской стеной. С ними предстояла еще большая работа, их нужно было разобрать.

Но, выполняя договоренность о вывозе всей печатной продукции, мы вынуждены были набить мешки папками с документами, разрозненными журналами и просто хламом. Как ни пытались мы отказаться от этого придатка, нам это не удалось. "Сторож" особняка на радостях решил подарить мне картину работы академика живописи Ю.Клевера размером примерно 2 на 3 или 4 метра в прек-

расной раме. Куда мне было девать эту картину, если я жил в комнате площадью 15 квадратных метров. Принять такой дар я категорически отказался.

Надо сказать, что подобные библиотеки продавались часто, но букинисты, имевшие собственные магазины, от покупок их отказывались. Они покупали книги с большим выбором и то, что имело твердый спрос. Ну а на Китайгородском базаре, на развале продавалось почти все.

Книги были тогда дешевы, и после разбора основное мы продали быстро. Всю французскую литературу мы продали В.А.Рябову – владельцу букинистического магазина на Моховой улице, который торговал, как я уже говорил, только иностранными книгами.

Мешки с книжным хламом лежали в нашем сарае долго, и брат уже неоднократно уговаривал меня все сдать в макулатуру. Я этому противился и решил найти время, чтобы разобрать их. Надежды найти что-либо интересное превзошли все ожидания. Нашлись папки, в которых лежали в идеальной сохранности сатирические журналы 1905–1906 годов. Когда я собрал журналы из всех мешков и систематизировал их, оказалось, что это довольно полная подборка того, что было выпущено, а ведь известно, некоторые номера журналов царская цензура конфисковала и они не увидели света.

Опыта и знаний у нас, конечно, не было, и мы не совсем поняли, чем мы владеем. Направились в Музей революции, что на Тверской улице (ныне улица Горького). Он и сейчас там находится в бывшем особняке Английского клуба. Специалисты осмотрели нашу коллекцию и обнаружили ряд номеров, которые действительно не были выпущены в свет. По мнению знатоков, вся эта подборка принадлежала кому-то из цензурного комитета.

Разрознить коллекцию мы отказались, несмотря на уговоры и даже угрозы. Поняв, что эта коллекция представляет большую архивную ценность, мы решили передать ее целиком в какое-либо научное учреждение. Посоветовавшись, предложили коллекцию Коммунисти-

ческому университету имени Я.М.Свердлова, который находился на Миусской площади, дом 2, в здании бывшего Университета А.А.Шанявского. Заплатили нам незначительную сумму (средств у университета было мало), но в качестве награды передали нам книги, лежавшие неразобранными в подвалах университета. Такие свалки книг, неучтенные, находились во всех подобных учреждениях. Поблагодарив, мы погрузили книги на две подводы, запряженные лошадьми, и уехали. Все книги, за небольшим исключением, были проданы у Китайгородской стены по стоимости от пяти до двадцати копеек за экземпляр.

История с покупкой библиотеки на Собачьей площадке этим не закончилась. Продолжая разбирать "хлам", мне удалось обнаружить два альбома. Один альбом был заполнен разными надписями и наклеенными на страницы конвертами с вложенными в них письмами. На страницах альбомов написаны стихи, эпиграммы, ноты и сделаны другие записи с подписями многих известных поэтов и прозаиков пушкинского периода. В другом альбоме – примерно то же самое, но уже с подписями деятелей последующего поколения – пятидесятых – шестидесятых годов. Выяснилось, что альбомы подлинные. Кому принадлежали они, я не помню.

В те годы единственным литератором и поэтом, которого я близко знал, был Владимир Ильич Нейштадт. Знакомством и дружбой с ним я обязан нашему общему увлечению – шахматам. В помещении ресторана "Метрополь" проходил 1-й международный шахматный турнир. Там мы и встречались с ним ежедневно. Вот ему-то я и показал эти альбомы. Он первый подтвердил их подлинность. Но купить не смог, поскольку не было денег. Посоветовал сохранить эти альбомы, сказав, что придет еще их время.

Как я уже говорил, в те годы после работы поздно вечером я часто посещал букинистический магазин, находившийся в полуподвале на Моховой улице, принадлежавший известным московским книжникам – Матвею Ивано-

вичу Шишкову и Дмитрию Семеновичу Климову. Шишкова я считал и до сих пор считаю своим учителем, его наставления и советы растили меня как книжника. Естественно, что к нему я и обратился за советом, показав альбомы. Матвей Иванович также подтвердил их подлинность и при этом сказал: "Лева, если нужды особой нет, задержи их, не продавай. Пройдет десяток лет, им цены не будет".

Мне тогда был 21 год. Мой старший брат, Давид Абрамович (старше меня на 10 лет), решил все-таки поискать покупателя на эти альбомы.

"Международная книга" в те годы активно занималась покупкой редких книг. Купленные раритеты она продавала на валюту, ведь страна в те годы очень нуждалась в ней.

Возглавлял антикварный отдел "Международной книги" замечательный букинист-антиквар Павел Петрович Шибанов, один из лучших знатоков старой книги в России. Учитывая, что Павел Петрович благосклонно относился ко мне как к начинающему букинисту, мы решили отнести альбомы в "Международную книгу". До этого я иногда наведывался к Павлу Петровичу и в течение нескольких лет доставал ему книги, на которые у него были заказы из-за рубежа. Он же оставлял мне некоторые книги издательства "Academia", которыми тогда многие любители стали интересоваться. Павел Петрович всячески поощрял мое собирательство.

Итак, альбомы оказались в руках Шибанова. Спустя много времени я вспоминал, как трепетно держал он в дрожащих руках эти альбомы. Брат мой стоял на улице и ждал результата моего похода. Уговор был такой: не давать ответа, не посоветовавшись с ним. Павел Петрович с альбомами в руках и я поднялись на второй этаж. Там находился управляющий акционерным обществом "Международная книга".Тихо между собой пошептавшись, они предложили мне какую-то сумму. Сделав недовольную мину, я сказал, что должен посоветоваться, и попросил "товар" вернуть. Альбомы мне не дали, и я вышел посоветоваться. Брат, узнав об этой оценке, об-

радовался. Я же всячески противился сделке, интуитивно чувствуя, что допускаем большую ошибку. Первоначально названную сумму нам увеличили. И все было закончено. В общем заплатили за альбомы довольно много.

Прошло после этого почти 60 лет, а я до сих пор не могу забыть альбомы и не прощаю себе допущенной ошибки. Ведь это памятники нашей культуры, и они, оказавшись где-то за рубежом, безвозвратно утрачены.

Запомнилась мне покупка еще одной библиотеки. Кажется, это было в 1927 году. В магазине № 1 издательства "Земля и фабрика" (Столешников переулок, 5) несколько лет стоял штабель книг по истории. В штабеле высотой примерно три метра хранились книги, завязанные в пачки. Все книги в полукожаных переплетах. В этом магазине у нас были друзья. Они нас пригласили и предложили продать эти издания. Нам показалось, что библиотека бесхозная, то есть никому не принадлежит. Видимо, владельцы завезли ее в магазин для продажи, а сами исчезли. В общем, нам предложили продать ее у Китайгородской стены в розницу. Оценили весь штабель книг на "глазок". Как я уже говорил, в те времена оценка книг так и производилась – оптом.

Необходимой суммы у нас не оказалось, и нам отдали книги под вексель, иначе говоря в кредит, с условием оплаты в течение 10 дней. Доставив книги в наш сарай, находившийся в одном из дворов за Китайгородской стеной, мы стали разбирать их. Книги были в отличной сохранности. Такой подборки книг по русской и всеобщей истории я не встречал. Здесь были полные комплекты сочинений таких выдающихся историков, как Н.И.Костомаров, С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, Е.П.Карнович, М.П.Погодин, Д.И.Багалей, И.Е.Забелин. Были и комплекты "Истории русской армии и флота", полный комплект "Деяний Петра Великого" И.И.Голикова, все труды В.А.Бильбасова и еще многое, многое другое. Самостоятельно оценить эти книги нам оказалось не под силу – еще мало было опыта и знаний. Поэтому мы приг-

ласили помочь нам нашего соседа по Китайгородской стене, известного московского букиниста Михаила Ивановича Логинова.

Книги эти мы распродали быстро. Многие из книг были приобретены владельцами букинистических магазинов для выполнения имевшихся у них предварительных заказов.

Расчет с магазином "ЗИФ" мы произвели вовремя. Но покупка этой библиотеки нам далась непросто. Нужно было получить разрешение у руководства издательства "Новая Москва", где я работал. Добился я этого с большим трудом. Надо сказать, что в издательствах и на книжных складах книгоноши были как бы придатком – обязанностей много, а прав практически никаких, хотя мы делали полезное дело – несли знания в народ.

Десятки лет букинистические магазины Москвы избегали покупать и продавать старопечатные книги, напечатанные кириллицей. Считалось, что это книги духовного содержания, церковного обихода, и им не место в ассортименте букинистических магазинов. Возможно, некоторые товароведы-букинисты перестраховывались, большинство же из них, не умея прочитать напечатанное кириллицей, отказывались от покупки, освобождая себя от лишних хлопот. В связи с этим много старопечатных книг XYI–XYIII веков безвозвратно утрачено.

В 1957 году наш магазин приобрел большую библиотеку известного эстрадного артиста, очень популярного в то время песенника-гусляра Михаила Константиновича Северского. Библиотека, расположенная в двух комнатах, почти целиком была перевезена в магазин. Осталось около двухсот старопечатных книг XYI–XYIII веков в хорошей сохранности. От покупки этих книг мы отказались. Таково было указание руководства "Москниги". Судьба оставшихся книг мне неизвестна. Владелица библиотеки, вдова Северского, "грозила" сдать их в макулатуру.

Прошло несколько лет, и взгляды на старопечатную

книгу в корне изменились. Стали появляться в различных печатных органах статьи в защиту этих книг, библиографические описания старопечатных изданий. Возрос интерес к книгам со стороны фундаментальных библиотек и музеев.

Книги, по которым училось несколько поколений русских людей, обрели новую жизнь.

Газетная вырезка из "Вечерней Москвы" за 27 января 1962 года с заметкой "Редчайшая находка" напомнила мне такой случай. Некая гражданка, приехавшая из Белоруссии, привезла продавать книги и рассказала историю одной из них. Железнодорожный рабочий станции Пинск, разбирая старый сарай, обнаружил эту книгу – "Четвероевангелие", напечатанное крупным кирилловским шрифтом в две краски, на плотной бумаге. В книге 396 страниц. На каждой странице 18 строк. Книга большого формата, в кожаном переплете с застежками, в довольно хорошей сохранности. Дата и место выпуска не указаны.

Как теперь известно, существует несколько книг, напечатанных в Москве без указания даты их выпуска. Ученые уже много лет пытаются установить фамилии первых типографов и место, где напечатаны книги. Но загадка остается неразгаданной.

Эта книга интересна тем, что она напечатана в Москве во времена Ивана Грозного, примерно в 1555 году, в анонимной типографии, до выхода первой книги "Апостол" Ивана Федорова, датированной 1564 годом. Эта прередкая книга была передана нами в Государственную историческую библиотеку.

При посещении библиотеки экскурсионными группами им демонстрируют наиболее редкие книги из собрания библиотеки. И наряду с такими редкостями, как первое издание книги А.Н.Радищева "Путешествие из Петербурга в Москву" (1790), показывают и "Четвероевангелие". На форзаце задней крышки переплета, где указаны стоимость книги и дата ее приобретения магазином, нашлось место и для моей подписи.

Известный московский собиратель книг Владимир Оскарович Витт – профессор Всесоюзной сельскохозяйственной академии – был крупнейшим в стране знатоком коневодства. Комплектуя свою библиотеку, он увлекся собиранием старопечатных книг. В его библиотеке было более 80 книг XYI–XYIII веков.

После кончины Владимира Оскаровича именно эту часть библиотеки решили продать, насколько мне помнится, в Государственную библиотеку Украинской ССР. По просьбе Министерства культуры с согласия наследников мне было предложено оценить эти издания. Задача была непростая, ведь среди книг были: 1) московский "Апостол" Ивана Федорова 1564 года; 2) заблудовское Евангелие 1569 года, также Ивана Федорова; 3) виленское Евангелие 1575 года П.Мстиславца; 4) виленский Псалтырь 1575 года П.Мстиславца; 5) виленский "Апостол" 1576 года; 6) Псалтырь и Новый Завет; книга напечатана в Остроге Иваном Федоровым в 1580 году; 7) острожская Библия 1580 года Ивана Федорова; 8) острожская Библия 1581 года, а также книги первопечатников Гарабурды и др. В общем, 15 книг XYI века, 47 книг XYII века, 13 книг XYIII века и лишь 5 книг XIX века.

Обеими сторонами моя оценка книг была принята, и они поступили в надежное место. Книги я оценивал визуально. И это заняло много времени. Но я получил огромное удовлетворение от общения с такой замечательной коллекцией.

В последнее десятилетие через наш магазин прошло довольно много книг XYII и XYIII веков. Эти книги пользуются спросом. Их покупают историки, языковеды-слависты и просто коллекционеры.

Любопытный случай произошел в 1975 году. Принесли продавать книгу. Оказалось – "Грамматика" Мелетия Смотрицкого. Но в книге никаких указаний на авторство не было, не было и других сведений, по которым можно установить место и год издания. Титульный лист отсутствовал. Это часто бывает в книгах тех лет издания. Стало ясно: экземпляр отличной сохранности,

но нет последних страниц, на которых указывается место и год издания. Владельца мы предупредили, что магазин будет сохранять книгу в течение недели. И если за это время обнаружатся последние страницы, то владелец дополнительно получит за книгу 50 руб. Через несколько дней нам принесли два листа послесловия к этой книге, и мы произвели расчет согласно договоренности.

Книга Мелетия Смотрицкого "ожила". Появилась дата – 2 февраля 1648 года. Это 2-е издание знаменитой книги. Первое издание было напечатано в 1619 году в местечке Эвью близ Вильно.

Примерно в 1958–1959 годах нашим магазином была приобретена редчайшая книга Псалтырь и Новый Завет, выпущенная в 1580 году Иваном Федоровым и изданная в Остроге. Экземпляр удивительно хорошей сохранности. Продал его нам старый букинист, находившийся уже на пенсии, – Н.А.Старицын. Как потом стало известно, Николай Александрович получил это редкое издание в обмен на какие-то книги от ленинградского букиниста П.Ф.Пашнова. Книга была приобретена Государственной библиотекой имени В.И.Ленина.

Для проверки этой книги пришла представительница отдела редких книг библиотеки, большой знаток подобной литературы Татьяна Ниловна Каменева. Вспоминаю, с каким наслаждением Татьяна Ниловна с помощью канцелярской резинки листала страницы. Все оказалось в порядке. Закончив работу, она с радостью прижала Псалтырь к сердцу и сказала, что в отделе редких книг у них есть семь экземпляров этой книги, но все они дефектные. Наш же экземпляр безупречен.

В 1974 году вышла книга Е.Л.Немировского "Начало книгопечатания на Украине", где очень обстоятельно описана Псалтырь 1580 года. Перечисляя сохранившиеся экземпляры этой книги, Немировский указывает, что Библиотека имени Ленина хранит семь экземпляров книги. Почему не описан этот экземпляр, мне непонятно.

В течение многих лет мы комплектовали старопечатными книгами библиотеку Музея древнерусского

искусства имени Рублева, а также библиотеки научных работников этого музея. За более чем десятилетний период через наш магазин трижды прошла острожская Библия, напечатанная Иваном Федоровым в 1580 и 1581 годах. Один из этих экземпляров, как я уже говорил, был продан научной библиотеке Томского университета.

Это прославленное старопечатное издание можно назвать шедевром книгопечатания. Встречается в продаже чрезвычайно редко и ценится довольно высоко.

Поскольку владельцы острожской Библии, понимая ценность издания, исключительно бережно относятся к этому уникуму, сохранилось довольно много экземпляров книги: по некоторым данным – более 250.

Покупка библиотеки искусствоведа, члена-корреспондента Академии художеств СССР покойного Николая Егоровича Машковцева для меня представила интерес не только профессиональный. Содержание этой библиотеки во многом перекликалось с моими библиофильскими вкусами.

Николай Егорович – большой знаток русского изобразительного искусства. Это и определило состав его библиотеки – много книг по живописи, среди них каталоги различных выставок изобразительного искусства: "передвижников", "Мира искусства", "Союза русских художников", "Жар-птицы", "Голубой розы", Академии художеств, "Утра России" и др.

Много было разрозненных журналов по искусству. Как член Русского общества друзей книги, он сохранял пригласительные билеты и издания РОДКа. Эти пригласительные билеты до сих пор разыскивают и собирают некоторые библиофилы.

Подкупала своей сохранностью библиофильская серия иллюстрированных изданий, как-то: "Шесть стихотворений" Некрасова с рисунками Кустодиева (издание "Аквилона", 1922), "Леди Макбет Мценского уезда" Лескова, также с рисунками Кустодиева (Издательство писателей в Ленинграде, 1930), "Тупейный художник"

Лескова с рисунками Добужинского (издание "Аквилона", 1922), "Русь" Замятина с рисунками Кустодиева (издание "Аквилона", 1923), "Стихотворения" Фета с рисунками Конашевича (издание "Аквилона", 1922), "Житие блохи" Замятина с рисунками Кустодиева (Книгоиздательство писателей в Ленинграде, 1929) и еще ряд подобных изданий.

Хорошо представлены дореволюционные и советские издания двадцатых годов монографий о русских художниках.

Любопытно, что известный книговед нашего времени Алексей Алексеевич Сидоров, член-корреспондент АН СССР (1891–1978), также состоявший членом РОДКа, в в своих воспоминаниях "Московские книголюбы", напечатанных в "Альманахе библиофила", выпуск четвертый, среди прочего пишет: "Настоящим „книжником" Н.Е.Машковцев не был". С этой характеристикой можно, конечно, спорить. Но книги, действительно, были для Машковцева подсобным инструментом для работы.

В этих же воспоминаниях А.А.Сидоров рассказывает об издании "Кантаты". Первое издание "Кантаты" А.А.Сидорова напечатано в тринадцати экземплярах, из них одиннадцать – именных (М., 1921. 16 с.). Второе – в восьми экземплярах. Фронтиспис и виньетки – по рисункам Н.Б.Бакланова. Гравюры резаны на дереве и отпечатаны И.Н.Павловым.

На третьей странице после титульного листа напечатано: "Экземпляр Николая Егоровича Машковцева". На следующей странице стихотворение автора, факсимильно литографированное:

Остановись, моя ладья:
Наткнулися на риф мы:
На имя Машковцева я –
Никто не знает рифмы.
Но все-таки – прими привет,
И мы меж этих братий:
Недавно было десять лет
Знакомства и симпатий!

Итак, двенадцать экземпляров были именные и персональные, и для каждого отдельное стихотворение. А тринадцатый экземпляр, также со стихотворением, предназначался для продажи на аукционе.

Многие книги библиотеки Н.Е.Машковцева куплены им в наших букинистических магазинах и на базаре у Китайгородской стены. Он был их завсегдатаем. И вот книги его обрели новую жизнь. Нашли новых хозяев.

Как-то так случилось, что мне посчастливилось видеть и слышать выдающегося политического деятеля, наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского. О его блестящих ораторских способностях и умении заворожить слушателей писалось уже много.

Первое выступление, которое мне довелось услышать, состоялось в 1923 году на площади Революции в Москве. Напротив музея В.И.Ленина (ранее там был Мосфинотдел) находилась гостиница "Гранд-отель". А между ними на самой площади – трамвайная станция, павильон под крышей. Это одно из самых оживленных мест Москвы. Уже не помню, по какой причине, но именно здесь состоялся многолюдный митинг. По специально приставленной лестнице на крышу павильона поднимались ораторы, среди них был и Анатолий Васильевич. Его речь особенно запомнилась мне. В последующие годы я не раз слышал Анатолия Васильевича на диспутах и митингах.

Прошло несколько десятков лет, и судьбе угодно было заставить меня посетить квартиру, где жил Анатолий Васильевич. Это случилось в семидесятых годах, и причиной тому была необходимость отобрать книги для нашего магазина.

Дело в том, что в начале Великой Отечественной войны неизвестными лицами по подложным документам была вывезена бо́льшая часть библиотеки Анатолия Васильевича. Обнаружить следы злоумышленников не удалось. Эту историю мне поведала дочь Луначарского – Ирина Анатольевна.

Теперь же квартира Луначарского была предоставлена Литфонду для организации в ней мемориального музея. И книги для этого музея уже были отобраны из оставшейся части библиотеки, а нашему магазину, естественно, достались лишь остатки.

В этой квартире бывали многие выдающиеся деятели культуры. Мне показали кресло, в котором любил сидеть В.В.Маяковский. Любопытно, что квартира была под номером один на самом верхнем этаже. Нумерация квартир здесь сверху вниз, а не так, как бывает обычно в других домах.

Много лет собирал библиотеку известный музыковед и композитор, народный артист СССР, академик Б.В.Асафьев (литературный псевдоним – Игорь Глебов). Это была одна из выдающихся частных библиотек Москвы. В пятидесятых годах малыми частями она стала поступать в продажу через букинистические магазины. Нашему магазину также довелось кое-что приобрести. В частности, был куплен полный комплект за 12 лет (1851–1862) "Русского художественного листка", изданного В.Ф.Тиммом, что является большой редкостью. Значительная часть библиотеки поступила в магазин № 28, где ее оценивал и оформлял старший товаровед Н.Н.Лебедев.

Через этот же магазин в 1977 году была продана педагогическому институту имени К.Д.Ушинского прекрасная библиотека по математике и русскому антиквариату, собранная профессором И.А.Андроновым.

Большое значение для нашего магазина имела покупка двух библиотек по медицине.

Одна из них принадлежала известному ученому-криминалисту и психиатру Е.К.Краснушкину. Краснушкин был экспертом в нашей делегации на Нюрнбергском процессе, когда судили главных фашистских преступников.

В библиотеке широко представлена медицина во всех ее разделах, а также криминалистика. Самым интересным и полным был раздел литературы по психиатрии и криминологии.

Чем-то напоминала эту библиотеку библиотека ученого-психиатра А.О.Эдельштейна. В обеих библиотеках были полные комплекты журналов по психиатрии и невропатологии, труды всех выдающихся психиатров – Э.Крепелина, Ю.Каннабиха, В.Сербского, С.Корсакова, П.Б.Ганнушкина, Блейлера, Бумке, Фрейда и др., много сборников и трудов психиатрических клиник и институтов.

Надо отметить, что старые книги по психиатрии пользуются очень большим спросом, как, впрочем, и народные лечебники любых годов издания и книги по гомеопатии. Не потерян интерес и к книгам по истории медицины.

Покупка этих двух библиотек, выдающихся по своей полноте, не могла не остаться в моей памяти.

Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – крупный ученый-литературовед, составитель известной книги "Крылатые слова", вышедшей несколькими изданиями. Ему принадлежат исследования о Пушкине, Блоке. В.Г.Лидин писал о нем: "Человек большой культуры и неутомимого трудолюбия, Ашукин был знатоком русской литературы XIX века".

Он много лет жил в ветхом деревянном доме в Замоскворечье, на Люсиновской улице, 6. Пришло время, и необходимо было готовиться к переселению в новое, благоустроенное жилище.

И вот я по телефонному звонку явился на старую квартиру. "Надо избавляться от части книг", – сказал Николай Сергеевич.

Написал я эти строки и вспомнил, что и у меня спустя много лет было такое же положение – переезд на новую квартиру, и я продал некоторые громоздкие издания, как, например, полный комплект журнала "Аполлон". До сих пор жалею об этом.

Начал знакомство с библиотекой с оттисков и выдирок из разных журналов разной тематики. Их у Ашукина оказалось несколько тысяч. Большой шкаф был занят

книгами по генеалогии. Николай Сергеевич заметил, что оттиски и книги по генеалогии в "Лавке писателей", куда он обращался как член Союза писателей, не купили. Их это не заинтересовало. Я в душе обрадовался и посмеялся над незадачливыми товароведами. К обоюдной радости, все было куплено для нашего магазина.

В помещении магазина на козлах и досках устроили своеобразный развал для книг, выдирок и оттисков. Такого подбора книг по генеалогии московские книголюбы давно не видели, и все было быстро распродано. Ведь книги по генеалогии печатались малыми тиражами и всегда считались редкими.

Библиотеку Евгения Ивановича Шамурина можно считать выдающейся даже для того времени, когда в магазинах было обилие хороших книг (60-е годы). Ученый-библиограф, книговед, доктор педагогических наук, профессор Московского библиотечного института, автор многочисленных трудов по библиографии, он всю жизнь занимался книгами. Был соавтором известного всем любителям поэзии труда "Русская поэзия XX века" – антологии русской лирики. Книга вышла в 1925 году в издательстве "Новая Москва". Тираж для тех времен небольшой – 5 тыс. экземпляров. Книга прекрасно издана и имеет вводные статьи Валерьяна Полонского и составителей И.С.Ежова и Е.И.Шамурина. Книга напечатана на плотной бумаге, объем ее 672 страницы. Книга тяжелая, и, вероятно, поэтому Евгений Иванович приносил в магазин по одному экземпляру из своего авторского запаса через каждые две-три недели. Последний экземпляр, помню, был с типографским браком. Евгений Иванович был рад, что на его книгу есть еще спрос.

Прошло время, и к нам обратилась Софья Евгеньевна Шамурина, дочь Евгения Ивановича, с предложением купить оставшуюся после отца библиотеку. Дважды пришлось побывать и поработать в квартире на Пресне. Первая партия книг была по искусству и библиографии, вторая – поэзия. Полные комплекты журналов "Золотое руно" (1906–1909), "Старые годы" (1907–1916), "Русский

библиофил" (1911–1916), "Весы" (1904–1909), "Аполлон" (1909–1917) были в полной, даже отличной сохранности. Кстати, как и все остальные книги этой библиотеки.

Много было книг по искусству и монографий о художниках. Раздел поэзии представлен довольно широко. Попадались книги с автографами – дарственными надписями А.Белого, М.Цветаевой, Б.Пастернака, С.Есенина, М.Шагинян, А.Соловьева и др. После приобретения магазином этой библиотеки Софья Евгеньевна неоднократно прибегала к нашей помощи при продаже остатков библиотеки.

Как нужно любить А.С.Пушкина, чтобы попытаться собрать библиотеку из книг, бывших у Пушкина! Народный артист республики Иван Михайлович Кудрявцев, артист Московского Художественного театра, оказался именно таким библиофилом.

Библиотека А.С.Пушкина описана известным пушкинистом Б.Л.Модзалевским в издании "Пушкин и его современники" в выпусках IX–X. Был и отдельный оттиск, который так и назывался: «Библиотека А.С.Пушкина (Библиографическое описание)». Издан в 1910 году.

При поступлении в продажу книг из этой библиотеки в нашем магазине было заметное оживление. Ведь в продажу поступили книги, журналы, сборники, в основном изданные в начале XIX века. Здесь были первые и прижизненные издания Г.Р.Державина, А.С.Грибоедова, Д.В.Давыдова, Д.В.Веневитинова, А.И.Подолинского, В.Г.Теплякова, Е.И.Алипанова, А.Н.Радищева (собрание оставшихся сочинений в 6 частях; к сожалению, были только первые две части), альманахи (отдельные томики) "Северные цветы", "Альцион". Широко в библиотеке Кудрявцева были представлены журналы, как отдельные номера, так и годовые комплекты: "Отечественные записки", "Сын отечества", сочинения и переводы XYIII века, "Телескоп" и др.

В библиотеке было первое издание "Слова о полку Игореве" (1800 г.) с пометами Ивана Михайловича. Этот экземпляр подробно описан в "Альманахе библиофила" № 21, посвященном "Слову". В 1988 году экземпляр появился на московском книжном аукционе и был продан.

На большинство книг рукою Ивана Михайловича на отдельном листке сделана аннотация. Привожу пример аннотации из одной оставшейся у меня книги : "116. Давыдов Д.В. Стихотворения Дениса Давыдова. Москва. В типографии Августа Семена, при Императорской медико-хирургической академии. 1832. 12°. 4 жен. + XXIII + 1 н + III + Iн + II стр. Местами разрезан (?). Заметок нет. (Б.Л.Модзалевский. Библиотека А.С.Пушкина „Пушкин и его современники", вып. IX–X). (Подпись) Кудрявцев И. Нет листа обложки (верхняя, задняя есть). И.К."

Такие аннотации говорят о том, что И.М.Кудрявцев был серьезным библиофилом. На многих книгах своеобразный экслибрис – на узкой белой бумажке на пишущей машинке напечатано – Кудрявцев.

В библиотеке Ивана Михайловича были книги только на русском языке.

Мне как букинисту-антиквару особо запомнилась библиотека известного библиографа, автора "Словаря псевдонимов" в 4 томах и "Русских сатиро-юмористических журналов (Библиографическое описание)" издания 1910 года Ивана Филипповича Масанова. Эту библиотеку мы покупали в шестидесятых годах. Помогала мне описывать и оценивать моя сотрудница Юлия Александровна Петрова на квартире в стареньком деревянном доме в районе Черкизова.

По содержанию библиотека была разнообразной тематики, но превалировала библиография, что особо дорого моему сердцу. Чего там только не было! Журналы – "Антиквар", "Русский библиофил", "Библиограф" под редакцией Н.М.Лисовского, "Известия книжных магазинов" М.О.Вольфа, много словарей писателей разных губерний России, каталоги книжных магазинов

и библиотек, различная библиография в трудах И.П.Каратаева, У.Г.Иваска, Н.В.Губерти, Ю.Ю.Битовта, А.Е.Бурцева, Д.В.Ульянинского, В.С.Сопикова, Н.А.Рубакина, П.П.Пекарского, Я.Ф.Березина-Ширяева и др.

Одним посещением наследницы этой библиотеки Веры Ивановны, дочери Ивана Филипповича, не обошлось. Пришлось снова и снова приходить, отбирать, оформлять и вывозить библиотеку. Рукописная часть и большая картотека писателей были подарены Библиотеке имени Ленина.

Библиотеку полковника в отставке Ивана Александровича Ремизова создавали два поколения букинистов Москвы. Преподаватель философии в одной из военных академий, он хорошо знал историю. Это и предопределило характер его библиотеки.

Философскую литературу он изучил настолько глубоко, что мог на память читать основные положения из трудов различных философов. Несколько замкнутый, Иван Александрович преображался, когда темой разговора была философия. В 1948 году наше руководство пригласило его вести семинар по философии для букинистов-товароведов. Основное внимание он должен был уделить изданиям, напечатанным на русском языке. С большим интересом мы постигали сложную науку, и Иван Александрович мастерски помогал нам освоить эту премудрость.

Став другом московских букинистов, он получил возможность приобретать книги на льготных условиях — ему оставляли отдельные издания на просмотр. Кроме изданий по философии и истории Иван Александрович очень любил книги по медицине, особенно истории медицины, и различные народные лечебники.

Шли годы. Иван Александрович ушел на пенсию. Казалось, книги потеряли для него значение как подсобный материал для его занятий. Но предложение продать что-либо из его библиотеки на выгодных условиях отвергалось. При жизни он так и не продал ни одной книги.

Случилось неизбежное: Иван Александрович скончался. Встал вопрос о продаже библиотеки, и выбор пал на наш магазин. На квартире в Большом Гнездниковском переулке до нас побывали представители Библиотеки имени Ленина. Они вывезли часть книг по истории.

Вся квартира была заполнена книгами, они стопками лежали на полках и на полу. Наибольший интерес представляли книги, изданные в двадцатых годах, по истории гражданской войны, истории революционного движения, философии, истории и медицине. Удивление вызвало то, что отдельные книги были в нескольких экземплярах. Например, оказалось более 20 разрозненных томов "Истории новой философии" Куно Фишера, изданной в 9 книгах, 12 разрозненных томов редкого издания – "Философского лексикона" С.С.Гогоцкого, изданного в 5 томах. И что совсем удивительно, в библиотеке было около 10 разрозненных томов сочинений Ковнера по истории медицины, представляющих, как я уже говорил, очень большую редкость и практически не поступающих в букинистическую торговлю. В двух-трех экземплярах были и разные домашние лечебники.

Библиотека по содержанию оказалась очень интересной. Книг было много. И хорошо, что мне помогала Юлия Александровна Петрова, которая после моего ухода на пенсию возглавила отдел покупки в магазине, сейчас же она – директор "Пушкинской лавки".

Кроме описанных библиотек, над которыми мне довелось поработать и которые были нами куплены, следует назвать библиотеку академика архитектуры Л.Веснина. Эта библиотека хранилась в его квартире и мастерской на улице Веснина. В ее составе – в основном литература по архитектуре и искусству.

На квартире известного историка М.М.Богословского я был дважды и отобрал много отличных книг по истории. В том числе оставшиеся авторские тома его знаменитой монографии в 5 томах "Петр Первый" – материалы для биографии. К сожалению, это были только остат-

ки большой библиотеки. Куда ушла основная часть, я не знаю.

Интересная библиотека оказалась и у моего давнишнего друга – известного литературоведа, поэта, переводчика В.И.Нейштадта (1898–1958). Он писал также статьи по истории и теории шахмат. Купив у наследников библиотеку, я помог им оценить огромную подборку книг по "Слову о полку Игореве", в числе которых была и большая редкость – первое издание этого выдающегося памятника, сделанное Мусиным-Пушкиным в 1800 году. Кстати, этот редкий экземпляр продал Нейштадту наш магазин. Книга вторично оказалась в моих руках. В 1957 году вышла книга "Греческие народные песни" в переводе Вл.Нейштадта. Подарив мне эту книгу, он надписал: "Льву Абрамовичу Глезеру с благодарностью за „Слово" (а это не пустое слово)".

Интересная по содержанию библиотека куплена нами у М.Бритова из города Иванова. Он был главным редактором областной газеты и собрал громадную библиотеку по истории революционного движения. Книги привозились поездом из Иванова в чемоданах в течение года, а может быть, и больше. Запомнились полные комплекты журналов "Каторга и ссылка", "Былое", "Красный архив", "Голос минувшего" и др., также обширное собрание книг по истории гражданской войны, в числе которых были почти все воспоминания белогвардейцев, вышедшие за границей и переизданные у нас в стране в двадцатые годы. Много было ценнейших книг по истории революционного движения.

Большая библиотека по праву прошла через наш магазин транзитом в Тбилиси, в какое-то научное учреждение. Библиотека принадлежала известному правоведу, автору многочисленных трудов по юриспруденции Н.Н.Полянскому.

Остаток большой библиотеки достался нашему магазину от наследников академика В.И.Пичеты. Судьба основной части библиотеки нам недавно стала известна: она в Институте истории АН СССР.

Библиотека автора книг по истории музыки Е.Брау-

до в основном состояла из изданий по эстетике, музыке, философии и психологии. Она также прошла через наши руки.

Покупка библиотеки известного литературоведа, автора монографии об И.А.Гончарове и составителя хрестоматии по русской литературе А.Г.Цейтлина мне запомнилась особо. Такой подборке книг по литературоведению, изданных в двадцатых годах нашего века, теперь позавидуешь. А при покупке меня всячески уговаривали отбирать побольше.

Эту покупку мы совершили по рекомендации Ильи Самойловича Зильберштейна, и, когда вдова Цейтлина – Таисия Соломоновна – обратилась к нему за советом, чем отблагодарить меня за такую тяжелую работу, Илья Самойлович дал совет: "Подарите ему книгу с автографом". В итоге я стал владельцем книги Н.С.Лескова, преподнесенной с дарственной надписью известному писателю Г.П.Данилевскому. Но об этом я расскажу особо.

Однажды я оказался в огромной квартире академического дома на Ленинском проспекте, где жил президент Академии наук СССР Владимир Леонтьевич Комаров. Основная часть библиотеки поступила в одну академическую организацию. Но и в остатках было много интересного для наших постоянных покупателей.

В моей многолетней практике часто приходилось быть экспертом по оценке библиотек и отдельных книг.

Так, однажды меня пригласили в Большой театр для оценки библиотеки Ф.И.Шаляпина. Она находилась в Красном зале театра. Этот зал администрация готовилась сделать Шаляпинским. Зал очень красивый, со шкафами красного дерева, принадлежавшими также Федору Ивановичу. Но книг осталось немного: отдельные томики русских писателей с дарственными надписями (Шаляпину от авторов). Примерно сорок лет книги хранились в этих шкафах. Надзора за ними не было, и издания постепенно расхищались. Можно только представить себе, какой была библиотека Шаляпина.

Единственно полной оказалась серия "Жизнь замечательных людей" в издании Ф.Ф.Павленкова. Все

192 книжечки были одеты в 28 полукожаных переплетов, удивительных по красоте. На кожаных корешках, кроме прочего, внизу было тиснуто: "Ф.И.Ш." Вероятно, из этой библиотеки в 1951 или 1952 году (когда я работал в магазине № 28) мы приобрели Собрание сочинений А.П.Чехова, поскольку на книгах были те же инициалы. Этот комплект мы продали Библиотеке имени Ленина.

С Большим театром мне снова пришлось встретиться, когда меня пригласили оценить коллекцию оперных и балетных либретто. Коллекция была большой, и закупили ее помимо магазина, основываясь на моей оценке.

Неоднократно мне приходилось быть экспертом по оценке и характеристике книг в следственных органах, нарсудах, а также в нотариате.

Покупка книг у населения с последующей их продажей, в том числе и покупка книг на дому у владельцев частных библиотек, – одна из основных задач букинистической торговли. Каждому магазину устанавливается определенный план реализации, и этот план магазин не может не выполнить. Но есть и нравственная сторона в этом вопросе: букинист, покупая книги, как я уже сказал, дает им новую жизнь, второе дыхание.

Разбирая библиотеки, каждый букинист, кроме того, находится в постоянном поиске, мечтая найти доселе никому не ведомый, сверхредкий шедевр.

Перелистав и просмотрев на своем веку тысячи книг, я пополнил знания, обогатил свой опыт, я пристрастился к чтению и собиранию книг – этого великого духовного творения и наследия человечества.

Автографы

Автограф – собственноручная надпись или подпись, собственноручный авторский рукописный текст. Так расшифровывает энциклопедический словарь слово "автограф". Но это могут быть и авторская правка, и письма, и надписи в альбоме, и подарочные надписи на книгах и т.д. – все они дают возможность изучения личности, огромного мира человеческих отношений.

Автографы знаменитых людей хранятся в музеях, книгохранилищах, научных учреждениях, наиболее ценные – даже в несгораемых сейфах.

Коллекционирование авторских надписей на книгах является самым популярным видом собирательства. Таких собирателей становится все больше и больше. Известны богатейшие собрания книг с автографами у А.Ф.Маркова, М.И.Чуванова, И.С.Зильберштейна, М.С.Лесмана, Е.И.Шамурина.

Бывают случаи, когда владельцы книг стирают надписи на книгах, в том числе и заметки на полях. В моей библиотеке есть книга Марины Цветаевой "Волшебный фонарь" (М.: Книгоиздательство "Оле-Лукойе", 1912). На книге дарственная надпись автора, сделанная красными чернилами. Три первых строчки текста аккуратно подчищены, видимо, резинкой. А ниже четко написано: "Марина Цветаева. Москва, 26-го – 27 апреля 1920 г., ст. ст." (старого стиля). Кому понадобилось стирать надпись? Правильно сказал однажды Виктор Шкловский: "Надо помнить, что книга должна оставаться по возможности со всеми надписями на ней". И дальше: "Не надо вмешиваться в жизнь книги", "Книга твоя – она будет общей".

Любопытную покупку совершил наш магазин в начале семидесятых годов. Был куплен ряд книг с интересными автографами. Книги эти из архива В.Э.Мейерхольда, долгое время хранившегося в личной библиотеке С.М.Эйзенштейна. Так вот, наследники Сергея Ми-

А.Блок. Собрание стихотворений. Кн. 3. Снежная ночь. Титульный лист и авантитул с дарственной надписью

хайловича незначительную часть архива реализовали через наш магазин.

В это время при покупке рукописных материалов и автографов известных русских деятелей руководствовались методическими указаниями, утвержденными Главным архивным управлением. Расценки там – до обидного низкие. Наша оценка была в несколько раз выше, и книги оказались в нашем магазине.

Часть архивных материалов приобрела Государственная театральная библиотека, в том числе книгу А.С.Грибоедова "Горе от ума" (Пг., 1919) с автографом Мейерхольда: "Зинаиде Райх, другу, без которого нет для меня жизни!", подписью и датой: 1924, 29 февраля, а также пьесу знаменитого бельгийского писателя М.Метерлинка

"Сестра Беатриче" с режиссерскими заметками, записями, ремарками по всему тексту пьесы на вклейках и обложке самого Мейерхольда.

Остальное раскупили книголюбы — постоянные покупатели нашего магазина. Мне запомнились два автографа. Один на книге Бориса Григорьева "Лики России", изданной в Париже: "Всеволоду Мейерхольду — ты божественный, к тебе даже ряса бога идет. Да здравствуешь всегда. Твой вечный поклонник был и есть всегда Борис Григорьев (тоскующий). Париж, 926". Другой — на книге Александра Блока "Собрание стихотворений", кн. 3, "Снежная ночь" (М.: Мусагет, 1912): "Всеволоду Эмильевичу Мейерхольду с душевным приветствием. Ал.Блок. Апрель 1912".

Книга Б.Д.Григорьева "Лики России" вышла в Париже в 1923 году тиражом 500 экземпляров на французском языке. Интересна она еще и тем, что в ней помещены прекрасные портреты В.И.Качалова и И.М.Москвина в ролях Федора Иоанновича.

Библиофилы знают Б.Д.Григорьева как талантливого художника-графика, блестяще владевшего карандашным рисунком. Нам известны его работы в книгах: «Intimité», изданной в 1918 году в Петрограде В.М.Ясным, "Детский остров" Саши Черного, вышедшей в 1921 году в Данциге (Германия) на русском языке, и в книге «Boui Bouis», изданной также в Германии ("Петрополис") в 1924 году тиражом 300 нумерованных экземпляров.

Борис Дмитриевич родился в Москве в 1886 году. Закончил Строгановское училище. В начале революции писал портреты Шаляпина, Горького, Есенина. В 1916 году создал портрет В.Э.Мейерхольда, который находится в Русском музее Ленинграда.

В 1919 году Григорьев переехал в Париж. Скончался в 1939 году. Захоронен в Каннах.

Первые живописные работы Григорьева скупал известный меценат, очень богатый коллекционер А.Е.Бурцев. В своем издании "Мой журнал для немногих", вышедшем в 1913—1914 годах, он поместил репродукции более

ста картин Б.Д.Григорьева. Бурцевских изданий было несколько, и все выходили тиражами от 50 до 150 экземпляров.

Однажды раздался телефонный звонок. "Как оценить детскую книгу Маяковского 1926 года с автографом?" – спрашивали меня коллеги из одного букинистического магазина. Что за надпись? "В. Катаняну-маленькому", – был ответ. Я посоветовал: задержите книгу на несколько минут.

С Василием Абгаровичем Катаняном я знаком давно. Это известный исследователь творчества В.В.Маяковского, друживший с поэтом. Катанян – большой книголюб. Звоню ему. Катанян обрадовался находке, просит: "Пусть непременно приобретут книгу для магазина. Это реликвия нашей семьи!"

Выяснилось, что Владимир Владимирович подарил книгу с дружеской надписью сыну Катаняна – тоже Василию, ныне известному кинорежиссеру. Так усилиями букинистов был возвращен настоящим владельцам уникальный экземпляр. Словно из далекого прошлого "Катанян-маленький" получил привет.

С Виктором Филипповичем Соколовским, удивительным человеком, человеком с большой буквы, мне посчастливилось познакомиться в пятидесятых годах во время посещения им букинистических магазинов. Больше всего Виктор Филиппович любил посещать букинистический магазин № 51 "Москниги", где работал старый букинист Михаил Иванович Логинов, с которым у него были многолетние дружеские отношения.

Виктор Филиппович Соколовский – бывший солдат, участник империалистической, а затем и гражданской войн, после победы революции был направлен на работу в торговые представительства СССР в Германии, Прибалтийские страны, а впоследствии – торгпредом в Китай. В 1929 году Соколовский назначается начальником Кузнецкстроя, и во многом благодаря его организатор-

скому таланту в короткое время удалось построить эту теплоэлектроцентраль.

В послевоенные годы Виктор Филиппович увлекся книгособирательством, а затем и собиранием автографов на книгах.

Неумолимое время заставило его, в силу сложившихся обстоятельств, принять решение переселиться в дом престарелых – старых большевиков. Пришлось сдать квартиру, а с собой можно было взять только 25 книг.

Большая библиотека, состоявшая из подписных изданий собраний сочинений русских и иностранных классиков, множества одиночных книг, выпущенных в советское время, была продана в наш магазин. При оформлении покупки обнаружили книги с дарственными надписями владельцу книг от авторов. Много надписей было на книгах в ярких переплетах из серии "Советская поэзия" в малоформатном издании. Здесь К.Симонов, Б.Пастернак, С.Михалков, М.Светлов, А.Граши и еще много других авторов. На объемистых томах, изданных у нас, автографы президента Франции де Голля, секретаря ЦК Французской коммунистической партии Жака Дюкло, премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, президента Республики Индонезии Сукарно, негритянского историка, писателя, члена Всемирного совета мира Уильяма Дюбуа, председателя Коммунистической партии США Уильяма Фостера и т.д.

С согласия Виктора Филипповича у меня осталась часть его переписки с авторами. Здесь копия письма Э.Хемингуэю на Кубу, напечатанного на пишущей машинке в 1960 году (получил ли Виктор Филиппович книгу с автографом – неизвестно), и письмо (копия), написанное от руки президенту Франции де Голлю, об отправке ему 1-го тома его мемуаров с просьбой об автографе (эта книга в библиотеке у Соколовского оказалась), и письмо в конверте из канцелярии Верховного Совета УССР, в котором С.Ковпак пишет, что выполнить просьбу не может, так как ни одного экземпляра книги "От Путивля до Карпат" нет, но пообещал выслать, когда она выйдет вторым изданием, и копии писем с просьбой об автогра-

фах к Ю.И.Данилину, автору книги о Мопассане, В.П.Катаеву, В.А.Герасимовой, И.Л.Андроникову, С.Д.Скляренко. Здесь и копии писем в издательства с просьбой сообщить адрес того или иного автора, ответы на эти запросы, а также запросы об адресах в "Мосгорсправку", квитанции об отправке книг. Тут же письмо Виктору Филипповичу с извещением о высылке книги с автографом известного армянского поэта Ашота Граши.

А вот письмо, напечатанное на машинке (на английском языке, копия), отправленное Соколовским в 1961 году и свидетельствующее о его высоких патриотических чувствах: "Дорогой и многоуважаемый доктор Уильям Б.Дюбуа. Вам пишет человек, сорок два года состоящий в рядах Коммунистической партии Советского Союза, Соколовский Виктор Филиппович. Меня до глубины души взволновал Ваш полный величественного значения поступок, выразившийся во вступлении в члены коммунистической партии.

Принятое Вами решение именно в настоящий момент явится знаменательным, если учесть, что правящей кликой США предприняты сейчас серьезные попытки поставить компартию Вашей страны перед угрозой полного запрета ее деятельности.

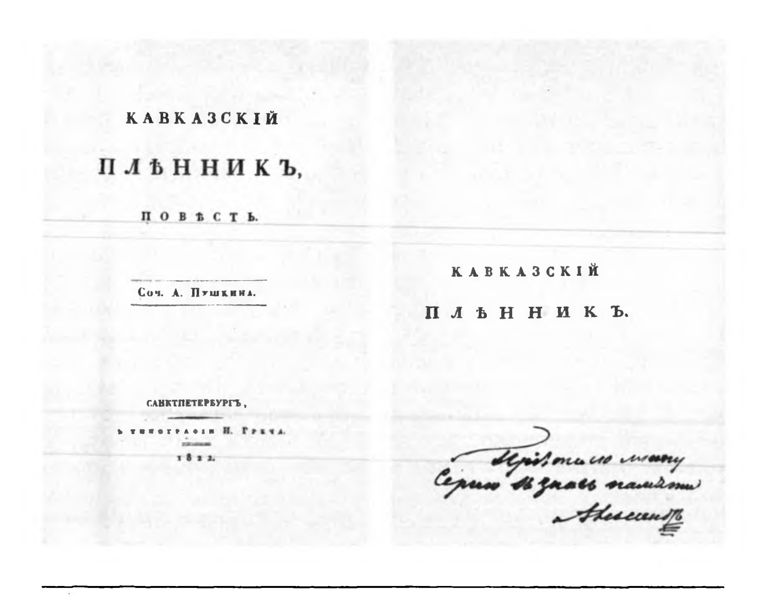
Это письмо к Вам продиктовано чувством глубокого восхищения Вашим патриотическим поступком. Разрешите выразить свое большое к Вам уважение и пожелать самого крепкого здоровья и долгих лет жизни. Я был бы очень рад узнать от Вас о получении настоящего письма.

С глубоким уважением

Виктор Филиппович Соколовский. Персональный пенсионер союзного значения. Ноябрь 1961". Адрес.

Так он обычно указывал свое звание и добавлял: "...собиратель книг и автографов произведений, которые мне понравились". В архиве Соколовского ответа Дюбуа не обнаружено. Вероятно, книга с его автографом и явилась ответом на письмо Виктора Филипповича.

Среди автографов из собрания Соколовского был один на маленькой книжке Сергея Есенина "Избранные

КАВКАЗСКІЙ

ПЛѢННИКЪ,

ПОВѢСТЬ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1822.

КАВКАЗСКІЙ

ПЛѢННИКЪ.

А.Пушкин. Кавказский пленник. Первое издание. Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью предположительно автора

стихи" (Б-ка "Огонька", 1925, № 40). Сестра покойного поэта написала: "Виктору Филипповичу Соколовскому. Сердечно. А.Есенина". Даты нет.

Каждый библиофил мечтает иметь в своей коллекции книги с дарственными надписями известных русских и советских писателей и поэтов. Расскажу о некоторых автографах из моего собрания.

В моей коллекции книг с дарственными надписями есть одна книга, к которой я отношусь с особой бережливостью. Эта книга у меня давно, и уже не помню, когда я ее приобрел, у кого и за сколько. Теперь это уже не имеет значения. Книга очень редкая и была бы украшением лю-

бой библиотеки. Самые изысканные книголюбы мечтают иметь такую книгу. Это вторая печатная книжка А.С.Пушкина, вышедшая в 1822 году, и первое издание "Кавказского пленника" с портретом Пушкина в юности, гравированным Е.Гейтманом. На шмуцтитуле надпись от руки чернилами: "Приятелю моему Сергею в знак памяти. Александр".

Почерк очень похож на пушкинский. Естественно, я ознакомился со всеми Сергеями в окружении Пушкина, просмотрев горы литературы. Знакомых и друзей Пушкина с этим именем оказалось предостаточно. Изучил почерк Пушкина по воспроизведениям в печатных изданиях. Кажется мне, что автограф – автора книги. Во всяком случае, в это мне хочется верить. Все мои книжные друзья, видевшие экземпляр, вероятно, не желая меня разочаровывать, подтверждают, что автограф очень похож на пушкинский.

В наше время при желании можно было бы установить подлинность автографа. Ведь есть же криминалисты, ученые-пушкиноведы, знатоки пушкинского почерка. Но вот желания установить истину у меня пока нет. Я привык к мысли, что у меня автограф Пушкина, и боюсь разочарования.

В один из моих юбилеев мне посчастливилось получить в дар книгу Виктора Теплякова "Стихотворения" (М., 1832). Книга в прекрасной сохранности, одета в переплет того времени. На корешке переплета вытеснен суперэкслибрис, говорящий о том, что книга принадлежала С.М.Воронцову.

Виктор Григорьевич Тепляков (1804–1842) – русский поэт, автор двух сборников стихотворений, вышедших в 1832 и 1836 годах. Печатался он также в альманахе "Северные цветы", "Одесском альманахе" и некоторых других изданиях. А.С.Пушкин ряду стихотворений Теплякова дал высокую оценку.

В 1826 году следственными органами была установлена связь Теплякова с декабристами, и его заключили

В.Тепляков. Стихотворения. Титульный лист и форзац с дарственной надписью

в Петропавловскую крепость, а затем выслали в Херсон, под надзор полиции.

Впоследствии В.Тепляков получил возможность заняться археологическими изысканиями и добился в этом успехов.

На подаренном мне экземпляре, на внутренней части форзаца, во весь лист надпись автора книги: "Ея сиятельству графине Елизавете Ксаверьевне Воронцовой, слабый знак глубочайшего почтения. От составителя, Одесса, 27 ноября 1832 года".

Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792–1880) была замужем за новороссийским генерал-губернатором С.М.Воронцовым. Историки отмечают, что она была кра-

Н.Морозов. В начале жизни. Фронтиспис и титульный лист с дарственной надписью

савицей, одной из самых привлекательнейших женщин своего времени.

Находившийся в одесской ссылке А.С.Пушкин посвятил Елизавете Ксаверьевне ряд стихотворений. Многие литературоведы-пушкинисты полагают, что поэт был тайно влюблен в графиню Воронцову.

Надпись, сделанная Тепляковым на книге, свидетельствует о почтительном, в высшей степени деликатном отношении автора к Елизавете Ксаверьевне.

Очень редко встречаются автографы Николая Александровича Морозова (1854–1946). Русский писатель, революционный деятель, ученый, почетный член Академии наук СССР, он вступил в революционное движение

в 1874 году. Двадцать пять лет провел в Шлиссельбургской крепости. Написал в тюрьме ряд научных работ. Автор многих книг, в их числе труды по физике, химии, математике, философии, истории религии, сборники стихов. Написал воспоминания "Повести моей жизни".

Надпись на книге "В начале жизни" (М.: издание В.М.Саблина, 1907) простая: "Дорогому И.А.Белоусову на добрую память от автора. Н.Морозов. 3 ноябр. 1909".

Белоусов Иван Александрович (1863–1930) – русский поэт, автор воспоминаний о кружке писателей "Среда". Много переводил из Р.Бернса, А.Негри, Я.Купалы. Известен своей интересной книгой, вышедшей в 1930 году, "Писательские гнезда". Он был в дружеских отношениях с Куприным, Чеховым и некоторыми другими известными писателями. Ряд его стихотворений переложен на музыку. Одно время он руководил суриковским кружком писателей-самоучек.

Автографы А.П.Чехова всегда привлекали к себе внимание музеев, книгохранилищ и книголюбов. В моем собрании хранятся две книги с дарственными надписями любимого писателя.

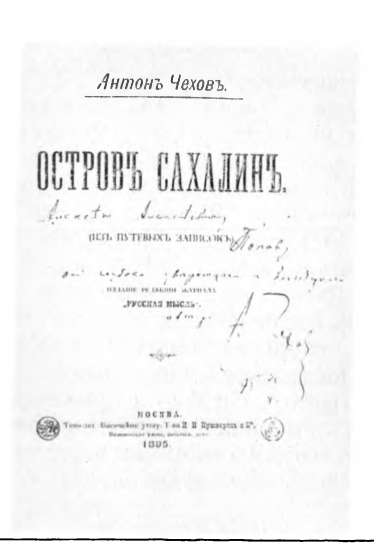
На книге Антона Чехова "Остров Сахалин. Из путевых записок" (М.: издание редакции журнала "Русская мысль", 1895) надпись: "Алексею Алексеевичу Попову от глубоко уважающего и благодарного автора. А.Чехов

$95\frac{20}{VI}$".

А.А.Попов-Монастырский – секретарь редакции журнала "Русская мысль". Надпись говорит о том, что 20 июня Чехов был в Москве – приезжал из Мелихова за экземплярами книги "Остров Сахалин".

Другая книга – "Детвора" – рассказы Антона Чехова (Спб.: издание А.С.Суворина, 1889. "Дешевая б-ка"). Надпись на ней гласит: "Михаилу Михайловичу Дюковскому на добрую память от (Антона Чехова – напечатано)

$89\frac{23}{III}$".

Антонъ Чеховъ.

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

МОСКВА.

1895.

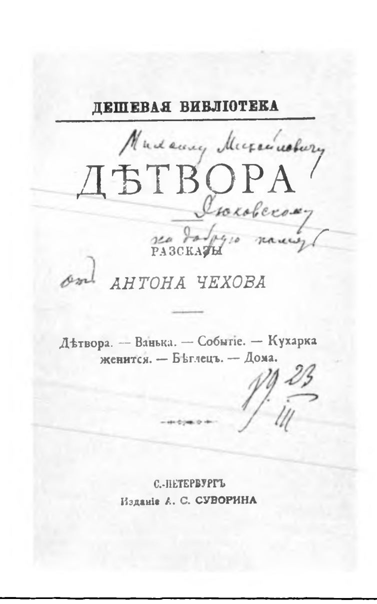
А.Чехов. Остров Сахалин. Титульный лист с дарственной надписью

М.М.Дюковский (1860–1902) – преподаватель Мещанского училища в Москве. Знакомый семьи Чехова.

Автограф замечательного русского писателя Николая Семеновича Лескова (1831–1895) представляет интерес, поскольку уточняет отношения между ним и не менее популярным писателем Григорием Петровичем Данилевским.

Сын писателя, Андрей Николаевич, в своей книге "Жизнь Николая Лескова" рассказывает о ссоре и размолвке отца с Данилевским. Однако содержание дарственной надписи, доброжелательный ее тон опровергают это мнение.

Книга Н.Лескова (Стебницкого) "Соборяне. Старгородская хроника" (М., 1872) посвящается графу Алексею Константиновичу Толстому. На оборотной стороне печатной обложки рукой Лескова написано: "Уважаемому

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

ДѢТВОРА

РАЗСКАЗЫ

АНТОНА ЧЕХОВА

Дѣтвора. — Ванька. — Событіе. — Кухарка женится. — Бѣглецъ. — Дома.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА

А.Чехов. Детвора. Титульный лист с дарственной надписью

благоприятелю Григорию Петровичу Данилевскому дарю этот первый экземпляр сей книги до выхода в свет издания. Прошу сберечь ее в память моей глубокой признательности ему за ласковую и доброжелательную приязнь ко мне и верить моему уважению к его сочувствию русской литературе и ея многострадальным слугам. Николай Лесков-Стебницкий. 31 августа 1872 г. Спб."

Книга эта какое-то время хранилась в библиотеке Данилевского, о чем свидетельствует экслибрис-этикетка в рамке с типографским набором – "Из библиотеки Григория Петровича Данилевского". Затем она побывала в некоторых частных библиотеках и в Харьковской общественной библиотеке. Последнее место ее пребывания – у московского литературоведа А.Г.Цейтлина. Как я уже сказал, книга была подарена мне вдовой Цейтлина.

СОБОРЯНЕ.

СТАРГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

Посвящается графу Алексѣю Константиновичу Толстому.

Н. Лѣскова

(Стебницкаго.)

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1872.

Н.Лесков. Соборяне. Титульный лист и форзац с дарственной надписью

Книга "Стрелец" (Сб. 1. Пг., 1915) имела нескольких владельцев и не менее двух раз побывала в руках товароведов букинистических магазинов. В последний раз оказалась на прилавке букинистического магазина в 1957 году.

Книга эта представляет интерес хотя бы уже потому, что в ней напечатаны стихи А.Блока, Д.Бурлюка, В.Хлебникова и других не менее известных поэтов. На отдельных листах помещены иллюстрации художников О.Розановой, Н.Кульбина, А.Лентулова.

Книга знаменательна еще и тем, что принадлежала Давиду Бурлюку. Это подтверждается собственноручной владельческой надписью с датой – 1915 год, II месяц, а также авторским добавлением к уже напечатанным стихам.

Альманах "Стрелец". Шмуцтитул с автографом В.Маяковского

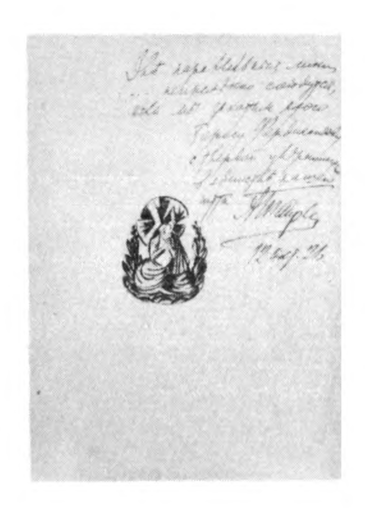
В конце книги помещен рисунок В.Бурлюка (брата Давида) и к нему дано посвящение, сделанное от руки автором: "Милому Самуилу Матвеевичу, посвящаю в знак памяти и уважения этот рисунок В.Бурлюк".

Давид Бурлюк – один из первых русских футуристов. Друг В.Маяковского. Вместе с ним был исключен из Московского училища живописи, ваяния и зодчества за участие в публичных диспутах.

Но книга интересна не только этим. На странице 87 впервые был опубликован отрывок из трагедии "Облако в штанах" и рукою В.Маяковского написано: "Мое кастрированное детище" и подпись – В.Маяковский. Каждый обнаруженный автограф Маяковского приковывает к себе внимание. А этот – с "острым" эпитетом к своему произведению – тем более.

Несмотря на то что книга у многих побывала в руках, никто не заметил внутри книги этого автографа Маяковского. И вот известный в Москве книголюб и це-

А.Таиров. Записки режиссера. Обложка и авантитул с дарственной надписью

нитель старой русской книги, замечательный врач-гомеопат и добрейший человек Виктор Иосифович Варшавский купил книгу в одном из букинистических магазинов и, к нашему счастью, обнаружил внутри нее автограф Маяковского.

В 1964 году, в мое шестидесятилетие, Виктор Иосифович подарил мне эту книгу, сказав: "Автографы я не собираю, и в Вашей коллекции она будет более кстати".

А вот три автографа замечательных советских театральных режиссеров: К.С.Станиславского, В.Э.Мейерхольда, А.Я.Таирова.

Книга-альбом "Кто, что, когда в Московском Камерном театре", изданный в Москве. Год издания не указан. Тираж 1500 экземпляров. В альбоме есть иллюстрации

всех постановок театра, фотографии ведущих артистов в ролях, а также эпизодов семимесячной поездки за границу. Надпись гласит: "Глубокоуважаемому Николаю Александровичу Семашко за проявленное внимание к нуждам Камерного театра. А.Таиров. 31/XII 24".

Н.А.Семашко – старый большевик. В то время был народным комиссаром здравоохранения. Автор воспоминаний о В.И.Ленине.

Другой автограф А.Я.Таирова – на его книге "Записки режиссера" (издание Камерного театра, 1921) – адресован Б.А.Фердинандову: "Две параллельные линии... непременно сойдутся, если мы захотим этого. Борису Фердинандову с твердой уверенностью в единстве нашего пути. А.Таиров 12 окт. 21 г."

Борис Алексеевич Фердинандов в то время был одним из ведущих артистов Камерного театра, а в последующие годы – главным руководителем Опытно-героического театра (ОГТ) в Москве.

На книге Константина Сергеевича Станиславского "Моя жизнь в искусстве", изданной в Москве (первое издание книги, без указания года выпуска), надпись гласит: "Дорогому другу Якову Ивановичу Гремиславскому на память об многолетней дружбе и интересной артистической жизни, прожитой вместе. В знак любви и сердечной преданности. Спасибо за помощь и сотрудничество. К.Станиславский (Алексеев) 1927 – 5 – III – Москва".

Восемнадцатилетним юношей, в 1882 году, Яков Иванович Гремиславский пришел на дачу, в село Любимовку, что недалеко от Москвы, где устраивались домашние любительские спектакли. Гремиславский в ту пору был третьим помощником старшего гримера императорских театров. Яша, как его называл Константин Сергеевич, пришелся ко двору и уже никогда не расставался с артистическим кружком. Много лет Герой Труда Яков Иванович проработал в Московском Художественном театре.

Автографы замечательного актера и режиссера Всеволода Эмильевича Мейерхольда всегда представляли

К.Станиславский. Моя жизнь в искусстве. Титульный лист, фронтиспис и форзац с дарственной надписью

интерес. Вот такую надпись сделал он на своей книге "О театре" (Пб., 1912): "Всеволоду Николаевичу Всеволодскому, к кому с каждым днем крепчает привязанность моя все более и более. Дружески Вс.Мейерхольд, СПБ, 1912, 16 декабря".

В.Н.Всеволодский-Гернгросс – советский историк театра, доктор искусствоведения, профессор, автор ряда книг и статей о театре. Окончив горный институт и высшие драматические курсы, с 1909 по 1919 год был актером в театрах, в том числе и в знаменитой петербургской Александринке, где в те же годы блистал своими постановками В.Мейерхольд. Там они и сблизились. Впоследствии совместно с А.Блоком, А.Ремизовым Всеволодский и Мейерхольд руководили в Петрограде отделом ТЕО.

А вот два автографа Блока из моей коллекции. Оба на книге "Ночные часы" (М.: Мусагет, 1911). На титульном листе одного экземпляра: "Осипу Дымову на добрую память. Александр Блок. ноябрь. 1911".

Осип Исидорович Дымов (Перельман) (1878–1959) – беллетрист, драматург. Был известен как юморист-фельетонист. Пользовался популярностью. После Октябрьской революции оказался в эмиграции. В 1926 году выпустил воспоминания о Блоке. Был с ним в переписке.

Второй автограф А.Блока также на титульном листе "Ночных часов": "Милому Семену Викторовичу Панченко. Моя концертная программа 27 ноября. Ноябрь 1911".

Семен Викторович Панченко (1867–1937) – композитор, музыкальный критик, педагог, просветитель, дирижер. Был близок к семье Бекетовых, имел с А.Блоком большую переписку.

Любопытно, что в обоих экземплярах "Ночных часов" на странице 57 рукой Блока сделано исправление вкравшейся опечатки одного слова. У ряда книголюбов я

ВС. МЕЙЕРХОЛЬДЪ.

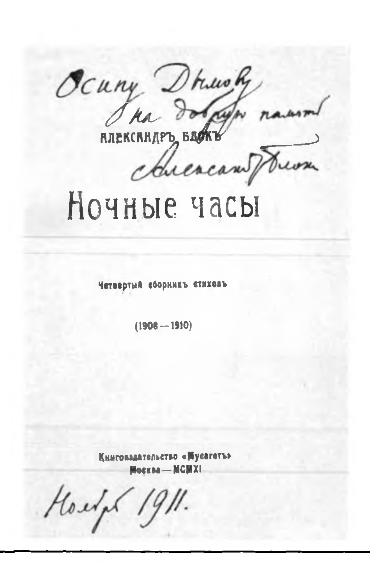
О ТЕАТРѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Вс. Мейерхольд. О театре. Титульный лист с дарственной надписью

видел эту же книгу с дарственными надписями А.Блока и везде на странице 57 те же исправления. Это говорит об ответственном отношении поэта к печатному слову, о его аккуратности.

Большими тиражами издаются сочинения Сергея Есенина. Много вышло книг о жизни и творчестве поэта. Почитатели его таланта, уже не ограничиваясь вновь вышедшими изданиями, проявляют все больший интерес к прижизненным изданиям Есенина и особенно к его автографам. Настала пора подготовки и выпуска труда о жизни и творчестве поэта – по типу летописи жизни. В современных изданиях есть "белые пятна", которые нужно ликвидировать.

Осипу Дымову на добрую память
АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ
Александр Блок
Ночные часы
Четвертый сборникъ стиховъ
(1908—1910)
Книгоиздательство «Мусагетъ»
Москва—MCMXI
Ноябрь 1911.

А.Блок. Ночные часы. Титульный лист с дарственной надписью

В книге "История советского библиофильства" П.Н.Беркова (М., 1983) сказано, что в 1942 году в оккупированной Одессе якобы подпольно была напечатана книга С.Есенина "Стихи". На самом деле книга была издана с разрешения гитлеровцев и при их участии. В предисловии к ней содержится откровенно антисоветская трактовка поэтической судьбы и трагической гибели поэта. В этом и был смысл данного издания. Книга эта имеется в моей библиотеке.

А вот и автограф С.Есенина из моего собрания на его книге "Пугачев" (М.: Имажинисты, 1922): «Юлию Исаевичу Айхенвальду С.Есенин 1921».

Ю.И.Айхенвальд (1872–1928) – крупный литературный критик, литературовед, автор книги в трех томах "Силуэты русских писателей" и других известных трудов. В первые годы революции вместе с философом Г.Г.Шпе-

Милому Семену Викторовичу Панченко

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

Ночные часы

Моя концертная программа 27 ноября.

Четвертый сборникъ стиховъ

(1908—1910).

это автограф А. Блока. смотри стр 57 стихи

Книгоиздательство «Мусагетъ», Москва — MCMXI

Ноябрь 1911.

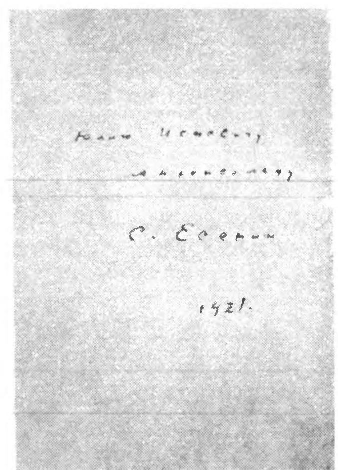
А.Блок. Ночные часы. Титульный лист с дарственной надписью

том и писателем В.Г.Лидиным торговал в книжной лавке. Какие отношения были у него с Есениным и при каких обстоятельствах сделана надпись, не установлено. Не прояснены отношения Есенина и со многими другими адресатами автографов поэта.

Еще один автограф Есенина оставлен на сборнике стихотворений поэта "Преображение" (Изд-во московская трудовая артель художников слова. II год I века): «Николаю Михайловичу Мешкову с любовью за ядреную пучень слова и образа. С.Есенин».

Н.М.Мешков – поэт, автор трех сборников. Как пишет В.Лидин, он "написал отличную книгу стихов, но в такой степени в манере Бунина и с его интонациями, что Мешкова Бунин принимал просто как свое порож-

С.Есенин. Пугачев. Обложка и форзац с дарственной надписью

дение". Бунин считал Мешкова своим поэтическим учеником.

Взаимоотношения С.Есенина и Н.Мешкова ни в каких воспоминаниях не освещены.

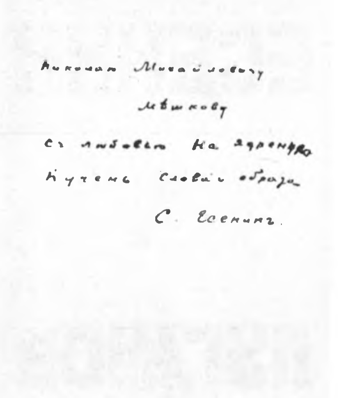
Или еще автограф на книге С.Есенина "Пугачев" (М.: Имажинисты, 1922): «Милым Мишкам. Сергей 1921».

Кто эти "Мишки", установить пока не удалось.

Книга "Явь" – сборник стихов, напечатанный в Москве в 1919 году, – в букинистических магазинах почти не встречается. Напечатан на плотной коричневой бумаге, броская красочная обложка по рисунку художника А.Лентулова. В сборнике помещены стихи А.Белого, Б.Пастернака, С.Есенина, А.Мариенгофа, В.Шершеневича и др.

Данный экземпляр принадлежал артисту Камерного театра, поэту Александру Оленину, стихи которого печатались в разных сборниках и альманахах имажинистов и

С.Есенин. Преображение. Титульный лист и форзац с дарственной надписью

помещены в этой книге. А.Оленин примыкал к группе имажинистов. Его друзья, вероятно, во время какого-то празднования, веселого застолья оставили свои автографы.

Вот стихотворение Вадима Шершеневича. В нем:

Во имя блага и угрозы
Теперь поэт поет
Не так, как прежде "грезы – розы",
А гордостно "народ – вперед".
Оленин! С нами будь! Ты добрый!
За имажинизм стремись на бой!
Народ вперед за знамя образа,
Не сможешь – черт с тобой!
Есть в мире только образ
вещий,

С.Есенин. Пугачев. Форзац с дарственной надписью

Сравненье – новизна – и ум,
Да очень счастливые вещи,
Которые живут без дум.
Как хорошо: у нас есть тени,
Так как нам не орать.
И будем жить мы по растеньи:
Цвести и расцветать.

Вад. Шершеневич 1919 27 II

А вот автограф Мариенгофа: "Алик, – черт знает что такое, не знаю, что писать – Магдалина высосала. С любовью Анатолий Мариенгоф" (в этом же году вышла малоформатная книжка Мариенгофа "Магдалина" (М.: Имажинисты. 13 с.).

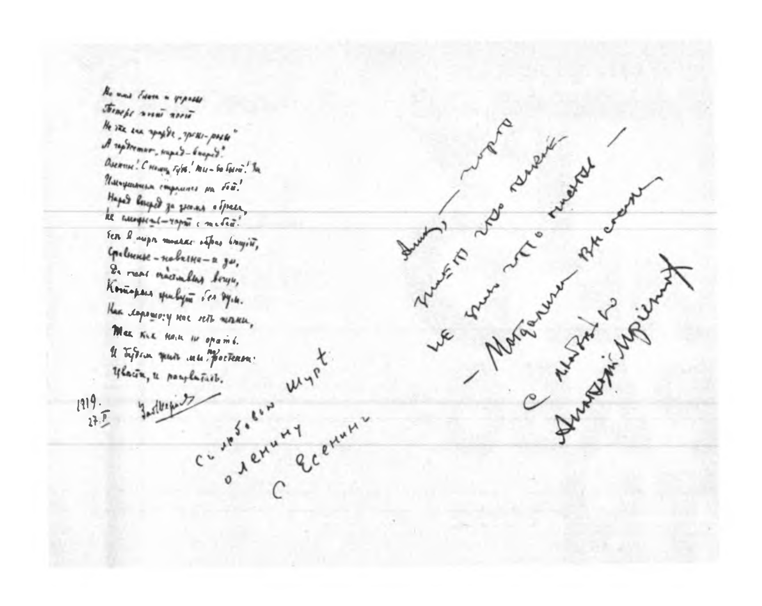
Оставил свой автограф и Сергей Есенин. Он написал: "С любовью Шуре Оленину С.Есенин".

Явь. Обложка художника А.Лентулова. Дарственные надписи А.Мариенгофа, В.Шершеневича, С.Есенина

Александр Оленин был очень популярен в те годы и своими выступлениями на поэтических вечерах, где он читал стихи, талантливо имитируя и шаржируя современных поэтов, в частности Маяковского.

В 1918 году московский Камерный театр должен был поставить пьесу В.Маяковского "Мистерия-буфф", вышедшую первым изданием в 1918 году. Но осуществить постановку не удалось. А в 1923 году пьеса вышла третьим изданием во второй редакции. Это послужило темой для дарственной надписи, сделанной на титульном листе книги В.Маяковского "13 лет работы" (Т. 1, часть 1): "Другу Оленину. В.Маяковский. Не забывайте в своей Камере о Мистерии. 16. II. 23 г." В данном случае имелся в виду Камерный театр и обещанная постановка пьесы.

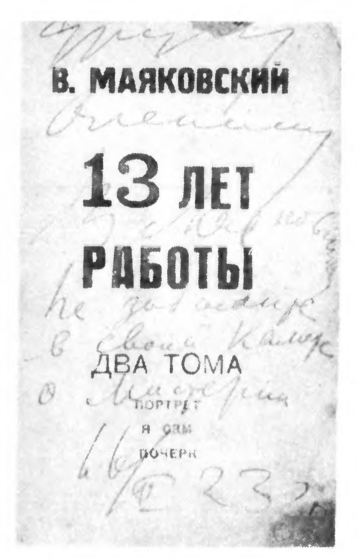
"Дружески Ниночке Манухиной эту редкую книгу – надеюсь в другой Вашей книге я прочту себе посвящение. А.Кусиков. 18.IY".

Эта надпись известного поэта, одного из столпов имажинизма, сделана на самодельной, от руки написанной книге. На заглавном листе обложки: «Александр Кусиков. Стихи. № 1. Домашняя библиотека. К-во „Сандро"». Написано стильными буквами и двумя продольными полосами с орнаментом трех цветов. На обороте: "Издание нумерованное. Количество экземпляров 100. – № 30. Обложка работы и письма Зои Крюковой".

Далее – рукописный стихотворный текст на 13 страницах, все печатными буквами. На обороте последней страницы те же две полосы трехцветного орнамента. Год издания не указан.

Такие самоделки были в обороте книготорговли в первые годы после революции. Писатели и поэты часто

В.Маяковский. 13 лет работы. Обложка и титульный лист с дарственной надписью

собственноручно размножали свои произведения, сшивали в виде брошюр, а тираж в количестве 5 – 10 экземпляров зачастую сами и продавали, что было значительным подспорьем в то тяжелое время. Сейчас эти автографы-брошюры стали большой редкостью.

Описываемая мною книжечка была подарена автором Нине Леонтьевне Манухиной – поэтессе, автору единственной книги стихотворений "Не то... (Лирика)" (Кишинев, 1920). Произведения Манухиной печатались также в различных сборниках и альманахах.

Этот автограф интересен тем, что он написан молодым Николаем Асеевым на редком сборнике его стихов

"Бомба", который издала "Дальневосточная трибуна" (Владивосток, 1921).

Николай Николаевич в те годы находился на Дальнем Востоке и принимал участие в становлении Советской власти в этом регионе.

Дарственная надпись – поэтическая. Но адресат установить не удалось.

Тане Гомолецкой

Когда Тани
Не станет
Рядом со мною
Когда Таня
Станет
Большой и земною
Пусть припомнит она
– Эти строки читая
Как в глазах ее жили: Веселье.
Чита. – Я.

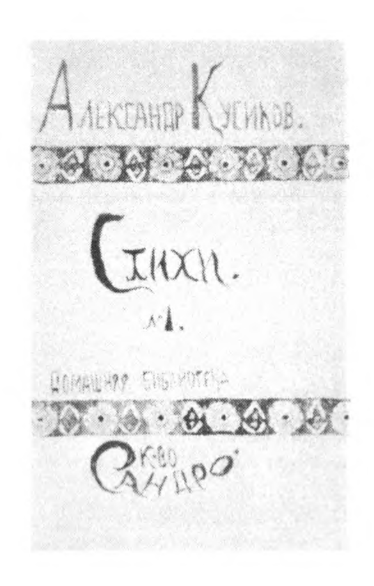
Ник. Асеев. 1921 Y 31 Чита.

Многие библиофилы считали бы себя счастливыми, если бы имели в своих библиотеках автограф такого автора (особенно любители поэзии), как талантливая русская поэтесса Марина Ивановна Цветаева.

Книга "Вечерний альбом" – первая книга Цветаевой – вышла тиражом 500 экземпляров (М., 1910) и уже давно стала большой редкостью.

Экземпляр книги, на котором дарственная надпись автора, – вероятно, первое подношение восемнадцатилетней Марины, и можно предполагать, что оно сделано подруге-гимназистке. Надпись гласит: "Избалованному дикому зверьку – Наде. Марина. Москва. 29 декабря 1910 г."

Этот автограф довольно оригинален. Автор книги дарит ее как бы герою своего произведения. На книге:

А.Кусиков. Стихи. № 1. Обложка. На странице разворота – дарственная надпись. Книга рукописная

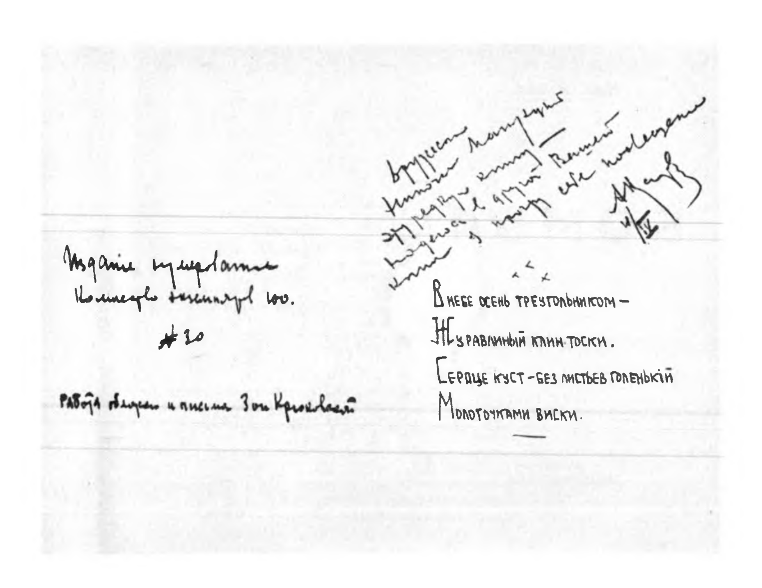
"Евг. Замятин. Блоха. Игра в четырех действиях. Второе издание. Из-во „Мысль", Ленинград, 1926 г."

Надпись гласит: "Милому графу Кисельвроде, урожденному Гейрот.

Евг. Замятин 7–XI – 1925 Петербург".

Эта историческая комедия из жизни "Левши" шла на сцене Московского Художественного театра-второго в постановке А.Дикого, художник Б.Кустодиев. В одной из главных ролей был занят ведущий актер театра А.Гейрот. Он играл графа Кисельвроде.

Наталия Васильевна Крандиевская-Толстая (1883–1963), хорошо знакомая любителям поэзии старшего поколения, талантливый автор нескольких поэтических

сборников, прожила долгую жизнь, включая и блокадный период в Ленинграде. Наталия Васильевна была женой А.Н.Толстого. Ее книги стали библиографической редкостью. Лишь у немногих библиофилов-коллекционеров сохранились ее стихотворные сборники: "Стихотворения" в издании К.Ф.Некрасова (1913), "Стихи. Книга вторая" (Одесса: Омфалос, 1919), "От лукавого. Книга стихов" (М.; Берлин: Геликон, 1922), а также книга для детей "Звериная почта" (Л., 1925).

За время блокады Ленинграда Крандиевская сочинила стихотворный цикл, который войдет в летопись героического города. Он был напечатан в сборнике "Вечерний свет" (Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1972).

В 1943 году Наталия Васильевна подарила подруге Татьяне Сергеевне Пассек свою первую книгу "Стихотворения" (М.: Книгоиздательство К.Ф.Некрасова, 1913) и на форзаце написала стихотворение, возможно, нигде не опубликованное:

Ник. Асѣев.

БОМБА

СТИХИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ТРИБУНА"
Г. Владивосток.
1921.

Тане Гомолицкой

Когда Тани
не станет
рядом со мною
Когда Таня
станет
Большой и земною
Пусть припомнится ока
— эти строки читая
Как в глазах ея пели: веселье
Чита. — Я. —

Ник Асеев

1921, I. 31
Чита.

Н.Асеев. Бомба. Стихи. Обложка и оборот титульного листа с дарственной надписью

1913 г. – 1943 г.

Москва – Москва

* * *

О хлебе думать надоело,
К тому же нет его.
Все меньше сил, все легче тело,
Но это – ничего.

Ведь можно лечь с хорошей книгой,
Пусть за окном пальба!
Беснуйся, дом снарядом двигай,
Не встану – так слаба.

Марина Цвѣтаева.

Вечернiй

альбомъ.

стихи.

Дѣтство. — Любовь. — Только тѣни.

Москва. — 1910.

Марина

Москва, 24 декабря 1910

Вечернiй альбомъ.

М.Цветаева. Вечерний альбом. Титульный лист и шмуцтитул с дарственной надписью

Не оторву утешной грезы
От выдуманных чувств.
Глотаю чай, а с чаем – слезы.
Как страшен мир и пуст!

Ленинград, зима 1941–1942 г.

Танечке Пассек с чувством нежного восхищения,
автор.

12. X. 1943 г. Москва.

Это замечательный поэтический документ Великой Отечественной войны.

Автор целого ряда историко-биографических книг – "Три цвета времени", "Осуждение Паганини", "Черный консул", "Байрон" и других талантливых произведений – Анатолий Корнелиевич Виноградов трагически погиб

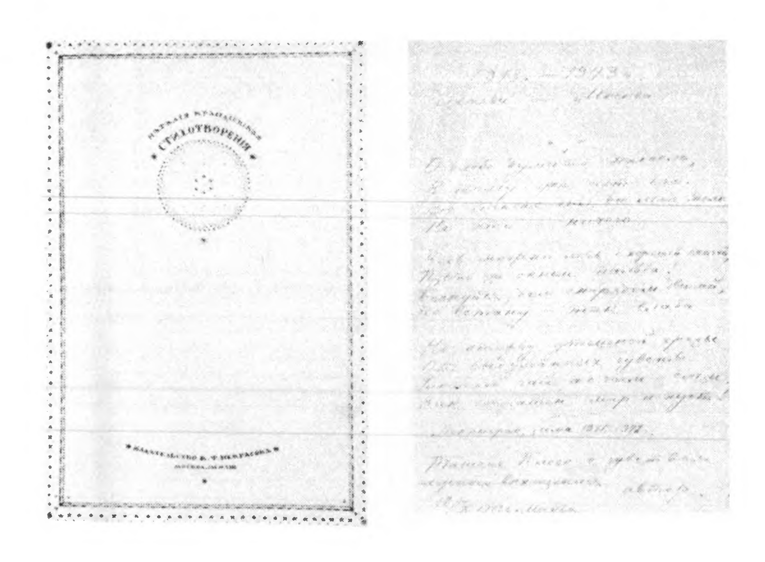

Е.Замятин. Блоха. Обложка и авантитул с дарственной надписью

в 1946 году. Одно время он был директором Государственной библиотеки имени В.И.Ленина, совместно с М.Горьким работал над серией "История молодого человека 19-го столетия".

Книги Виноградова до сих пор переиздаются и пользуются большой популярностью у читателей благодаря занимательному изложению.

Вот пример надписи Виноградова на книге "Стендаль и его время" (М.: Сов. писатель, 1938): "Президенту Академии СССР Владимиру Леонтиевичу Комарову на память о том, как (по свидетельству П.Чагина) он вез в Париж на выставку мою книгу „Мериме в письмах к Дубенской", и в знак того, что наша Родина не только умеет тщательно хранить мировое культурное наследство, но и умеет публиковать его, как велит великая культура советской эпохи, и, конечно, отсюда личное рвение горь-

Н.Крандиевская. Стихотворения. Обложка и авантитул с дарственной надписью

ковского сотоварища. 18 янв. 39 г. Анатолий Виноградов". И дальше адрес и домашний телефон: "Виноградов А.К. Москва-64, ул. Чкалова, 23/25, кв. 48. Тел. К7. 39. 36."

Эта книга издана, можно сказать, роскошно – на хорошей бумаге, с многочисленными фотографиями и факсимильно воспроизведенными на отдельных листах страницами рукописей, переплет серо-белого цвета, с орнаментом.

Анатолий Корнелиевич был большим знатоком и любителем книги, систематически посещал букинистические магазины. Но из-за неуравновешенности характера у него часто возникали осложнения в отношениях с продавцами, товароведами и другими работниками книжных магазинов.

С.Наровчатов. Узор на клинке. Титульный лист с дарственной надписью и фронтиспис

Книга обладает свойством сближать людей, что подтверждается даже тем, какие отношения складываются между работниками книжной торговли и посетителями магазинов, торгующих книгами. Эти добрые отношения продолжаются годами, а то и десятилетиями, и часто переходят в дружбу. Книголюбов, познавших вкус и аромат книги, как магнитом, притягивает книжный прилавок.

Мне за долгие годы работы посчастливилось приобрести много друзей среди книжников. Друзья книги – это и мои друзья. Всегда доставляло удовольствие продать книгу тому, кому она особенно нужна. Будь то студент или автор научной монографии. А сколько радости может доставить редкая книга, пополняющая личную библиотеку библиофила. Удовольствие и просто порекомендовать хорошую, добрую и очень нужную книгу для прочтения и продать ее.

П.Антокольский. Стихотворения. Авантитул с дарственной надписью

С признательностью за мое отношение к людям и книгам некоторые авторы преподносили мне свои книги с дарственными надписями. Таких книг у меня около трехсот, не считая оттисков из журналов и газет. Здесь художественная проза и поэзия, здесь также работы по технике, математике, медицине, спорту, театру и т.д. Эти подарки мне очень дороги. Приведу некоторые из автографов.

В.Каверин. Двойной портрет. 1967.

"Дорогому Льву Абрамовичу от признательного В.Каверина с крепким рукопожатием. 23.XII. 1968".

С.Наровчатов. Узор на клинке. 1971.

"Льву Абрамовичу Глезеру. Остер умом и духом чист великолепный букинист. С.Наровчатов. 28.IX. 77".

Борис Александров. Песня зовет. 1982.

"Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру на добрую память, с уважением. Б.Александров. 15 сент. 1982".

Б.Шахов. Борис Тенин. 1973.

"Милейшему, добрейшему, мудрейшему, книжнейшему Льву Абрамовичу Глезеру. Всегда благодарный, Борис Тенин. 1974".

Павел Антокольский. Стихотворения. 1967.

"Льву Абрамовичу.
Среди московских букинистов
Ты как поэт всегда неистов,
И как поэт неколебим,
А девушками... как любим!
Павел. IX. 70".

Александр Бек. Волоколамское шоссе. 1962.

"Другу писателей – главному инженеру книжного магазина „Друг" Льву Абрамовичу Глезеру на добрую память. А.Бек. 1.XI.63".

Арнольд из Вилановы. Салернский кодекс здоровья. 1964.

"Уважаемому Льву Абрамовичу. Старому знатоку и любителю книги на добрую память от переводчика и редактора. 24.IY.65. В.Терновский. Юрий Шульц".

И.Р.Гальперин и др. Учебник английского языка. 1963.

"Моему новому другу (который, может быть, лучше старых двух) Льву Абрамовичу Глезеру от редактора и одного из авторов этой книги. И.Гальперин. 25.II.69".

Семен Шуртаков. Одно на всей земле. 1971.

"Льву Абрамовичу – с самыми добрыми новогодними пожеланиями и робкой надеждой на то, что среди прекрасных книг Вашей библиотеки найдется место и для этой скромной брошюры. С.Шуртаков. 3 января 1972. Москва".

Василий Ардаматский. Две дороги. 1973.

"Дорогой Лев Абрамович, дарю Вам эту книгу в знак моей благодарности за то, что Вы всегда помогаете мне работать.

И еще: будьте здоровы! Василий Ардаматский".

Ю.Коротков. Писарев. 1976. ЖЗЛ.

"Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру. С дружеским чувством и сердечной благодарностью за многолетнее содействие в комплектовании библиотеки, без которой ни эта книга, ни многое другое в жизни автора могло бы и не состояться. Ю.Коротков. 9 мая 1977 г. Москва".

Григорий Бакланов. Пядь земли. 1973.

"Льву Абрамовичу Глезеру, последнему из книжных могикан, – сердечно Бакланов. 12.Y.74".

Герман Абрамов. В путь-дорожку с удочкой, с лукошком. Стихи. 1973.

"Многоуважаемому Льву Абрамовичу, тонкому ценителю поэзии, рыцарю книги, – мои самые добрые пожелания добра и здоровья. Г.Абрамов. 16 мая 1973 года. Москва".

А.Котов. Шахматное наследие А.А.Алехина. 1953.

"Дорогому Леве Глезеру в знак многолетней дружбы. А.Котов. 27.12.53".

Василий Ардаматский. Последний год. 1977.

"Дорогой Лев Абрамович, имею все основания сказать так: мою склонность к документальности Вы вооружили пониманием, что не только документы, но и всякая книга – свидетель своего времени – плохой ли, хороший ли, но свидетель. Спасибо Вам за это сердечное и дай Вам бог здоровья. В.Ардаматский.

Ираида к этому присоединяется и шлет Вам сердечный привет. В.А."

Леонид Леонов. Русский лес. 1974.

"Льву Абрамовичу Глезеру на добрую память о нашем книжном знакомстве и литературных беседах о всяких библиофильских диковинках. С уважением от автора. 20 дек. 1974".

Лев Колодный. Главный Кремль России. 1983.

"Льву "Пушкинской лавки" от Льва из "Московской правды". Лев Колодный. 10 декабря 83 г."

Ю.Феофанов. Пестрая лента. 1973.

"Льву Абрамовичу с самым искренним уважением к Вам и к Вашему благороднейшему труду. От автора. Ю.Феофанов".

В.Ардаматский. Последний год. Титульный лист, фронтиспис и форзац с дарственной надписью

Э.Брагинский, Э.Рязанов. Берегись автомобиля. 1965.

"Дорогому Льву Абрамовичу с самыми лучшими и добрыми пожеланиями. Э.Рязанов. 11. XII. 65".

Б.Голубовский. Лицо автора в спектакле... 1972.

"Уважаемому и милому Льву Абрамовичу – не для того, чтобы читать, а в знак уважения к Вашим знаниям и совместной любви к книгам. Ваш Б.Голубовский. 19. IV. 72".

Кукрыниксы. Политическая сатира. 1973.

"Дорогому Льву Абрамовичу с большим уважением, сердечно. М.Куприянов – Кукрыниксы. Июль 1974".

Сигизмунд Кац. Дорогами памяти. 1978.

"Льву Абрамовичу Глезеру на добрую, долгую

добрую и бодрую память от искренне уважающего и любящего С.Каца – автора этих строк".

Б.Чирков. На экране и за экраном. 1961.

"Льву Абрамовичу с искренней симпатией и с благодарностью. Борис Чирков. 16. XI. 61".

Сергей Островой. Я люблю. Новые стихи. 1962.

"Дорогому Льву Глезеру – старинному моему другу – от души, с добрым чувством. Сергей Островой. $19\frac{1}{2}63$".

Евгений Жарковский. Люди и песни. Песня в строю. 1978.

"Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру с самыми добрыми пожеланиями. Е.Жарковский. 10. VII. 79".

Евгения Таратута. По следам "Овода". 1962.

"Другу книги и другу книжников дорогому Льву Абрамовичу Глезеру с благодарностью за помощь в работе. От Е.Таратуты. 18. XII. 62".

Г.Рыклин. Если память мне изменяет... 1968.

"Льву Абрамовичу Глезеру – большому книжному

Л.Леонов. Русский лес. Переплет и форзац с дарственной надписью

Льву, большому знатоку книги, книголюбу, которого уважают все книголюбы. Г.Рыклин. 19 ноября. 1968".

В.О.Витт. Практика и теория чистокровного коннозаводства. 1957.

"Ценителю редкой книги глубокоуважаемому Льву Абрамовичу Глезеру. На добрую память от автора. 9.III.62. В.Витт".

М.М.Ботвинник. Аналитические и критические работы. 1923–1941. 1984.

"Старому другу Льву Абрамовичу Глезеру новые добрые пожелания здоровья и успехов. М.Ботвинник. 31.7.84".

Б.Израилевский. Музыка в спектаклях Московского Художественного театра. Записки дирижера. 1965.

"На добрую память большому знатоку книги, глубо-

М.Ботвинник. Аналитические и критические работы. Титульный лист с дарственной надписью и фронтиспис

коуважаемому Льву Абрамовичу Глезеру. От автора. Б.Израилевский. Москва. Июль 1966".

Евг. Евтушенко. Стихи разных лет. 1959.

"Дорогой мой Лев Абрамыч,
В вашем взгляде – мудрость лет.
Если только Вас обрамишь –
будет времени портрет.
Е.Евтушенко. 9 июля 1970".

Г.Н.Абрамович. Прикладная газовая динамика. 1969.

"Глубокоуважаемому Льву Абрамовичу Глезеру, видевшему тысячи книг более содержательных и лучше оформленных. Назначение этого экземпляра подчеркнуть теплое отношение автора. Г.Абрамович".

Е.Евтушенко. Стихи разных лет. Титульный лист и оборот титульного листа с дарственной надписью

Д.И.Бронштейн. Международный турнир гроссмейстеров. 1983.

"Старейшине библиофилов и другу библиофилов, маэстро Льву Абрамовичу Глезеру с сердечной благодарностью за уроки книжной мудрости. 21 июня 1983 года. Д.Бронштейн".

А.Аникст. Шекспир. 1969. ЖЗЛ.

"Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру, другу в дни войны и мира. От автора. А.Аникст".

Ол.Ласунский. Власть книги. 1966.

"Льву Абрамовичу Глезеру с пожеланием многих библиофильских удач. От автора. Ол.Ласунский. 12 $\frac{2}{\text{II}}$-67. Воронеж – Москва".

Вл.Лидин. Друзья мои – книги. Заметки книголюба. 1966.

"Испытанному книжнику Льву Абрамовичу Глезеру на добрую память. В.Лидин. 11 марта 1966. Москва".

Альманах библиофила. Вып. 2. 1975.

"Дорогому Льву Абрамовичу Глезеру от собрата по любви к книге. А.Маркушевич. 1.XI.1975. Москва". (Автор одной из статей альманаха.)

В.В.Похлебкин. СССР – Финляндия: 260 лет отношений. 1976.

"Глубокоуважаемому Л.А.Глезеру – выдающемуся букинисту – не букинистическую и не антикварную книгу, в создании которой много помогли книги XYIII века – начала XIX века на память от постоянного покупателя – автора. В.Похлебкин. 18.08.76".

Леонид Мартынов. Стихи. 1957.

"Льву Абрамовичу Глезеру. От всей души. Леонид Мартынов. 20.YIII.57".

А.Л.Машкиллейсон. Кортикальные стероиды... 1965.

"Дорогому Льву Абрамовичу для подготовки к вечеру „Хочу все знать". А.Машкиллейсон. 10.YII. 1965 г."

М.Л.Краснов, Г.И.Макаренко. Операционное исчисление. Устойчивость движения. 1964.

"Знаменитому лоцману книжных морей в знак уважения. 9.I.65. Краснов".

Сергей Зыков, Вадим Кассис и др. Смерть при жизни. 1978.

"Дорогому другу и великому знатоку книги – Льву Абрамовичу, с уважением. В.Кассис. 20/X.77. Москва".

З.Паперный. "Чайка" А.П.Чехова. 1980.

"Я читатель, скромный „Leser",
Хоть имеются „труды",
Вам я, Лев Абрамыч Глезер,
Говорю Алла-Верды!
Я желаю – не иначе!

На классической тропе
Безотказной Вам удачи
В людях, книгах и тэ пэ.
Пожелание здоровья
От Паперного Зиновья
Вам на много, много лет!
И – ле хаим, и – привет!
Ваш З.Паперный. 28.III.82 г."

Каждый автограф, написанный в альбом или книгу, делается, как правило, экспромтом, то есть без подготовки, под непосредственным впечатлением. Вот таким образом и родились два экспромта, сделанные известными поэтами – моими друзьями, но не на книгах.

На работе в магазине "Пушкинская лавка" я часто бываю очень занят: выписываю квитанции на покупаемые книги, помогаю оценивать книги трем моим помощникам. Посетители, которым нужно со мной поговорить, обычно ждут, пока я освобожусь.

Однажды поэт Павел Григорьевич Антокольский в ожидании встречи со мной находился в кабинете директора магазина. Вероятно, ему стало скучно, и тогда на первом попавшемся в его руки листке (а это оказался бланк расходного кассового ордера) он написал на обороте:

"Лев Абрамыч, Лев Абрамыч!
Если ты мой стих обрамишь
И повесишь на стене –
То среди почетных грамот
Будет этот стих как память
О советской старине.

И как крепкая сивуха
Он шепнет домашним в ухо –
Дескать, жил да был такой-сякой
Пал Григорьич Антокольский,
Шел по улице он скользкой
И прихрамывал с клюкой.

Ждал седьмого тома Блока,
Ждал года, вздыхал глубоко,
Утешался тем, что ты
Исполняешь обещанья.
Обнимаю на прощанье
Рядом с МХАТом... Рифмы нет.

П.А. 29 сент. 71 г.”

В таком же положении оказался Е.А.Евтушенко: в ожидании он находился по ту сторону прилавка, где были люди, продающие книги. Евгений Александрович до этого долго у нас не был – ходили слухи о его болезни. Спросить его об этом я счел неудобным и ограничился вопросом: ”Что это Вас так давно не видно?” Будучи узнанным публикой и не желая, чтобы слышали другие, он попросил у меня листок бумаги и экспромтом написал:

Врач лечащая сказала виновато –
Сердечишко у Вас великовато,
И пульс, простите, проявляет прыткость,
И в печени – Вы много пьете? – жидкость...

Пошла борьба с рассвета до рассвета
За уменьшенье сердца у поэта.
И будто бы невинная девчонка,
Ушла под ребра винная печенка.

Евг.Евтушенко

Автограф на книге – свидетельство и подтверждение уважения и приязни автора книги к адресату надписи. Когда же я беру в руки старую книгу с автографом, я особенно остро ощущаю духовную связь поколений, слышу голоса давно ушедших людей. Автографы, как и книги, являются вечной памятью человечества.

И в шутку и всерьез о книжниках

В практике работы товароведа-букиниста бывают встречи с книгами, которые могут вызвать улыбку или недоумение.

Книга известного философа и математика Э.Кольмана "Предмет и метод современной математики", изданная в Москве в 1936 году, по содержанию серьезная, сам автор достаточно авторитетен.

После заглавного листа, в правом верхнем углу, посвящение автора: "Е.Концевой, вдохновителю, верному помощнику..." Предисловие и каждая из глав книги начинаются с буквы, клишированной в рамке. Сложив все эти буквы, можно прочитать: МОЕЙ КАТИНКЕ. Раскрыв секрет шарады, я невольно улыбнулся.

А как можно расценить такое? В 1906 году в издательстве "Знание" в серии "Дешевая библиотека" вышла книга. Читаем текст на обложке: "Адольф Гепнер. Икарийцы в Северной Америке. Перевод с немецкого Л.Громозовой. Под редакцией В.Величкиной". Далее цена 10 коп., внизу – издательство, год и место издания. Перевернув обложку, видим на титульном листе те же данные, но автор – Альберт Тюрлян.

В знаменитом издании А.С.Суворина "Путешествие из Петербурга в Москву" А.Н.Радищева, чрезвычайно редком и дорогом, напечатанном в количестве 100 экземпляров, на титульном листе Радищев имеет инициалы А.И. (?), хотя он – Александр Николаевич.

В моем личном экземпляре, принадлежавшем Як.Долбышеву, известным московским переплетчиком Т.И.Гагеном сделан роскошный кожаный переплет с золотым тиснением на корешке и сторонках переплета, с шикарным форзацем с золотым ободком. И та же ошибка в инициалах – А.И.Радищев.

Уже в наше время, в двадцатых годах, была выпущена книга о шахматах Е.Боголюбова. На обложке напеча-

тано вместо "е2 – е4" – "2е – е4". Вот это опечатка! Опечатка на обложке!

Старшее поколение книголюбов, вероятно, помнит веселую библиотеку "Бегемот", которая издавалась в Ленинграде "Красной газетой". Книги выходили в синих обложках, а в середине, в белом овале, всегда портрет автора. Так вот в № 38 этой библиотеки, в книге "В павлиньих перьях", вышедшей в 1927 году (перевод с английского О.А.Ш.), автор – В.Джекобс, а на обложке женское лицо – портрет работы Сварога. В чем же дело? Ведь Джекобс – мужчина. Оказывается, на обложке – портрет переводчицы. Надо отдать должное редакции: в своем предисловии она это с юмором оговорила.

Книга "Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–21 гг." издавалась трижды. Так вот, во втором издании, вышедшем в трех выпусках в 1924 году в Госиздате, на странице 65 второго выпуска напечатано: Куусинен, Отто Вилли – вождь Коммунистической партии Финляндии, убит предательской пулей в феврале 1920 года в Финляндии. Далее идет подробная биография Куусинена. Когда я прочитал ее, то с удовлетворением установил, что ранее была допущена ошибка. Куусинен Отто Вильгельмович прожил долгую жизнь, занимал высокие посты, многое сделал для процветания нашей страны. Скончался он в 1964 году.

Небезупречны в своей работе и мы, работники книжной торговли.

В "Альманахе библиофила" № 10 напечатаны воспоминания старого букиниста В.Н.Алексеева, где он описывает начало своей работы в "Книжной лавке писателей" в 1933 году: «Как-то раз стою за прилавком. Подходит покупатель и спрашивает, поступила ли книга Гладкова „Цемент". Я подумал и говорю: „Спросите в отделе научной литературы, а здесь у нас только художественная". Покупатель внимательно посмотрел на полку и сказал: "Молодой человек, мне кажется, что сюда каким-то чудом все же затесалась одна научная монография"». Далее Алексеев пишет, что, покраснев до ушей, он подал покупателю

нужную ему книгу. Ну а потом выяснилось, что покупателем-то был сам Федор Васильевич Гладков.

Среди книжников ходит анекдот, но, к сожалению, описываемое было в действительности. В одном московском магазине спросили знаменитую книгу Н.Островского ”Как закалялась сталь”, и того, кто спрашивал, направили в отдел технической книги. Такая же история произошла и с романом из крестьянской жизни – книгой И.И.Макарова ”Стальные ребра”.

В 1948 году в один из магазинов Москвы принесли для продажи книгу А.С.Пушкина ”Полтава” издания 1829 года. Это первое, редкое издание книги. Заплатили за нее 80 коп. Оценили в 1 руб. ”Ошибка” вскоре была обнаружена старшим товароведом. Книгу переоценили в 75 рублей и соответственно доплатили ее владельцу.

Другой случай произошел сравнительно недавно. Принесли для продажи прижизненное издание ”Героя нашего времени” М.Ю.Лермонтова 1841 года, очень редкое издание. Товаровед магазина от покупки отказался, мотивируя тем, что книга есть в достаточном количестве в новом издании. Конечно, подобный факт – проявление полнейшей безграмотности товароведа магазина.

Был и такой случай. Приносят для продажи книгу А.А.Агина «Сто рисунков из сочинения Н.В.Гоголя „Мертвые души”». Отличный экземпляр, что придает изданию дополнительную ценность. Сохранились даже желтые обложки. После оценки, выписки квитанции и получения денег гражданин вернулся ко мне и сказал, что в двух магазинах в покупке отказали, заявив: ”Экземпляр не полный, а значит, дефектный. В нем только 72 рисунка”. На деле же первое издание рисунков Агина 1846 года так и не вышло в свет полностью из-за разногласий, возникших между издателем и представителем автора. Последующие издания содержали: второе – 100 рисунков, третье – 104 рисунка.

Однажды раздался телефонный звонок. Вызывает меня мой молодой коллега – товаровед одного из наших магазинов, занятый покупкой книг у населения. Вопрос

ко мне: "Во сколько оценить сочинения Еврипида? Отвечаю, что если в издании Сабашникова, все три тома, без переплета, в хорошем состоянии, в серых обложках, то примерная их стоимость такая-то. Неожиданно вполне серьезно задается вопрос: "А во сколько оценить том с автографом автора?" Мы с сотрудниками до сих пор вспоминаем этот случай и смеемся. Ведь Еврипид, знаменитый греческий писатель-драматург, жил за несколько сот лет до рождества Христова.

Много лет мне довелось трудиться под руководством директора магазина, имевшего большой стаж работы в этой должности. Его знала вся книжная Москва. И вот однажды на моем заявлении о предоставлении мне отгульных дней директор написал: "Сагласинь". В одном слове три ошибки!!!

Как-то нашему магазину предложили купить Собрание сочинений Ф.М.Достоевского. И этот же директор спросил: "А чей перевод?" Или – магазину предложили Полное собрание сочинений А.Герцена под редакцией М.Лемке, изданное в 20-е годы. Директор ответил: "Не подойдет, есть новые переводы".

Немало забавных и смешных историй можно рассказать и о покупателях, владельцах книг.

В 1957 году, когда запустили первый искусственный спутник Земли, стал заметен повышенный спрос на книгу В.Пановой "Спутники". Особенно большой интерес проявили иностранцы.

В магазин № 28, где я работал, однажды пришел гражданин, видимо, из провинции, и умолял меня достать ему сказочки "Дикий Мирон" (сочинение Бочкарева). Можно лишь догадаться, что́ он имел в виду – конечно, "Декамерона" Боккаччо.

Нам часто звонят по телефону как из Москвы, так и из других городов, предлагая различные книги. Вот один из таких звонков – предложены книги по искусству на "импортном" языке.

Как-то явился в магазин товарищ, по всей вероятности с Кавказа, в поисках отдельных томов сочинения "Цинандаля". Оказалось, что нужен Стендаль.

Однажды спросили, нет ли у нас сочинений Барнеса? После долгих наводящих вопросов выяснилось, что нужен Бернс.

Бывает и так, что приносят в магазин книгу, в которой нет ни заглавного листа (титула), ни конца, и пытаются выяснить название и автора книги.

А это я увидел только раз в своей многолетней практике. Маленькая комната в коммунальной квартире, примерно в 8–9 квадратных метров. Из мебели – только кровать и маленький столик в виде тумбочки у изголовья. Вся же комната от пола до потолка – в книгах. Причем никаких шкафов и полок – книги аккуратно сложены, как кирпичи, в штабеля. В основном издания 1945–1947 годов, причем по несколько экземпляров одного и того же названия. Все книги нами были куплены. Впоследствии я узнал от коллег, что клиент любил "толстые" книги, систематически покупал их и, не читая, складывал. Этот, с позволения сказать, "книголюб" страдал манией накопительства.

Вспоминается мне и такой случай. Наследники, два сына, делили между собой библиотеку отца. Парадоксально, но факт – тома собрания сочинений одного и того же автора они делили поровну, то есть том одному, том – другому. В результате у каждого оказались разрозненные тома сочинений.

Одна из моих помощниц купила книгу. Книга обыкновенная, ничем не примечательная. Это урду-русский словарь, изданный в 1951 году в Москве. Авторы ее – В.М.Бескровный и В.Е.Краскодемский. Книга толстая – 844 страницы. В переплете.

По привычке, выработанной за много лет, перед выдачей книги в продажу я просматриваю ее. Неожиданно обнаружил, что в начале и в конце издания оставлено по несколько страниц, а в середине книги вырезан квадрат размером примерно 9 на 9 сантиметров. В углублении лежит пластмассовая коробочка, пустая. Что в ней лежало – неизвестно. Можно только гадать!

Случаи, когда владельцы книг оставляют в них

свои предметы, часты. Однажды в книге забыли очень редкую английскую почтовую марку.

В 1946 году я покупал Малую Советскую Энциклопедию и в ряде томов обнаружил деньги – купюры в 30 руб. достоинством. Деньги были действующие, и сумма довольно большая. Стал я их выкладывать на глазах у владелицы книги. Увидев деньги, она заплакала. Дело в том, что эти деньги в семье посчитали украденными и обвинили домашнюю работницу, проработавшую в этом доме более 20 лет.

Совсем недавно при покупке книг в одной из них обнаружили партийный билет. Естественно, надо было сдать в нашу партийную организацию. К счастью, на следующий день явился владелец, и мы его успокоили. Он тут же от волнения упал в кресло. Все кончилось благополучно.

А сколько раз в книгах находили облигации, различные справки, письма, сберегательные книжки и многое, многое другое.

А эта находка, о которой мне хочется рассказать более подробно, представляет особый интерес. Речь идет о находке в книге "Часы" А.М.Ремизова, изданной в 1908 году, кстати очень редкой, как и большинство книг этого автора.

Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) был довольно известным писателем. До революции у него вышло 27 книг, из них 2 собрания сочинений: одно в издании "Сирина" (8 т., 1910–1912), другое – в издании "Шиповника" (8 т., 1910–1912).

Ремизов – большой экспериментатор в области формы. Используя архаичную лексику и синтаксис, он писал таким слогом, в котором было много причудливых и странных оборотов. Ремизов прекрасно владел рисунком, дополняя им недописанное.

Вот названия некоторых его книг и произведений – "Докука и балагуры" (русские сказки), "Чучело-чумичело", "Трава-мурава", "Укрепа" и т.д.

В своем воображении писатель создал "Обезьянью великую вольную палату" и ее царя Асыку. Часто своих

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЦАРЬ ДОДОНЪ

РИСУНКИ
Л. БАКСТА

ОБЕЗЬЯНЬЯ ВЕЛИКАЯ ВОЛЬНАЯ ПАЛАТА
MCMXXI

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ЗАВѢТНЫЕ
СКАЗЫ

1) ЦАРЬ ДОДОНЪ. 2) ЧТО ЕСТЬ ТАБАКЪ 3) ЧУДЕСНЫЙ УРОЖАЙ. 4) СУЛТАНСКІЙ ФИНИКЪ.

„АЛКОНОСТЪ" MCMXX ПЕТЕРБУРГЪ

А.Ремизов. Царь Додон. Обложка. Заветные сказы. Титульный лист. Издания "Обезьяньей великой вольной палаты"

друзей он награждал почетным званием кавалера этой палаты. Под маркой "Обезьяньей палаты" в издании "Алконоста" писатель выпустил в 1920–1921 годах две небольшие книжечки – "Царь Додон" и "Заветные сказы" – тиражом 333 экземпляра каждая. Ремизов мечтал, собрав эти и другие сказы, создать русского "Декамерона".

В 1921 году писатель эмигрировал. В последние годы своей жизни проявлял большой интерес к Советскому Союзу. Любопытно, что в течение всего времени пребывания в эмиграции он оставался гражданином Советского Союза.

Но вернемся к книге "Часы". Книга имеет дарственную надпись: "Варваре Дмитриевне Розановой А.Ре-

мизов в канун ея ангела 3 декабря 1908 год". Варвара Дмитриевна — жена популярного в те годы публициста и философа, автора многочисленных книг — Василия Васильевича Розанова. Особо модными были его "Опавшие листья", изданные Суворином в 1913—1915 годах в двух томах (коробах). Это издание до сих пор пользуется большим спросом у книголюбов и ценится довольно высоко.

Так вот в книге "Часы" был найден сложенный пополам листок. Рукою А.Ремизова на сложенном листке написано следующее заявление:

"В Петрогубкоммуну

В отдел снабжения предм<етами> перв<ой> необход<имости>.

Члена репертуарной коллегии ПТО писателя Алексея Ремизова.

П р о ш у о б о т и н к а х и к а л о ш а х — и з д ы р я в и л и с ь — 25 I 1921

Алексей Ремизов".

Заявление написано характерным для него почерком — вычурно, витиевато, с оригинальными завитушками.

Под заявлением:

Подпись гр<ажданина> Ремизова по месту его службы в Петрогр<адском> театр<альном> отделении свидетельствую.

Завед<ующий> Общ<ей> канц<елярией> ПТО

Д.Захаров".

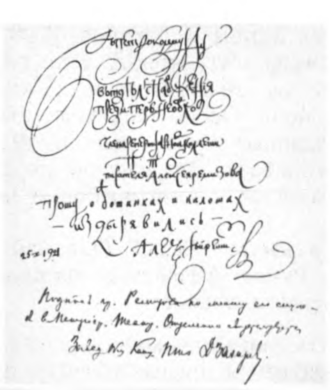
Подпись подтверждена круглой печатью.

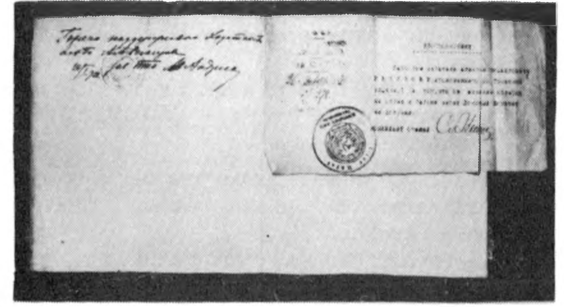
Внутри сложенного листа на третьей его странице — вклейка со штампом отдела Управления Петросовета (Первый отель от 26 января 1921 года под номером 378). Далее:

"Удостоверение

Дано сие писателю Алексею Михайловичу Ремизову, проживающему по Троицкой ул. 4 кв. 1, в том, что он

8 Зак. 1586

Автограф заявления А.Ремизова и справка

никаких ордеров на обувь и галоши через Домовой комитет не получал.

Комендант отелей (подпись)".

На справке – круглая печать. Наконец, на обороте основного заявления писателя – резолюция:

"Горячо поддерживаю ходатайство поэта А.М.Ремизова.

Зав. ПТО М.Андреева
26/I 1921".

Мария Федоровна Андреева — выдающаяся актриса русского театра, активная участница революционного движения в России, жена Максима Горького. В первые годы Советской власти занимала ряд руководящих должностей в управлении театрами.

Факт подачи такого заявления — свидетельство неустроенности, трудностей быта творческой интеллигенции в те далекие годы. Сам же листок — хранитель автографов двух известных представителей нашего искусства — А.Ремизова и М.Андреевой.

Если бы начать жизнь снова

У меня иногда спрашивают, как стать знающим товароведом-букинистом? Вопрос интересный. Чтобы ответить на него, расскажу немного о том, как раньше учили книжному делу, как стал букинистом я сам.

До революции ученичества в нашем сегодняшнем понимании не было. В книжный магазин приходили по рекомендации мальчики из деревни и служили на побегушках. Иногда им доверяли отнести книги покупателю на дом или подобрать в других книжных магазинах нужные постоянным клиентам издания. Только через несколько лет мальчиков допускали к прилавку, непосредственно к работе с книгой. В книжном деле того времени практика была основой всех основ.

Первое поколение советских книжников, к которому принадлежу и я, появилось примерно в 1923–1924 годах, когда открылись государственные книжные магазины.

Покупка книг у населения в то время производилась только частным сектором букинистической торговли.

Государственные книжные магазины стали покупать книги у населения в 1930–1931 годах. Тогда-то и родилась советская букинистическ я торговля, в которой я проработал всю жизнь.

Чтобы быть хорошим букинистом, необходима практика, общение с покупателем. Нужно изучать книгу и прислушиваться к спросу на нее со стороны покупателей. Букинист должен много читать, в том числе словари, библиографические издания, энциклопедии, справочники, аннотации вновь выходящих книг. Везде, где можно, черпать сведения о новых и старых книгах. Считаю, что товаровед букинистической книги, занимающийся покупкой и оценкой старой книги, должен сначала несколько лет проработать продавцом. Но и став товароведом, обязан постоянно следить за нуждами прилавка. Иначе он потеряет связь с жизнью, не будет знать конъюнктуры книжного рынка, спроса покупателей.

Сейчас книготорговцев готовят в профессионально-технических училищах, в книготорговых техникумах и полиграфических институтах. В полиграфическом институте они изучают многие полезные дисциплины, но, по моему убеждению, только работая в книжном магазине, они смогут приобрести практические знания и навыки. Однако и приобретя опыт работы в магазине, книготорговец не всегда сможет самостоятельно определить цену на старинные издания. Ведь эти издания исчезают из оборота книжной торговли. И следовательно, практика работы с ними фактически отсутствует. А в каталогах-прейскурантах цены на многие старинные издания не отражены.

Чтобы стать букинистом, нужно еще и, наверное, в первую очередь любить старую книгу. Не забывать цель букинистической торговли — дарить книге новую жизнь. Старая книга — такой же памятник культуры, как и произведения живописи, ваяния, прикладного искусства. Старые книги — не только хранители прошлого, очень часто они становятся источником новых открытий в различных областях человеческого знания.

Не менее важный вопрос, чем знание книг, — правильная оценка их в денежном выражении. Вопрос о том, как правильно оценить книгу, предложенную магазину ее владельцем, является часто предметом спора даже

Государственный музей В.В.Маяковского. Клуб друзей книги. Пригласительный билет

между опытными букинистами. Оценка книг – дело сложное, требующее от товароведа больших знаний и опыта и, если хотите, какого-то особенного чутья книжника. Даже в московских магазинах книга оценивается по-разному.

Букинистические магазины располагают сейчас несколькими каталогами-ценниками. Над составлением их работали опытные специалисты. При оценке старых книг в основном мы придерживаемся указанных в каталогах цен, но разнобой в определении цены ряда изданий все же имеет место. В Москве одна и та же книга в одном магазине стоит 10 рублей, в другом – 25 и т.д. И это отнюдь

не свидетельство того, что один букинист более знающий, опытный, а другой менее опытный.

Чем объяснить такой разнобой в определении цены?

Есть такие издания, которые за последние годы в один магазин не поступали вообще, в другом же – встретились несколько раз. Отсюда разное к ним отношение и разная цена. Это касается, конечно, сугубо редких изданий.

К сожалению, недостаточный опыт и низкая квалификация некоторых товароведов приводят и к таким фактам. Одному магазину, как я уже говорил, предложили купить первое издание "Героя нашего времени" М.Ю.Лермонтова (1840 г.). Товаровед от покупки отказался, сославшись на имеющееся в достаточном количестве новое издание этой книги стоимостью в 30 коп. В другом магазине ту же книгу оценили в 3 руб. Экземпляр "Героя..." посчастливилось приобрести нашему магазину за 150 руб. Это произошло, кажется, в 1950 году. И такой случай не единственный.

Проходят годы, десятилетия – меняются интересы и вкусы у собирателей-книголюбов. Это тоже надо учитывать. Когда после войны начали выходить собрания сочинений советских писателей, а также русских и иностранных классиков, у книголюбов несколько охладел интерес к изданиям А.Ф.Маркса, М.О.Вольфа, А.И. и И.П.Глазуновых и других дореволюционных издателей. Прошло время, и книголюбы увидели, что в новые издания зачастую вошло не все созданное автором, и снова повысился интерес к старым изданиям.

В последние десятилетия сильно возрос спрос на издания двадцатых годов, которые выходили небольшими тиражами, особенно на поэтические издания, книги по литературоведению, искусству, истории гражданской войны, переводную художественную литературу, первые издания Маяковского, Есенина, Булгакова, Бабеля и многих других авторов, а также на иллюстрированные издания с гравюрами, литографиями художников Бенуа, Фаворского, Добужинского, Кустодиева. Вот где нужны

каталоги-ценники. Совершенно ясно, что уже давно назрел вопрос об издании каталогов-ценников на книги по русской истории, философии, медицине.

Цены на книги в каталогах всегда устанавливали комиссии из опытных товароведов Москвы и Ленинграда. Последний каталог-ценник по всеобщей истории разработал факультет книжной торговли Московского полиграфического института. В нем оказалось много ошибок, в основном в оценке книг. Факультет МПИ провел большую и нужную работу по библиографическому описанию книг по всеобщей истории. Но оценка книг – не функция факультета. Не всегда комиссия даже из опытных букинистов приходит к единому мнению в оценке отдельных изданий. Откуда же факультету знать цены на книги? Если бегло просмотреть этот ценник, то можно легко заметить, что цены на большинство книг комиссия по пересмотру и переоценке повысила в два раза, а то и больше по сравнению с оценкой, сделанной факультетом МПИ.

В некоторых случаях проявилась полная некомпетентность. Приведу несколько примеров.

Книга Г.Мабли "Размышление о греческой истории..." 1773 года издания (эта книга переведена на русский язык А.Н.Радищевым) является большой редкостью. Вот что пишет о ней Н.П.Смирнов-Сокольский: "Оказавший мне помощь в приобретении „Размышления" А.Г.Миронов удостоверяет, что он почти за полувековой период работы с антикварной книгой впервые провел этот труд Радищева через свои руки".

И вот такую редкость оценили в 16 руб.?! После пересмотра цена книги была установлена в 250 руб. Думаю, что и это не предел ее стоимости.

"Феатрон, или Позор исторический" 1724 года издания. Эта книга, напечатанная в Петровское время, всегда была редка и ценилась высоко, как и большинство книг, изданных при Петре. Оценка в 75 руб. исправлена на 250 руб.

"История евреев от древних времен до настоящего" Г.Гретца в 12 томах издана в Одессе в 1903–1909 годах.

Встречается в продаже редко. Первоначальная цена – 200 руб., в переоценке – 600.

"Этнография" Н.Н.Харузина в 4 томах 1901–1905 годов издания – этот классический труд выдающегося ученого встречается в продаже весьма редко. Первая оценка – 15 руб., после исправления – 125 руб. Именно так оценена книга в разделе "Фольклор" под № 1762 каталога-прейскуранта "Научная и справочная литература – искусство".

Список можно было бы продолжить. Но и этих примеров достаточно, чтобы убедиться – оценкой книг следует заниматься опытным товароведам-букинистам.

Букинист должен быть своего рода энциклопедистом. Оперируя книгами по различным отраслям знаний и науки, он должен бесконечно любить свое дело. Но и этого мало. С начала XIX столетия ежегодно выходит великое множество названий книг, в которых разобраться не так-то просто. Ученые создали науку – библиографию. Иначе говоря, книгоописание. Вот эта библиография и должна прийти на помощь букинисту. Она рассказывает о книгах давно вышедших и вновь выходящих, раскрывает всю картину сложного книжного мира, учит смотреть на книгу не только как на товар, но и прежде всего как на высшую духовную ценность.

Букинист обязан свободное время посвятить изучению библиографии. Это поможет ему расширить кругозор, повысить культурный уровень, знания. Библиография – многоаспектная наука, и во всех аспектах книготорговому работнику изучать ее не обязательно Но есть библиографические труды, прочтение и изучение которых абсолютно необходимо букинисту. Они всегда должны быть в больших букинистических магазинах для справок. Я имею в виду:

Сводный каталог русской книги гражданской печати XYIII века. 1725–1800 гг. М., 1962–1975. Т. 1–5, с доп.

Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник. М., 1959.

Русская периодическая печать (1895–1917): Справочник. М., 1957.

Краткая литературная энциклопедия. М., 1962–1978. Т. 1–9.

Смирнов-Сокольский Н.П. Русские литературные альманахи и сборники XYIII–XIX вв. М., 1965.

Обольянинов Н.А. Каталог русских иллюстрированных изданий. 1725–1860 гг. М., 1914–1915. Т. 1–2..

Битовт Ю.Ю. Редкие русские книги и летучие издания XYIII века. М., 1905.

Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703–1900: Материалы для истории русской журналистики. 1915.

Н.Б. (Березин. – *Л.Г.*). Русские книжные редкости: Опыт библиографического описания редких книг с указанием их ценности. М., 1902–1903. Ч. 1–2.

Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование. Спб., 1862. Т. 1–2. Для букинистов наибольший интерес представляет второй том, в котором дано описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов.

Значительный интерес представляют для букинистов труды выдающихся библиографов А.Е.Бурцева, В.А.Верещагина, Г.Н.Геннади, Н.В.Губерти, У.Г.Иваска, И.П.Каратаева, И.Ф.Масанова, В.И.Межова, Н.А.Рубакина, А.А.Сидорова и др.

Обогащают знаниями старой, дореволюционной книги, дают представление о книгах, никогда не виданных, книготорговые каталоги. Нужно признать, что эти библиографические издания наиболее интересны для букинистов. Но не только для них. И книголюбы, собиратели библиотек также ценят этот вид библиографических изданий. Потому-то каталоги – многообъемные и тоненькие – служат предметом собирательства любителей книги.

Большой интерес представляют обстоятельные каталоги торговых фирм, книжных магазинов А.Ф.Базунова, Я.А.Исакова, А.И. и И.П.Глазуновых, М.О.Вольфа, А.С.Суворина, А.Ф.Смирдина, И.Д.Сытина. Изданию каталогов всегда уделялось внимание со стороны издателей и

Молодые букинисты Москвы в гостях у Л.А.Глезера (1987)

книжных магазинов. Антикварно-книжные магазины П.И.Макушина в Томске выпустили 15 каталогов, П.П.Шибанов в Москве – 168, Н.Г.Киммель в Риге – 44, В.И.Клочков – 576 каталогов, Н.Соловьев в Петербурге – более 100. Много выпусков каталогов издали букинисты С.Н.Котов (Петербург), Ф.Г.Шилов (Петербург) и акционерное общество "Международная книга" в 1924–1935 годах.

Большой познавательный материал найдут букинисты и в сборниках описания частных, общественных и государственных библиотек. Есть описания библиотек О.Н.Черкасова, А.П.Бахрушина, Я.Ф.Березина-Ширяева, А.Е.Бурцева, Л.И.Жевержеева, Д.В.Ульянинского и др.

В профессии товароведа-букиниста есть элементы романтики. Передержав в течение многолетней трудовой деятельности огромное число книг, букинист пребывает в вечном поиске чего-нибудь необычного, сверхредкого. Ведь нам в наследие осталась печатная продук-

ция прошлых веков. Разобраться в этом наследии не так-то просто. Встречаются книги, которые даже в нашей обширной библиографии не описаны. Букинист всю жизнь мечтает о встрече с редкостями. А сколько таких книг, которые подробно описаны в библиографии, а в практике работы никогда не встречались! Их даже и в глаза не видели.

Вот во встречах с такими изданиями и заключается романтика поиска. Редко встретишь книги, уничтоженные самими авторами, такие, как "Ганс Кюхельгартен" В.Алова (Спб., 1829). Это первое сочинение Н.В.Гоголя, почти все экземпляры которого автор сжег. Такая же участь постигла и книги И.Лажечникова "Первые опыты в прозе и стихах" (М., 1817). Можно вспомнить и сочинение Н.Некрасова "Мечты и звуки" (Спб., 1840), его же "Статейки в стихах" в двух книжечках (Спб., 1843). Сам автор после выхода книг в свет скупил и уничтожил экземпляры этих, с его точки зрения, слабых произведений.

Редки встречи с книгами, уничтоженными царской цензурой и сохранившимися в единственных экземплярах, как, например, сочинение А.Пушкина "Стихотворения, не изданные в России" (М.: тип. А.П.Поплавского), книга В.Гиляровского "Трущобные люди" (М., 1887).

Есть еще много редчайших изданий, которые отсутствуют даже в прославленных библиотеках нашей страны и музеях. Идет вечный поиск их. А ведь где-то они хранятся и ждут своего хозяина.

А какие возвышенные чувства могут вызвать у букиниста и каждого книголюба встречи с книгами, на которых автографы знаменитых людей, оставивших след в истории цивилизации.

Книжный мир полон загадок, и букинист живет тем, чтобы помочь их разгадать.

Всего 30 лет прошло, как обнаружился "Букварь", напечатанный Иваном Федоровым в 1574 году во Львове. До появления "Букваря" о нем ничего не было известно. А кто из товароведов-букинистов нашего времени не мечтает о встрече с книгами Ивана Федорова, с первыми

изданиями произведений А.Н.Радищева, с "Волшебным фонарем" (Спб., 1817–1818), "Театральным альбомом" (Спб., 1842) и т.д. Всех книг не перечислить. Большой интерес представляют первые и прижизненные издания А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, И.А.Крылова, К.Ф.Рылеева, Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, А.И.Герцена, А.П.Чехова и других русских классиков, альманахи XYIII века и пушкинской поры.

Профессия букиниста очень увлекательна. Но достичь какого-то совершенства можно лишь при условии бесконечной любви к книге и нескончаемой учебы.

Недавно в газете "Известия" была публикация собственного корреспондента во Франции Ю.Коваленко. Это очень обстоятельная и интересная беседа с выдающимся современным писателем Грэмом Грином. Среди прочего писателю был задан вопрос: "Если бы Вам пришлось начать жизнь снова, стали бы Вы писателем?" – "Нет, я стал бы букинистом. Эта профессия, связанная с поисками редких книг, напоминает мне охоту за сокровищами". Если бы этот вопрос был задан мне, я бы на него ответил точно так же.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Лев Абрамович Глезер

ЗАПИСКИ БУКИНИСТА

Руководитель группы *В.И.Колобаев*
Редактор *В.Ф.Ларина*
Художник *Л.Д.Андреев*
Художественный редактор *Н.Д.Карандашев*
Технический редактор *А.З.Коган*
Корректор *В.А.Коротаева*
Оператор *Монахова Н.Е.*

ИБ № 1798
Сдано в набор 07.09.88. Подписано в печать 19.05.89. А 01575. Формат 70x100 1/32. Бум. кн.-журн. 60 г. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ. л. 10,40 Усл.кр.-отт. 21,13 Уч.-изд.л. 11,44 Тираж 30 000 экз. Изд. № 4716. Заказ № 1586 Цена 2 руб.

Набрано на композере издательства "Книга". 125047, Москва, ул. Горького, д. 50. Отпечатано в Московской типографии № 4 Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.129041, Москва, ул. Б.Переяславская, 46.

Пушкинска

2 p.